

НПО «Издательство «Наука» РАН

Редакция журнала «Славяно-восточное
ведение»
119334, Москва, Ленинский просп., 32А
тел. 938-01-20
e-mail: jurslav@rambler.ru

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО-
ВОСТОЧНОЕ
ВЕДЕНИЕ

2007

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4
2007
ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

Содержание

Шестьдесят лет Институту славяноведения РАН 3

СТАТЬИ

Лобачева Ю.В. (Москва). Сербия, Югославянский комитет и сербо-хорвато-словенская эмиграция в Америке в 1914–1916 годах 12

Бурега В.В. (Сергиев Посад). Взаимоотношения русского православного прихода в Праге с государственными органами Чехословакии (1921–1938) 29

Кьосева Ц. (София). Установление болгаро-советских дипломатических отношений в 1934 году и судьба посольской церкви в Софии 46

Симонова Т.М. (Москва). Дмитрий Философов – публицист и издатель 53

Станков Н.Н. (Волгоград). План Дауэса и политическая борьба в Германии в 1924 году в сообщениях чехословацкого посольства в Берлине 71

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Косик В. И. М. Йованович. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940 85

Никифоров К.В. Белоемигранција у Југославији. 1918–1941 89

Айзпурут Е. Альфред Людвикович Бем / Всеволод Измайлович Срезневский. Переписка. 1911–1936 93

Лантева Л.П. Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831) 98

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Протокол третьего заседания Президиума Международного комитета славистов, состоявшегося в Удине (Италия) 22–23 сентября 2006 года 101

Носов Б.В. Международная научная конференция “Общественная и частная жизнь Великого княжества Литовского в XVIII веке” 105

<i>Досталь М.Ю., Ефимова В.С.</i> Дни Славянского института АН ЧР в Москве	108
<i>Горизонтов Л.Е., Робинсон М.А.</i> Славяноведение в восточнославянских странах перед вызовами современности. Информация о научном проекте.....	113

ЮБИЛЕИ

<i>Валева Е.Л.</i> К юбилею Валентины Владимировны Марьиной.....	119
К юбилею Юрия Васильевича Богданова	121
К юбилею Виктора Александровича Хорева.....	122

НЕКРОЛОГИ

Памяти Галины Петровны Клепиковой.....	125
<i>Аксенова Е.П.</i> Памяти Марка Яковлевича Гольберга (1922–2007)	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (и.о. главного редактора),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),

Белова О.В. (отдел культурологии),

Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20

E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2007 г.

© Редколлегия журнала "Славяноведение"
(составитель), 2007 г.

60 ЛЕТ ИНСТИТУТУ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

20 февраля 2007 г. состоялось торжественное заседание, посвященное шестидесятилетию со дня основания Института славяноведения РАН.

К этой дате были получены следующие поздравительные телеграммы и ответственные адреса:

“Президент Российской Федерации коллективу Института славяноведения Российской академии наук.

Поздравляю вас с 60-летием со дня основания Института. Все эти годы Институт продолжает лучшие традиции отечественного славяноведения, а его научная деятельность направлена на изучение уникального исторического, культурного, языкового наследия всех славянских народов. Старанием нескольких поколений сотрудников Институт вырос в крупный и авторитетный центр, где сосредоточен богатый интеллектуальный потенциал, работают замечательные специалисты, реализуются перспективные исследовательские и просветительские проекты.

Уверен, что вы и впредь будете вносить достойный вклад в развитие славистики, укрепление международных гуманитарных связей и контактов.

Желаю успехов и всего самого доброго. *В. Путин.*

20.02. 16.00”.

“Правительственная, вручить коллективу Института славяноведения Российской академии наук.

Дорогие друзья!

Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации сердечно поздравляет вас с шестидесятилетием со дня основания Института славяноведения Российской академии наук.

Желаем коллективу Института-юбиляра дальнейших творческих успехов, здоровья и благополучия. Министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации *А.С. Соколов.*

19.02. 20.00”.

“Коллективу Института славяноведения
Российской академии наук.

Дорогие коллеги!

Президиум Российской академии наук сердечно поздравляет вас со славной датой – шестидесятилетием со дня основания Института славяноведения РАН.

Возникнув в сложные послевоенные годы, ваш Институт трудами нескольких поколений исследователей сумел сохранить и достойно продолжить слав-

ные традиции отечественной школы славистики, насчитывающей более двух веков, упрочить ее авторитет в международном научном сообществе, сохранить ее лидирующие позиции в мировой науке.

В Институте работала и работает плеяда блестящих исследователей, составивших гордость и честь российской науки, создан целый ряд трудов, вошедших в ее золотой фонд.

Особенность вашего научного коллектива, делающая его уникальным, помимо традиционного интереса к проблемам культуры славянского мира, филологии, искусству, этнографии – активное изучение социально-экономической и политической истории славянских стран. Подготовленные учеными вашего Института проблемные монографические исследования, фундаментальные обобщающие труды, особенно по Новой и новейшей истории славянства, серии публикаций исторических источников представляют не только академический интерес. Они имеют важное значение для современной общественной практики, осмысления процессов, разворачивающихся в настоящее время, прогнозов на будущее.

От души желаем всему вашему коллективу дальнейших творческих успехов, а каждому лично – здоровья и благополучия.

Президент Российской академии наук
академик

Ю.С. Осипов

Главный ученый секретарь Президиума Российской академии наук
академик

В.В. Костюк

20 февраля 2007 года”.

“Коллективу Института славяноведения РАН.

Дорогие друзья и коллеги!

Отделение историко-филологических наук РАН шлет вам самые теплые и сердечные поздравления в связи со знаменательным событием в жизни нашей науки – шестидесятилетием со дня основания Института славяноведения РАН.

Ваше научное сообщество уникально, не имеет аналогов в мировой славистике. В него входят специалисты по всем славяноведческим дисциплинам, по всем славянским народам и всем периодам их истории. Научный потенциал института позволяет решать не только специальные, но и комплексные задачи, исследовать славянский мир как целостную, социокультурную систему.

Путь, пройденный отечественным славяноведением, сложен и неоднозначен, изобилует драматическими событиями, приведшими в 1930-е годы к фактическому уничтожению этого научного направления. Начало его возрождению положило учреждение в системе Академии наук Института славяноведения. Можно с удовлетворением констатировать, что ученые Института, несмотря на жесткий идеологический диктат и давление политической конъюнктуры сумели не только сохранить, продолжить лучшие традиции отечественной школы славистики, но и умножить их, занять авангардные позиции в мировом славяноведении.

Вы сумели в полной мере реализовать те возможности, которые возникли в связи с кардинальными изменениями, произошедшими в нашем обществе за последние два десятилетия. Ваши труды – не только вклад в академическую науку, – они востребованы обществом, ныне активно ищущим корни своей идентичности.

В Институте на всем протяжении его существования трудилась когорта блистательных исследователей, пользующихся высоким авторитетом среди научной общественности в нашей стране и за рубежом. В этот день уместно с благодарностью вспомнить имена выдающихся ученых, работавших в вашем институте в прошлые годы – академика Михаила Николаевича Тихомирова, академика Бориса Дмитриевича Грекова, академика Владимира Николаевича Топорова, члена-корреспондента РАН Владимира Ивановича Пичету, члена-корреспондента РАН Владимира Константиновича Волкова. Среди работающих сегодня – академики Андрей Анатольевич Зализняк, Вячеслав Всеволодович Иванов, Геннадий Григорьевич Литаврин, члены-корреспонденты РАН Владимир Антонович Дыбо, Татьяна Михайловна Николаева, Борис Николаевич Флоря и другие замечательные ученые.

Желаем вашему прекрасному коллективу дальнейших творческих успехов. Будьте здоровы и благополучны.

Академик-секретарь ОИФН РАН академик
Ученый секретарь ОИФН РАН канд. ист. наук
20 февраля 2007 года.

А.П. Деревянко
А.Е. Петров

На торжественном заседании с докладом выступил
директор Института славяноведения

© 2007 г. *К.В. НИКИФОРОВ*

Институту славяноведения РАН исполнилось 60 лет. Десять лет назад по поводу его пятидесятилетия было много сказано и написано, много опубликовано [1].

Напомним лишь, что научная славистика в нашей стране развивается уже более 200 лет, а в российских университетах преподается более 170 лет. Около 100 лет назад славяноведение превратилось в международную сферу исследований. К тому времени славистика получила широкое распространение во всех славянских странах и ряде других, неславянских государствах, возникли и первые международные организации славистов [2. С. 7].

Поступательное развитие славяноведения в нашей стране закончилось после 1917-го года. Многие ученые эмигрировали. Постепенно были закрыты все славистические кафедры в университетах. Лишь эпизодом осталось трехлетнее существование совсем небольшого – в несколько человек – академического Института славяноведения в Ленинграде в начале 1930-х годов. В связи с продолжавшимися гонениями на славистику, в частности с так называемым “делом славистов”, Институт был ликвидирован.

Но уже в конце 1930-х годов, с осложнением международной обстановки, начинается постепенная реабилитация славистики. В 1939 г. создается кафедра истории южных и западных славян на истфаке МГУ, в годы войны – кафедра славянской филологии на филфаке. И, наконец, в начале 1947 г. на базе сектора славяноведения Института истории, сектора славянского языка Института русского языка и Славянской комиссии Академии наук был создан Институт славяноведения в Москве, который продолжает классические традиции отечественной славистики.

В Постановлении Совета Министров СССР 1946 г. на создаваемый институт возлагались задачи “научной разработки истории, языка и культуры славянских

народов, а также подготовки квалифицированных специалистов-славяноведов”. Фактически Институт этим и занимался все 60 лет своего существования.

Сегодня в нем сосредоточены кадры по всем славистическим дисциплинам, специалисты по всем зарубежным славянским народам. Образовалось то, что В.К. Волков называл “сплошным фронтом славяноведения”.

В последние годы учеными-славистами неоднократно ставился вопрос и об “интегральной модели” российского славяноведения, которая бы охватывала не только зарубежные славянские народы. Хотим мы этого или нет, но перед отечественной славистикой стоит задача изучения всего славянства, включая и русских. Но, разумеется, под своим углом зрения, чтобы не дублировать работу других российских научных учреждений.

Персональный состав Института – очень квалифицированный. Сегодня в нем работают академики А.А. Зализняк, В.В. Иванов, Г.Г. Литаврин, члены-корреспонденты В.А. Дыбо, Т.М. Николаева, Б.Н. Флоря, советник РАН С.О. Шмидт. В Институте – 65 докторов наук и 72 кандидата наук.

К глубокому сожалению, за истекшее десятилетие от нас ушли многие выдающиеся ученые, наши коллеги по Институту. Это – в первую очередь, многолетний директор Института В.К. Волков, С.Б. Бернштейн, Л.В. Заборовский, Н.С. Захарьина, В.И. Злыднев, Ю.Ф. Зудинов, Ф.Г. Зуев, Т.М. Исламов, Л.С. Кишкин, Г.П. Клепикова, А.Я. Манусевич, Л.И. Масленникова, Е.В. Пилишек, В.Н. Савченко, Л.Н. Смирнов, А.К. Стрижкова, Л.Н. Титова, В.Н. Топоров, А.А. Улунян, В.И. Фрейдзон, М.В. Фридман, Р.М. Цейтлин, Е.М. Шатохина.

Ученые старших поколений не только внесли решающий вклад в становление российской славистики, но и заложили лучшие традиции Института славяноведения.

С самого начала одной из главных задач Института была подготовка научных кадров высшей квалификации через собственную аспирантуру. Около 120 наших аспирантов защитили кандидатские диссертации. Только за последнее десятилетие 10 бывших аспирантов Института защитили докторские диссертации.

Институт выпускал и выпускает основную массу славяноведческой литературы в стране. Было подсчитано, что к 50-летию только под своим грифом Институт издал около полутора тысяч работ – индивидуальных и коллективных монографий, сборников статей, публикаций документов и т.п. Если учесть, что каждый год Институт публикует порядка 45-ти книг, а то и больше (в прошлом году, например, более 50), то, нетрудно подсчитать, что к своему 60-летию Институт выходит уже на цифру в две тысячи работ. Можно сказать, что его сотрудниками создана целая славистическая библиотека. И многие из институтских трудов заслуженно вошли в золотой фонд отечественной и мировой науки.

Наконец, на сегодняшний день Институт славяноведения РАН ведет научное сотрудничество с двадцатью странами по более 70-и научным проектам.

После всех изменений, произошедших в последние годы, нам надо прежде всего понять, каким стал славянский мир и наше представление о нем. Было бы очень полезно иметь серию работ – “Славяноведение в зарубежных странах”. Начинать можно со специализированных очерков в журнале “Славяноведение”, а в будущем – можно выйти и на обобщающий труд – “Славяноведение в современном мире”.

С этим проектом тесно связан масштабный проект по написанию 12-томной Славянской энциклопедии. Предполагается совместная работа с коллективом Большой российской энциклопедии и под эгидой международного Форума славянских культур.

Напомним, что еще в первой половине 1990-х годов в Институте славяноведения была предпринята попытка написания Славянского энциклопедического словаря объемом до 120 п.л. В те годы был составлен “словник” и написано около 50% предполагаемого материала. Однако в целом попытка с написанием энциклопедического словаря сорвалась. И во многом потому, что возникли трудности с обобщающими страноведческими статьями, особенно по истории славянских стран в XX в.

В определенной степени это подвигло коллектив Института приступить к написанию очерков истории славянских стран в XX ст. К настоящему моменту уже опубликованы очерки истории Болгарии [3] и Чехословакии [4], завершается работа над написанием очерков истории Югославии, начата работа над очерками истории Польши. Таким образом, создается страноведческая серия “третьего поколения”, учитывая написанные в Институте в конце 1950-х – начале 1960-х годов двух-, трехтомные труды по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их краткие однотомные истории в конце 1980-х годов.

Основная исследовательская работа происходит, естественно, в институтских отделах. И примеры подобной работы в предыдущий период не могут не впечатлять. Так, вышла в свет трехтомная работа “Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы” в XV–XVII вв. [5]. В этом же отделе, по истории Средних веков, продолжается работа по изучению средневековой общественной мысли славян, есть планы распространить это исследование и на эпоху Возрождения.

Надо упомянуть также о завершении семитомного проекта под редакцией В.Н. Виноградова – международные отношения на Балканах от Екатерины Великой до Первой мировой войны [6]. Вряд ли в ближайшее время кто-либо и у нас, и за рубежом сможет повторить столь масштабный труд. Но его было бы хорошо продолжить, распространив исследование международных отношений на Балканах на весь XX в. Под редакцией Виноградова же пишется новая серия – “Истории Балкан” в XVIII и XIX вв. [7]. И опять напрашивается мысль продлить этот труд до наших дней и создать нечто подобное и по региону Центральной Европы.

Отметим также начавшуюся серию “Человек на Балканах”, посвященную проблемам модернизации на Балканах в конце XIX – начале XX вв. [8; 9] Есть интересный замысел проследить три волны догоняющей модернизации (имитирующая, альтернативная и вновь имитирующая) в славянских и соседних с ними странах на протяжении всего XX ст.

В сфере внимания Института сейчас находится еще один регион – Восточная Европа, а именно Белоруссия и Украина. В прошедшее десятилетие стал выходить одноименный ежегодник (см., например: [10]). Только в последние несколько месяцев и только по проблематике Украины вышло несколько индивидуальных монографий [11; 12; 13]. Есть много интересных планов по сотрудничеству с Белоруссией и Украиной, так что работа, несмотря на крайний дефицит кадров, будет продолжена.

Обязательно продолжатся и публикации документов. В Институте славяноведения эта работа всегда была важной частью научной деятельности, и она востребована не только у нас в стране, но и зарубежом.

Упомянем также плодотворную деятельность в Институте Археографической комиссии, которая недавно отметила свое 50-летие. А ее Археографический ежегодник (см., например: [14]) стал ведущим академическим изданием по проблемам археографии, архивоведению и смежным историко-филологическим дисциплинам.

Литературоведы нашего Института завершили в прошедшее десятилетие очень значительный, по праву выдвигавшийся на соискание Государственной премии, пятитомный труд по истории литератур изучаемых нами стран (под общей редакцией В.А. Хорева) [15]. Это, бесспорно, новое слово в российском и мировом славяноведении.

В прошедшее десятилетие в Институте шла активная работа по составлению пятитомного этнолингвистического словаря “Славянские древности” [16]. Практически завершена работа над четвертым томом. Издание уже получило широкий отклик в научной среде. В более чем 30 рецензиях, опубликованных в России, Польше, Чехии, Болгарии, Сербии, Словении, Бельгии, Италии, отмечается фундаментальный и новаторский характер этого издания, его общекультурное значение как компендиума сведений о традиционной культуре всех славянских народов. Коллектив под руководством С.М. Толстой получил грант Президента РФ для поддержки ведущих научных школ.

Надо отметить, что многие работы выдающихся лингвистов Института славяноведения, без преувеличения, относятся к классике мировой славистики. Нельзя не сказать и о том, что благодаря их научным изысканиям сделан огромный шаг и в изучении русского языка и русской литературы.

Перспективы развития академического славяноведения немыслимы без его связей с высшей школой. Институт славяноведения традиционно тесно сотрудничает со славистическими кафедрами МГУ. Сегодня их выпускниками являются примерно 80 процентов сотрудников Инслава. Сотрудничество с высшей школой включает тесные контакты Института славяноведения и с другими вузами. Десятки наших сотрудников, помимо МГУ, преподают в МГИМО, РГГУ, Государственной академии славянской культуры, ГУГН и др.

Возможно, стоит попробовать написать вузовский учебник полностью на базе Института славяноведения. Это не было бы дублированием учебников университетских славистических кафедр. Имеется в виду учебник по предмету “Славяноведение”, по введению в этот предмет. И этот учебник мог бы отражать весь комплекс славистических исследований: история, история культуры, литература, язык, а также включать очерк по истории славистики – отечественной и зарубежной. В Институте уже созданы солидные заделы для написания такого труда.

Сегодня мы наблюдаем факт значительного ослабления того, что называется “славянской идеей” или “славянской взаимностью”. Славянский мир явно разобщен. В нем появились и такие болезненные явления, как, например, русофобия. Перед славяноведением, которое само по себе способствует консолидации славянского мира, стоит задача изучения его сегодняшнего состояния, а также стереотипов взаимного восприятия славянских и соседних с ними народов. Эта проблема активно изучается в нашем Институте, и тем самым развивается такое научное направление, как имагология (см., например: [17; 18]).

Сегодня в эпоху глобализации славянские народы начинают осознавать важность сохранения своего национального лица. Эта проблема также активно изучается в Институте славяноведения, который всегда активно занимался иссле-

дованием историко-культурных, конфессиональных проблем славянского мира, а также культурных связей между Россией и странами региона. В последние годы многое сделано и в разработке теоретических проблем истории культуры, универсальных категорий культуры. Здесь следует отметить большой вклад Л.А. Софроновой. Эти проблемы сейчас стали чрезвычайно актуальными, и Институт славяноведения здесь не только не остается в стороне, но и занимает передовые позиции в науке.

В завершение еще раз напомним, что Россия давно ищет себя в трехмерном пространстве, по трем осям координат: Россия и Запад, Россия и Восток, Россия и славянский мир. Отсюда и такие органичные явления в отечественной общественной мысли, как западничество, славянофильство и появившееся несколько позже евразийство. Отсюда при всем нашем европоцентризме и такие области гуманитарных знаний, как востоковедение и славяноведение. Без развития отношений с восточным и славянским мирами, без их глубокого изучения – Россия просто не может существовать. Но принадлежность к славянству – еще и часть нашего национального самосознания, нашей национальной культуры.

Далеко не у всех ученых есть свой профессиональный праздник. А у славистов есть. Это – День славянской письменности и культуры, отмечаемый 24 мая как государственный и церковный праздник. Кстати, Институт был одним из инициаторов и зачинателей этого праздника и продолжает активно участвовать в его подготовке и проведении. Можно даже сказать, что у славистов есть свой гимн – великий марш “Прощание славянки” Василия Ивановича Агапкина, посвященный, как известно, проходам русских добровольцев на первую Балканскую войну.

Первый трудовой день Института славяноведения пришелся на 7 января 1947 г., как раз на Рождество Христово, которое тогда еще было рабочим днем. Понятно, что плохое в этот день родиться не может.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
2. Волков В.К. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
3. Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003.
4. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х книгах. М., 2005.
5. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (XV–XVII вв.) М., 1998–2001. Т. 2–3.
6. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002; В “пороховом погребе Европы”. 1978–1914. М., 2003.
7. История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.
8. Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб, 2004.
9. Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб, 2006.
10. Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2004. М., 2005.
11. Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006.
12. Пушкаш А.И. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945 гг. М., 2006.
13. Михутина И.В. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и Правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007.
14. Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005.
15. История литератур западных и южных славян. В 3-х томах. М., 2001, Т. 3; История литератур стран Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2-х томах. М., 2001. Т. 2.

16. Славянские древности. Этнолингвистический энциклопедический словарь. М., 2004. Т. 3.
17. *Хорев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005.
18. Русские о Сербии и сербах. Письма, статьи, мемуары / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2006. Т. 1.

С поздравлениями коллективу института на заседании выступили: от имени Президиума РАН академик-секретарь Отделения историко-филологических наук *А.П. Деревянко*, зачитавший приветственный адрес президента РАН *Ю.С. Осипова*, зам. академика-секретаря ОИФН РАН, директор Ин-та этнологии и антропологии РАН чл.-корр. РАН *В.А. Тишков*, руководитель Федерального архивного агентства чл.-корр. РАН *В.П. Козлов*, главный редактор журнала "Новая и новейшая история" акад. РАН *Г.Н. Севастьянов*, зачитавший приветственный адрес от коллектива Ин-та всеобщей истории РАН и его директора акад. *А.О. Чубарьяна*, председатель Национального комитета славистов РФ, директор Ин-та русского языка РАН им. В.В. Виноградова чл.-корр. РАН *А.М. Молдован*, директор Ин-та археологии РАН чл.-корр. РАН *Н.А. Макаров*, директор Ин-та лингвистических исследований РАН акад. РАН *Н.Н. Казанский*, зам. директора Ин-та языкознания РАН *В.З. Демьянков*, зачитавший приветственный адрес от коллектива Ин-та языкознания РАН и его директора чл.-корр. РАН *В.А. Виноградова*, зав. кафедрой Истории южных и западных славян исторического ф-та МГУ *Г.Ф. Матвеев*, зачитавший приветственный адрес декана исторического ф-та МГУ чл.-корр. РАН *С.П. Карпова*, зав. кафедрой Славянской филологии филологического ф-та МГУ *В.П. Гудков*, зав. кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения *О.Н. Шапкина*, зачитавшая приветственный адрес декана факультета иностранных языков и регионоведения МГУ *С.Г. Тер-Минасовой*, директор Архива РАН *В.Ю. Афиани*, временный поверенный в делах Республики Сербия в РФ *Е. Куряк*, советник посольства Республики Словения в РФ *О. Пунгартник*, директор Историко-архивного ин-та РГГУ *А.Б. Безбородов*, зачитавший приветственный адрес ректора РГГУ *Е.И. Пивовара*, ректор ГАСК *А.К. Коненкова*, зав. кафедрой польской филологии Гродненского государственного ун-та *С.Ф. Мусиенко*, зачитавшая приветственный адрес от коллектива Университета и его ректора *Е.А. Ровбы*, *А.С. Озерянский*, зачитавший приветственный адрес от коллектива музея Н.Г. Чернышевского и его директора *Г.П. Мурениной*, президент Славянского фонда России, член Общественной палаты РФ *Г.В. Боголюбова*, ответственный секретарь Союза друзей Болгарии вице-адмирал *К.Г. Лемзенко*, зачитавший приветственный адрес от Центрального правления Союза и его председателя *В. Шаранова*, *Ю.В. Пахомов*, зачитавший приветственный адрес ректора Коломенского государственного педагогического ин-та *А.Б. Мазурова*.

Поздравления с 60-летием Института также прислали: чрезвычайный и полномочный посол РФ в Республике Сербия *А.Н. Алексеев*; чрезвычайный и полномочный посол Венгерской Республики в РФ *А. Секей*, чрезвычайный и полномочный посол Республики Польша в РФ *Е. Бар*, чрезвычайный и полномочный посол Словении в РФ *А. Бенедейчич*, чрезвычайный и полномочный посол Республики Хорватии в РФ *Б. Кавачевич*; Российский гуманитарный научный фонд и председатель его Совета чл.-корр. РАН *Ю.Л. Воронников*, ИНИОН РАН и его директор акад. *Ю.С. Пивоваров*, Ин-т российской истории РАН и его директор чл.-корр. РАН *А.Н. Сахаров*, С.-Петербургский ин-т истории РАН и его директор *В.Н. Плешаков*, академики РАН *Б.В. Ананьич* и

А.А. Фурсенко, члены-корр. РАН *Р.Ш. Ганелин* и *И.П. Медведев* и др., Ин-т русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Ин-т языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы и его научный руководитель, советник РАН акад. *Г.Г. Гамзатов* и директор *М.И. Магомедов*, Поволжский филиал Ин-та российской истории РАН и его директор *Ю.П. Аншаков*, директор Ин-та стран СНГ *К.Ф. За тулин*, научно-производственное объединение «Издательство “Наука”» и его ген. директор чл.-корр. РАН *В.И. Васильев*, Государственный архив РФ и его директор *С.В. Мироненко*, С.-Петербургский филиал Архива РАН, филологический факультет СПбГУ и зав. кафедрой славянской филологии *М.Ю. Кото ва*, факультет современных иностранных языков и литератур Пермского гос. ун-та и его декан *Б.М. Проскурнин*, Московская духовная академия и семинария и ее ректор, председатель Ученого комитета Русской православной церкви *Ев гений*, архиепископ *Верейский*, Ин-т ядерных исследований в Дубне; министерство образования и науки Самарской области; Международный комитет славистов и его секретарь *Д. Ристески*, Ин-т литературы НАН Беларуси и его директор *В.А. Максимович*, директор Ин-та языкознания НАН Беларуси *А.А. Лукашанец* и *М.П. Антропов*, ректор Брестского гос. ун-та *М.Э. Чесно ковский*, ректор Тараклийского гос. ун-та, председатель Научного общества болгаристов Республики Молдова *Н. Червенков*, ректор Приднестровского гос. ун-та *С.И. Берил*, коллектив и директор Ин-та политических и этнонациональных исследований НАН Украины чл.-корр. *Ю.А. Левенец*; Ин-т истории Болгарской АН и его директор чл.-корр. *Г. Марков*, Ин-т балканистики Болгарской АН и его директор *А. Гарабедян*, Ин-т литературы Болгарской АН и его директор *Р. Кунчева*, Ин-т фольклора Болгарской АН и его директор *М. Сан това*, коллектив и директор Ин-та болгарского языка Болгарской АН *В. Рай нов*, Ин-т национальной истории Македонии и его директор *В. Иваноски*, Ин-т македонской литературы и его директор *Л. Георгиевска-Яковлева*, Ин-т балканистики Сербской академии наук и искусств и его директор *Д. Батакович*, Ин-т новейшей истории Сербии и его директор *М. Митрович*, директор Ин-та сербского языка Сербской академии наук и искусств *С. Танасич*, и.о. директора Архива Сербии и Черногории *М. Милошевич*, директор Ин-та истории Словацкой академии наук и искусств *С. Михалек* и сопредседатель российско-словацкой комиссии историков *М. Барновский*, Ин-т словенской литературы и литературоведческих наук Словенской академии наук и искусств, его директор *Д. Долинар*, зам. директора Ин-та литературных исследований Польской АН *М. Соколовский*, Польская комиссия Общеславянского лингвистического атласа и ее председатель *Я. Ванякова*, Славянский ин-т Чешской АН и его директор *В. Вавржинец*, зам. декана филологического ф-та ун-та свв. Кирилла и Мефодия (Македония) *В. Мойсова-Чепишевская*, филологический ф-т Белградского ун-та и зам. декана *П. Буняк*, философский ф-т Белградского ун-та и руководитель Центра по изучению современной истории на Балканах *М. Йованович*, зав. кафедрой русской литературы философского ф-та Университета в Любляне *М. Яворник*, филологический ин-т Гданьского ун-та – *Ю. Бахуж* и *М. Черминьская*, журнал “Slovene Studies”, историки Саратовского ун-та, *А. и З. Гугнины* (Полоцк, Белорусия), *М. Штухец* (Марибор, Словения), *С. Милорадович* (Белград, Сербия) и др.

Коллектив и дирекция Института славяноведения горячо благодарят всех, поздравивших их с юбилеем.

© 2007 г. Ю. В. ЛОБАЧЕВА

СЕРБИЯ, ЮГОСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ И СЕРБО-ХОРВАТО-СЛОВЕНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АМЕРИКЕ В 1914–1916 ГОДАХ

“Свободные от контроля отечественной власти славяне, находящиеся в нейтральных или союзных с нами странах, открыто проповедуют свои политические вождения и деятельно работают для сплочения рассеянных по всему свету своих соотечественников и для заложения прочных основ будущих славянских государств...”, – сообщал о деятельности славянских эмигрантов в Америке в МИД внештатный сотрудник посольства России в США Н.Н. Кратиров в 1917 г. И продолжал: “Вся эта громадная масса переселенцев... сохраняет, за редкими исключениями, связь с родиной и живо реагирует на происходящие там события... эмигранты не ограничиваются платоническим сочувствием деятельности своих сородичей в Европе, но способствуют ее успеху и практически мерами, причем содействие переселенцев, из которых многие сумели достичь значительного материального благосостояния, выражается, главным образом, в денежной поддержке славянского дела...” [1. Ф. 135. Оп. 474. Д. 363. 1917 г. Л. 2об.–3]¹.

Цель данной статьи показать, что представляла собой деятельность американских эмигрантов-югославын и ответить на вопросы: какие цели ставили перед собой сербское правительство и Югославянский комитет, устанавливая связь с проживавшими в Америке сербами, хорватами и словенцами? Как осуществлялись контакты между европейскими и заокеанскими югославянами? Каковы были итоги этих контактов?

Нападение Австро-Венгрии на Сербию в 1914 г. было по-разному воспринято в югославянских областях Австро-Венгрии. Так, например, хорватские и словенские католические иерархи и клерикальные партии заняли однозначно прогабсбургскую позицию [3. С. 675; 4. С. 361]. Мнения хорватских политических деятелей разделились. В хорватском Саборе существовала придерживавшаяся идеи сохранения монархии партийная коалиция, видным представителем которой был лидер Крестьянской партии Степан Радич. Вторая часть политиков, опиравшаяся на депутатов Сабора, возглавляемых Иваном Лорковичем, фор-

Лобачева Юлия Владимировна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Статья выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН “Власть и общество в истории”.

¹ Отрывок из этой записки опубликован в [2. С. 346–348].

мально сохраняла лояльность к империи Габсбургов, но составила проект борьбы за государственную независимость Хорватии с иностранным принцем во главе в случае распада Австро-Венгрии. Этот план подразумевал включение словенских земель в состав Хорватии и ее “федерацию” с Сербией и Черногорией. И, наконец, сформировалась небольшая группа югославянских политиков и интеллектуалов, эмигрировавших после начала Первой мировой войны из Австро-Венгрии в Европу и вошедших позднее в состав Югославянского комитета². Ее лидерами стали известные хорватские общественные деятели из Далмации – Анте Трумбич, Франо Супило, Иван Мештрович [3. С. 737–740]. Они считали, что единственной возможностью защитить национальные интересы хорватов и словенцев является создание единого югославянского государства, включающего как хорватские и словенские земли, так и Сербию [5. Р. 95]. Но, оставаясь лишь малочисленной группой эмигрантов, эти политики не представляли интересов всех югославян Дунайской монархии и не могли на высоком уровне отстаивать радикальные планы интеграции. Поэтому первоначально их усилия были направлены на пропаганду идей югославянского объединения, поиск единомышленников и союзников, решение вопроса о финансировании своей деятельности. Так, 27 сентября 1914 г. в Риме состоялась встреча Трумбича, Супило и Мештровича с исполняющим обязанности посланника Сербии в Италии Любомиром Михайловичем, организовавшим их прием послами России, Франции и Великобритании; в октябре Ф. Супило, уже пользовавшийся тогда известностью в международных кругах, направился во Францию и Великобританию, кроме того, эмигранты попытались наладить контакты с югославянами в европейских странах и Австро-Венгрии [6. Р. 108; 7. С. 134].

Тем временем премьер-министр Сербии Никола Пашич, которого Супило информировал о своих переговорах, решил, что будет полезно создать Комитет югославянских эмигрантов из Австро-Венгрии, который действовал бы совместно с сербским правительством и под его руководством [6. Р. 108].

Уточним, что до 1914 г. политики Королевства Сербии не ставили задачу государственно-политической интеграции с югославянами Австро-Венгрии, но начало общеевропейской войны, повлекшее за собой изменение внешнеполитических условий, в которых теперь им пришлось отстаивать интересы сербского народа, скорректировало прежнюю позицию. И уже к концу сентября 1914 г. Н. Пашич наметил объединительную или “югославянскую” программу сербского правительства [8. С. 386–387].

Создание комитета из эмигрантов вполне соответствовало этой программе, которая официально была представлена 7 декабря 1914 г. в “Нишской декларации” народной скупщины (парламента) и которая, “несмотря на все явные и скрытые мотивы ее принятия, стала краеугольным камнем официальной юнионистской политики Сербии военного времени” [4. С. 351]. Формирование комитета позволяло использовать деятельность эмигрантов для пропаганды военных целей Сербии в Западной Европе. По мысли Н. Пашича, через обществен-

² Югославянский комитет – политическая организация хорватских, сербских и словенских эмигрантов из Австро-Венгрии, которая во время Первой мировой войны осуществляла деятельность, направленную на освобождение югославянских областей Австро-Венгрии и их объединение в одно государство с Сербией и Черногорией. Формально образован в Париже 30 апреля 1915 г., центр Комитета находился в Лондоне.

ные акции комитет должен был помогать Сербии в борьбе за создание югославянского государства³ [5. Р. 95]. 27 октября 1914 г. он дал соответствующие “инструкции” своим эмиссарам (Николе Стояновичу и Душану Васильевичу – сербским эмигрантам из Боснии) для переговоров с югославянскими деятелями по формированию комитета [9. С. 10–11; 10. Фасц. 4. С. 574–575], в результате которых были приняты решения о создании Югославянского комитета и его программа [9. С. 11]. Деятельность комитета не придавалась широкой огласке и первоначально финансировалась в основном сербским правительством [3. С. 743; 5. Р. 96].

Отметим, что в упомянутых “инструкциях” содержалось указание “постараться установить связь и с югославянами из Америки” [9. С. 10; 10. Фасц. 4. С. 575], что, очевидно, свидетельствовало о том, что сербское руководство рассчитывало и на их поддержку. В тоже время и сами югославянские лидеры были заинтересованы в установлении связи с соотечественниками в Америке. В декабре 1914 г. Любо Леонтич, член Югославянской объединенной омладины⁴, предложил два основных направления деятельности. Одно из них касалось рекрутирования добровольцев, а другое – оформления деятельности югославянских эмигрантов в Северной и Южной Америке. По мысли Леонтича, организация всех переселенческих колоний в американских государствах могла принести большие результаты: 1) эмигранты подтвердят легитимность деятельности Югославянского комитета по освобождению австро-венгров югославян от власти Габсбургской монархии и их объединению с Сербией; 2) предоставят финансовые средства; 3) их колонии могут стать основным местом для вербовки добровольцев [11. С. 24].

К концу 1914 г. возник план поездки эмиссара Югославянского комитета, в качестве которого был избран Франко Поточняк, в Северную Америку. Наряду с пропагандой югославянских идей, его главной задачей была организация коллективного выступления югославянских переселенцев из Австро-Венгрии для демонстрации “народного единства всех сербов, хорватов и словенцев” и одобрения ими “решительного заявления”, содержащего требование освобождения австро-венгров югославян и их объединения в одно государство с Сербией [10. Фасц. 21. С. 362–363; 12. С. 23.]. Эта акция должна была, с одной стороны, обосновать саму идею югославянского государственного объединения, а с другой – подтвердить законность деятельности Комитета [12. С. 22–23]. Кроме того, эмигранты, вероятно, рассчитывали на получение финансовой помощи. Сербское правительство оказало Ф. Поточняку материальную и организационную поддержку [12. С. 23–27]. И уже 8 января 1915 г. Н. Стоянович писал Н. Пашичу о том, что в Америку отправился Ф. Поточняк как полномочный представитель Комитета [10. Фасц. 4. С. 295об].

³ Существовали и скрытые причины создания комитета, повлиявшие и на его цели (не дать возможность клерикальным католическим кругам склонить мировое общественное мнение на сторону хорватского и словенского сепаратизма; не позволить британскому правительству самому создать такую организацию, на которую не смогли бы повлиять ни сербское правительство, ни югославянское общественное мнение) и местопребывание (в Лондоне с 1830 г. решался вопрос о балканских государственных границах и существовала самая быстрая связь с США) и др. [3. С. 743].

⁴ Югославянская объединенная омладина – организация югославянской революционной молодежи, нелегально созданная на Видовданском конгрессе в Вене в 1914 г.

Здесь нужно сделать отступление и сказать несколько слов о югославянской эмиграции в США до Первой мировой войны. Основную часть переселенцев, приток которых в эту страну усилился после 1880-х годов, составляли югославы не из австро-венгерских земель, оставившие родину в силу ряда причин, важнейшими из которых были экономические [13. Р. 1–24; 14. С. 9–10]. Определить их численность к началу войны можно только приблизительно: по одним данным хорватов насчитывалось 400000 чел., словенцев – 200000, сербов – 100000 [15. С. 109], по другим – хорватов было около 500000, словенцев – 150000, а сербов – 40000 [16. С. 10, 11], по третьим – 650000 хорватов, 250000 словенцев и 100000 сербов [17. Р. 174] и т.д. Эмигрантов из собственно Сербии было мало. В социальном отношении это были преимущественно неквалифицированные рабочие; процент интеллигенции, равно как вообще образованных людей, был невелик.

К началу войны эмигранты основали многочисленные организации различного характера, а также сеть периодических изданий [16. С. 14–29; 18. С. 41–49, 56–60, 62, 64, 66–68; 19. С. 472–474, 505–508, 510–516; 20. Р. 45–50, 337–339, 342, 346–347, 349, 371–376]. Их общественная жизнь главным образом протекала внутри своего этнического сообщества [14. С.12–14]. Отношения между сербами, хорватами и словенцами в США складывались по-разному. С одной стороны, каждая группа переселенцев демонстрировала достаточно сильную тенденцию к изоляции. В основе этого зачастую лежали религиозные, этнические и национальные различия и разногласия, имевшие место на родине. Так, в 1892 г. “Славянское обозрение” сообщало своим читателям, что “заокеанские славяне оказываются столь же разрозненными по языку, вероисповеданиям, стремлениям, как и славяне Старого Света. И там поляки настроены враждебно к русским, хорваты к сербам, даже отчасти чехи к словакам...” [21. С. 107]. Позже, в 1917 г., российский генеральный консул в Неме и Сизтле Н. Богоявленский писал: “... В своей массе сербы и хорваты живут и действуют в Америке самостоятельно, имеют отдельные общества, свои газеты. Конечно, газеты сербские читаются хорватами и наоборот. Но попытки объединить сербов и хорватов в одно национальное общество большей частью оканчиваются неудачей...” [1. Ф. 135. Оп. 474. Д. 347. 1917 г. Л. 40]. С другой стороны, известно и о сотрудничестве югославы в Северной Америке [22. С. 148–149].

Эмигранты поддерживали постоянную связь с родиной, живо откликаясь на культурные и политические события в Европе. Так, во время Балканских войн был организован сбор денег сербскому Красному Кресту, некоторые переселенцы отправились в Европу в качестве добровольцев [18. С. 70–71; 23. С. 195]. Начало военного конфликта летом 1914 г. повлекло за собой активизацию общественной жизни югославянских эмигрантов. При этом определенная их часть заняла проавстрийскую позицию, а среди противников Австро-Венгрии были сторонники Сербии, независимой Хорватии и проюгославянски ориентированные элементы, заявившие о себе на собрании 31 июля 1914 г. в Сан-Франциско, а затем и других городах [10. Фасц. 20. С. 20; 11. С. 67–68; 16. С. 37–43; 24. С. 21]. Но четко организованной “югославянской” акции до поездки эмиссара Югославянского комитета не было...

Ф. Поточняк прибыл в Нью-Йорк 23 января 1915 г. Однако на тот момент ситуация в Северной Америке была неблагоприятной для совместного выступления югославы. Позже в своих мемуарах, подчеркивая, что, как и в Европе, в США “каждое племя само по себе”, он так описал увиденное в ходе своей поезд-

ки по разным штатам: “Югославянскую идею понимали некоторые хорваты... Сепаратизм сербов сталкивался с хорватским и словенским сепаратизмом... Ни здесь, ни там (в Европе. – Ю.Л.) не господствовала прочная идея народного единства и объединения, ни здесь, ни там не думали и не стремились к созданию такого государства...” [12. S. 34–36]. Более того, положение ухудшала еще и агитация австро-венгерских консулов и агентов [11. S. 67; 12. S. 35]. Тем не менее Поточняк получил принципиальное согласие югославянских деятелей на проведение коллективной манифестации эмигрантов и начал с их помощью подготовку конгресса, стараясь сгладить “партийные” противоречия относительно частных вопросов объединения и убедить американских югославын показать свою приверженность идее государственной интеграции в целом [12. S. 40–75].

В итоге, на конгрессе, состоявшемся в Чикаго 10–11 марта 1915 г. и собравшем 563 делегата от югославянских организаций и колоний США и Канады, а также представителей чешских и словацких эмигрантов [1. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 393. 1915 г. Л. 62–62об, 65–66; 11. S. 69–71; 13. S. 75–109; 16. S. 56–61], было продемонстрировано необходимое для обоснования югославянской программы единство сербов, хорватов и словенцев и заявлено намерение австро-венгерских югославын объединиться в единое государство с Сербией, благодаря чему югославянская эмиграция в Европе подтвердила обоснованность своей деятельности, имевшей целью политическое объединение югославын. Чикагская резолюция [12. S. 94–96; 25. S. 20–21], по словам Поточняка, “заложила первые реальные основы деятельности Югославянского комитета и сделала возможной... последующую масштабную акцию в этом направлении по всем областям и всем странам света, где наш народ живет вне своего отечества” [10. Фасц. 21. С. 363]. В этом документе югославын в Северной Америке утвердили в основных чертах политическую программу интеграции (народное единство сербов, хорватов и словенцев; освобождение югославянских областей Австро-Венгрии от власти Габсбургской династии и их государственное объединение с Королевством Сербией). Из опубликованного текста резолюции [12. S. 94–96; 25. S. 20–21] следует, что конкретное решение относительно будущего государственного устройства на конгрессе принято не было⁵. Его делегаты также основали “Народный югославянский комитет” (в его состав вошли по 11 представителей от сербов, хорватов и словенцев, а председателем стал Анте Бьянкини, хорват из Далмации, врач, издатель и редактор газеты “Hrvatska zastava” (“Хорватское знамя”), выходившей в Чикаго). Задача Комитета заключалась в реализации принятых на конгрессе решений [12. S. 105–109; 16. S. 61], и тем самым были заложены организационные основы его политической деятельности югославын. Помимо прочего, “Хорватский союз”, политическая организация хорватских эмигрантов, собрал и передал Ф. Поточняку финансовую помощь для Комитета [12. S. 164].

⁵ Сербский посланник в Лондоне Бошкович сообщил Н. Пашичу 26 марта о том, что югославын на конгрессе высказались за конфедерацию австро-венгерских югославын, Сербии и Черногории. [26. S. 27]. На эту телеграмму ссылался Ю.А. Писарев [7. С. 132]. Кроме того, российский консул в Чикаго А. Волков (тогда еще – А. Вольф) в своем донесении об этом конгрессе (после разговора с Поточняком) упоминал о “федерации югославын на Балканах” [1. Ф.170. Оп. 512/1. Д. 393. 1915 г. Л. 62об]. В приложении к донесению имеется текст резолюции на английском языке, в котором встречается слово “federation”, однако, оно могло быть употреблено в значении “объединение” [1. Ф.170. Оп. 512/1. Д. 393. 1915 г. Л. 65–66].

В дальнейшем югославянские деятели в Европе постоянно поддерживали связь с североамериканскими югославянами. В письме Н. Пашичу Нико Жупанич, словенец, член Югославянского комитета, назвал их “армией комитета”, “если бы они не были согласны с нами, мы выглядели бы как генералы без солдат” [10. Фасц. 4. С. 318]. А позже (август 1915 г.) на необходимость агитации в Америке указал сербскому премьеру и Н. Стоянович, обосновывая это тем, что “только там мы сейчас можем иметь свободную трибуну против Италии”, “там можно еще больше соединить ... наши сталкивающиеся элементы”, “что позволило бы повлиять на американское общественное мнение в нашу пользу” [10. Фасц. 4. С. 352].

Отметим, что на итоги конгресса в Чикаго (на поддержку идеи югославянского объединения сербскими, хорватскими и словенскими эмигрантами в Северной Америке и Канаде) Комитет ссылался и в своем меморандуме от 6 мая 1915 г., переданном правительствам Англии, Франции и России, аргументируя необходимость государственной интеграции всех югославянских земель [25. S. 29]. Более того, летом 1915 г. в состав Комитета были кооптированы видные деятели югославянского движения в США: А. Бьянкини, Нико Гршкович (католический священник, председатель “Хорватского союза”, издатель и главный редактор газеты “Hrvatski svijet” (“Хорватский мир”), выходившей в Нью-Йорке) и Михайло Пупин (профессор Колумбийского университета, председатель Союза объединенных сербов “Согласие”, с 1911 г. почетный генеральный консул Сербии в Нью-Йорке) [27. S. 22–23]. Причем, в письме Комитета в адрес А. Бьянкини, в котором сообщалось об его избрании, лидеры просили о продолжении финансирования их деятельности и вербовке добровольцев [16. S. 69].

В то же время ситуация в югославянском движении в Америке и вокруг него была сложной. Показательна уже сама реакция югославянской общественности на Конгрессе в Чикаго, даже без учета прямого противодействия проавстрийски настроенной части переселенцев и австро-венгерских дипломатических представителей [16. S. 67–68]. С одной стороны, эта манифестация имела большое значение для деятельности югославянской политической эмиграции в Европе и явилась импульсом к дальнейшим выступлениям сторонников югославянского объединения в Северной Америке [1. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 393. 1915 г. Л. 63–64; 10. Фасц. 19. С. 472; 16. S. 61–62, 68–69; 25. S. 21–22]. С другой стороны, сербское правительство было не вполне удовлетворено результатами “миссии” Ф. Поточняка, поскольку в резолюции не были затронуты ни черногорский вопрос, ни вопрос о будущей правящей династии [16. S. 68]. Кроме того, решения Конгресса отвергли его участники – хорватский священник Драговин Крмпотич, а также Милан Ефтич, редактор сербской газеты “Српски гласник” (“Сербский вестник”), издававшейся в Сан-Франциско, а югославянские социалисты были противниками как агитации Поточняка, так и проведения конгресса; позже выявились и разногласия среди словенских эмигрантов [16. S. 62–67; 17. P. 178–179]. К тому же постепенно в условиях непрекращавшихся военных действий, когда возможность мирной конференции все больше отдалялась, политические вопросы (например, о взаимоотношениях сербов, хорватов и словенцев, политическом устройстве будущего государства) снова становились предметом острой дискуссии [10. Фасц. 4. С. 623]. В целом же после отъезда Поточняка движение пошло на спад. В числе причин этого были его организационная слабость и сильная проавстрийская пропаганда [10. Фасц. 4. С. 325, 347; 18. С. 79–81].

И, видимо, чтобы исправить это непростое положение, сербское правительство и Комитет организовали поездку в Америку Николая Велимировича, сербского священника и проповедника [10. Фасц. 4. С. 632–636; 16. S. 69–71]. Целью его визита было подтверждение приверженности Сербии югославянской идее и разъяснение переселенцам, в том числе хорватам и словенцам, смысла югославянского объединения. Н. Велимирович прибыл в Нью-Йорк 18 июля 1915 г. Он устраивал лекции и проводил собрания. По его инициативе на митингах присутствовали и представители местных властей, о них же писала и американская пресса, знакомя широкую общественность с югославянским вопросом. Велимирович упорно отстаивал положения Чикагской резолюции, а особенно утверждение, что сербы, хорваты и словенцы – это один народ. Несмотря на то, что не всегда его деятельность и программа находили понимание и поддержку переселенцев [16. S. 69–70], сербскому священнику удалось привлечь на свою сторону часть югославянских эмигрантов⁶. В целом же результаты деятельности Н. Велимировича сходны с итогами “миссии” Ф. Поточняка: с одной стороны, его усилия способствовали развитию югославянского движения в США, с другой, они оказались недостаточными для преодоления его противоречий.

В Южной Америке в начале XX в. подавляющее большинство югославянских переселенцев составляли хорваты из Далмации, прилегающих к ней островов и Дубровника, эмигрировавшие преимущественно в силу экономических и отчасти политических причин. Кроме того, там проживали немногочисленные уроженцы Герцеговины, македонские сербы и черногорцы [11. S. 226; 28. S. 9–13; 29. С. 220–226; 30. S. 8]. Предположительно общая численность эмигрантов составляла от 25 до 50 тыс. человек [11. S. 226; 28. S. 13].

Как показывает хорватский историк Любомир Антич, будучи занятыми в различных отраслях промышленности, сельском хозяйстве, торговле⁷, переселенцы занимали практически все ступени социальной лестницы. При этом в более выгодном положении они находились в Чили, Боливии и Перу (в то время как уровень жизни многих югославын в Аргентине был даже ниже, чем до эмиграции), а некоторые из них (Пашко Бабурица, Франо Петринович, Векослав Митрович и другие) были весьма успешны в сфере экономики [28. S. 18–24]. По словам поверенного в делах России в Буэнос-Айресе Е.Ф. Штейна, в Аргентине “сравнительно немногие” эмигранты “достигли значительного материального благосостояния, большинство же живет хотя и безбедно, но скромно”, а в Чили “большинство их сильно разбогатело на новой родине и составляет на местах, где прочно осел этот элемент, наиболее влиятельный контингент в делах мунци-

⁶ В связи с деятельностью Н. Велимировича упомянем о двух акциях североамериканских югославын. Во-первых, 15 августа 1915 г. 22 редактора югославянских периодических изданий выступили в защиту идей югославянского объединения и против итальянских и болгарских притязаний на югославянские территории. Свои идеи югославянские журналисты выразили в принятой резолюции, отправленной Н. Пашичу и Югославянскому комитету [10. Фасц. 21. С. 456; 25. S. 42; 16. S. 70–71]. Во-вторых, 24 августа 1915 г. в Чикаго, а 25 августа в Питтсбурге состоялись конгрессы югославянских священников, поддержавших объединение австро-венгерских югославын с Сербией и Черногорией в одно государство и план деятельности в русле этих идей и веротерпимости [10. Фасц. 21. С. 31–33, 38; 16. S. 71].

⁷ Российский дипломат А.С. Ионин, повествуя о далматинских эмигрантах в Аргентине, писал, что они в основном были матросами, работали “в портах и на реках”, иногда были заняты в торговле, случалось также, что среди них встречались интеллигенты, однако значительная часть переселенцев была безграмотна [29. С. 248–251].

ципального управления, а также в смысле общественном” [31. Л. 177–177об]. Кроме того, он писал, что выходцы из Сербии и Черногории в Южной Америке – “это люд бедный и простой, служащий на полевых работах и поденщиками на различных железнодорожных, портовых и иных строительных работах – элемент вообще спокойный и трезвый, проходящий в здешней сутолочной жизни бесследно и незаметно... Помимо этого чисто сербского элемента в Аргентине, и еще более в Чили, проживает значительное число южных славян, австрийских подданных. Некоторые из них достигли миллионных состояний на пароходных, колонизаторских и иных предприятиях, большинство пристроилось в различных здешних аргентинских и иностранных администрациях, некоторые занимаются торговлею, все хорошо грамотны, прекрасно овладели испанским языком, многие из них архитекторы, техники и инженеры с европейским образованием” [31. Л. 171–171об]. И заметил, что “среди югославянского элемента эти австрийские сербы являются единственными, которые по своему материальному положению и умственному развитию способны оказать поддержку славянской идее и сознательно противодействовать стремлениям Австрии уничтожить всякую мысль о создании единой Великой Сербии” [31. Л. 171об].

Антич констатировал, что ситуация с грамотностью и образованием эмигрантов складывалась довольно неблагоприятно (причем в Чили положение было лучше, чем в Аргентине), и заметил, что недостаток образованных людей тормозил политическую организацию югославян в Буэнос-Айресе во время войны [28. S. 24].

Как и североамериканские югославы, в Южной Америке эмигранты основывали различные общества, издавали газеты и журналы [28. S. 26–36; 30. S. 9]. И здесь переселенцы не порывали связь с родиной, следили за событиями в Европе (особенно в Австро-Венгрии и Сербии) и устраивали акции в ответ на них. При этом еще до Первой мировой войны некоторые переселенцы проявили себя противниками Габсбургской монархии и ее политики в отношении югославян и сторонниками идей славянского единства [28. S. 32, 38, 41–42; 31. Л. 180–181, 185–186об].

Отметим, что уже летом 1914 г. европейские события всколыхнули общественную деятельность антиавстрийски настроенных эмигрантов. В числе проведенных ими до конца года мероприятий были создание организации “Хорватская стража”, манифестация сербов и хорватов 3 августа в Буэнос-Айресе, а также начало антиавстрийской и проюгославянской агитации и сбора средств в пользу сербской и черногорской организации Красного Креста, который продолжился и в дальнейшем [11. S. 227–228; 25. S. 4; 28. S. 32–33, 37, 51–52, 54–55; 30. S. 13–14; 32. S. 522]. Возможно, к этому же времени относится и начало спонтанного добровольческого движения [27. S. 25; 31. Л. 171]. Кроме того, аргентинские югославы, по сообщению Е.Ф. Штейна, обратились также в российскую миссию: “В самом начале войны от них ко мне явилась депутация, в эмблемах из сербских национальных цветов, с заявлениями о своих сербских чувствах и с просьбою руководить ими в их борьбе, печатно и словом, против австрийского владычества” [31. Л. 172]. Он, в свою очередь, “обещал им самую широкую поддержку” “на неполитической почве, во всем что касается распространения сведений о Сербии и Черногории, истории и быте этих стран в наиболее симпатичном освещении и ко всякому благотворительному почину в пользу сербских больных, раненых и беженцев” [31. Л. 172]. Позже российское дипло-

матическое представительство в Буэнос-Айресе оказало эмигрантам поддержку в сборе пожертвований для сербского Красного Креста [31. Л. 202об–203об].

Однако часть переселенцев встала на сторону Австро-Венгрии, а некоторые эмигранты оставались противниками югославянской идеи до конца войны [28. S. 52–54].

В 1915 г. югославянские деятели в Европе установили связь с эмигрантами и в Южной Америке. В начале года Л. Леонтич (как руководитель) приступил к агитации добровольцев среди переселенцев [11. S. 25].

Должно отметить, что, хотя спонтанное движение волонтеров из Америки в Европу наблюдалось практически с начала войны, организация добровольческого движения за океаном приобрела особую актуальность для Югославянского комитета в 1915 г. и сербского правительства в 1916 г. Уже в конце 1914 г. – начале 1915 г. у политической эмиграции из Австро-Венгрии возникла мысль о наборе добровольцев [11. S. 23–24]. Югославянские деятели понимали, что обеспечение военной помощи странам Антанты имело в большей степени политическое значение и в перспективе могло способствовать реализации национальных интересов югославян – оказавшись в конце войны на стороне победителей, они смогли бы добиваться освобождения сербов, хорватов и словенцев в Австро-Венгрии от власти Габсбургов, пересмотра условий Лондонского договора стран Антанты и Италии⁸ [28. S. 78]. И, кроме того, впоследствии “добровольцы могли стать ядром будущей югославянской армии, а лондонский Комитет получил бы международное признание держав Антанты как временное правительство вновь созданного государства” [7. С. 197]. Однако формирование отрядов даже на уровне проекта было трудновыполнимым, поскольку сразу вставляли вопросы о численности волонтеров, отношения к нему сербского правительства, возможного отступления от норм международного права, способности эмигрантов в принципе его осуществить [11. S. 24]. В итоге, в январе 1915 г. было решено, что Комитет приступит к организации отрядов, если сербское правительство на это согласится. О плане формирования “Адриатического легиона” – отдельной добровольческой единицы, не являющейся частью сербской армии, югославянские лидеры сообщили Л. Михайловичу с просьбой поставить в известность Н. Пашича и узнать его мнение [11. S. 24–25]. (Как позже выяснилось, сербский премьер был против формирования отдельных югославянских частей; по его мнению, добровольцы должны были входить в состав сербской армии и сражаться за освобождение югославянских земель Австро-Венгрии как сербские солдаты [26. S. 27–28]).

В январе Л. Леонтич написал в Антофагасту (Чили) своему брату Милану письмо об идее набрать волонтеров и направил манифест об “Адриатическом легионе” [11. S. 228; 28. S. 79; 34. С. 289]. М. Леонтич и другие оmlадинцы распространили среди переселенцев эти материалы, призывавшие к активным действиям [11. S. 228]. Первыми присоединились к движению Ф. Петринович и Кузма Жувич, а затем его деятельность возглавил самый крупный югославянский промышленник П. Бабурица. Постепенно оmlадинцы добились того, что Антофагаста стала центром всего объединительного движения в Южной Америке [11. S. 228].

⁸ 26 апреля 1915 г. в Лондоне Великобритания, Франция и Россия подписали с Италией секретный договор. Помимо прочего, к Италии присоединялись Триест, Горица, Градиска, Истрия и Далмация с прилегающими к ним островами. Подробнее см., например, [33. С. 425–428].

С февраля 1915 г. представители Югославянского комитета официально начали контактировать с местными эмигрантами. Комитет направил им письмо, а затем и “Воззвание к югославянам за границей”, в котором просил оказать финансовую помощь [28. S. 79–80; 32. S. 521].

Впоследствии европейская политическая эмиграция поддерживала связь с Временным правлением организации “Югославянская народная оборона” (ЮНО) (сначала его председателем был П. Бабурица), избранном на собрании переселенцев в Антофагасте 14 февраля 1915 г. (хотя тогда, по сути, это был лишь инициативный комитет по созданию ЮНО, поскольку у них не было даже первичной организации). В качестве основной цели организации было поставлено сотрудничество с Комитетом для достижения “полного народного объединения и освобождения” [28. S. 61]. 22 апреля в Антофагасте вышел первый номер газеты ЮНО под названием “Jugoslavija”, а чуть раньше Бабурица сообщил Трумбичу, что эмигранты уже начали и сбор средств в пользу Комитета [28. S. 80; 35. S. 249]. 2 мая 1915 г. на заседании югославян в Антофагасте было образовано ее первое отделение – “Ядран” [28. S. 62–63; 30. S. 14; 32. S. 523].

Следует сказать, что Комитет контактировал также с Матеем Шкарничем, который не входил в состав Временного правления, однако имел намерение и предпринимал определенные шаги для того, чтобы возглавить деятельность сторонников идеи объединения югославян. В ноябре 1914 г. он начал выпускать в Антофагасте газету “Pokret” (“Движение”). Позже он установил связь с Комитетом через его секретаря Йосипа Едловского. Первоначально, даже после того, как Временное правление было образовано, именно его европейская эмиграция признавала лидером движения (и в его газете публиковала свои материалы). Через Едловского Шкарнич получал доверительные письма Комитета с инструкциями для будущей деятельности эмигрантов, о чем он потом информировал Временное правление. Такое положение сохранялось до конгресса в Антофагасте 23 января 1916 г., о котором будет сказано ниже. В то же время борьба за лидерство и расхождения Шкарнича и Правления, препятствовавшие организации более успешной работы югославян, по крайней мере сначала не предавались широкой огласке [28. S. 58–60, 66–71]. Более того, проведение 1 августа 1915 г. собрания переселенцев в Антофагасте стало результатом их совместных усилий по выполнению пожелания Комитета “о создании организации, которая бы как представитель всех переселенцев сделала заявление в духе “народного освобождения и объединения”, и он бы получил поддержку и статус народного представителя [28. S. 63–65]. В резолюции участники собрания констатировали “разрыв” австро-венгерскими югославянами “всех отношений и государственных связей с австро-венгерской монархией”, высказались за объединение сербов, хорватов и словенцев, населявших югославянские области Австро-Венгрии, Сербию и Черногорию, в единое государство и выразили доверие и поддержку Югославянскому комитету [28. S. 64–65; 30. S. 14]. Документ был отправлен правительствам стран Антанты, Сербии и Комитету [11. S. 229].

Подобное мероприятие было проведено 1 августа и в Пунта Аренасе [30. S. 14]. Движение также поддерживали югославянские колонии в Икике и Вальпараисо. В Пунта Аренасе и Антофагасте продолжался сбор средств для сербско-черногорского Красного Креста и сирот, а состоятельные эмигранты, П. Бабурица и Векослав Моро, оказали Комитету материальную помощь [36. Кн. I, Sv. 1. Zagreb, 1934. S. 5]. Заметим, что в его финансировании принимали участие и другие переселенцы в Южной Америке [36. Кн. IV, Sv. 15. Zagreb,

1935. S. 452]. В итоге, финансирование югославянскими эмигрантами в Северной и Южной Америке Комитета способствовало укреплению его самостоятельной позиции. Летом 1915 г. П. Бабурица, В. Митрович и В. Моро вошли в состав Югославянского комитета [28. S. 164; 36. Кн. III, Sv. 10. Zagreb, 1934. S. 306–310].

Возвращаясь к вопросу о добровольцах, нужно сказать, что летом 1915 г. Комитет продолжил агитацию в Южной Америке, и ее активно поддержала эмигрантская пресса [28. S. 81–83]. Сербское правительство одобрило план поездки членов Комитета Милана Марьяновича – в Северную, а Мичи Мичича – в Южную Америку с целью активизации югославянских акций и рекрутирования волонтеров, принятый югославянскими деятелями на заседании 29 июня. И даже предоставило средства на его реализацию [11. S. 100; 34. С. 84]. Переселенцев в Южной Америке также оповестили о миссии представителей Комитета [28. S. 83–84; 34. С. 233–234]. Как видим, с лета 1915 г. перед европейскими эмигрантами, направлявшимися в Америку, была поставлена еще одна цель – организация добровольческого движения.

М. Мичич прибыл в Буэнос-Айрес в сентябре 1915 г., а чуть раньше по приглашению самих эмигрантов там появился Л. Леонтич. Они направили свои усилия на пропаганду югославянских идей, организацию деятельности эмигрантов и добровольческого легиона. В результате, хотя их работа по рекрутированию волонтеров ощутимых плодов в 1915–1916 гг. не дала, их агитация оказала большое влияние на становление там югославянского движения [11. S. 229–230; 28. S. 84–94; 31. Л. 182–183об, 188–190; 32. S. 524–525, 527–528; 34. С. XI, 289].

Центральным событием в истории объединительного движения в Южной Америке стал “Народный конгресс” в Антофагасте 23 января 1916 г. В нем приняли участие более 200 югославян из Чили, Аргентины, Боливии, Перу и Уругвая [11. S. 230–232; 28. S. 113–128; 30. S. 15–18; 37].

Участники Конгресса приняли резолюцию, в которой, по словам Е.Ф. Штейна, провозгласили “полное... сербо-хорвато-словенское единство не только в надежде на лучшее будущее, но и как выражение этнографической истины, которая должна быть закончена и политически, как она уже завершена морально” [31. Л. 195]. Они заявляли, что “порывая всякие связи с Австро-Венгрией и Габсбургским Домом”, предоставляют “себя и свое имущество в полное распоряжение сербской власти”, а также подтверждают свое “совершенное доверие Югославянскому главному правлению в Лондоне (Югославянскому комитету. – Ю.Л.)”, которое считают “законным представителем неосвобожденных еще изпод австро-венгерского ига югославянских земель” [31. Л. 195об]. И обращались к странам Антанты, “чтобы все союзные Сербии державы признавали” их “на основании этого заявления, как сотрудинок в их общей борьбе с врагом и чтобы законные представители Тройного Соглашения (Антанты. – Ю.Л.) защищали” их “интересы за границей” [31. Л. 196].

В ходе Конгресса эмигранты сформулировали программу, которая легла в основу их дальнейшей деятельности [28. S. 118–119; 31. Л. 194–194об], утвердили организационную структуру ЮНО и выработали ее “Финансовую основу”, регулировавшую, помимо прочего, финансовые отношения с Югославянским комитетом [28. S. 119–123; 32. S. 527]. Кроме этого, югославяне направили приветственную телеграмму сербскому королю Петру Карагеоргиевичу [11. S. 231; 31. Л. 196].

Таким образом, в январе 1916 г. на Конгрессе в Антофагасте были приняты основополагающие документы южноамериканского югославянского движения, завершено конституирование его координационного центра и заложены основы единой структуры объединительного движения югославянских эмигрантов в Европе и Южной Америке. Как писал Е.Ф. Штейн, в 1916 г. “югославянское движение в Южной Америке приняло следующую окончательную организацию: Главным руководящим центром признается Югославянский комитет в Лондоне. От его имени и в полном согласии с ним действует во всей Южной Америке главный комитет “Югословенска народна обрана” с своими тремя комитетами: в Антофагасте для северного тихоокеанского побережья (Северное Чили, Перу, Боливия), в Пунта Аренасе для южного тихоокеанского побережья (Южное Чили и Магелланов пролив) и в Буэнос-Айресе – для Атлантического побережья – Аргентина, Парагвай и Уругвай. Все сборы комитетов посылаются в Вальпараисо, который с своей стороны отвечает за могущие получиться у Комитетов дефициты по расходам на свое содержание и пропаганду. Помимо указанных трех главных, зависящих от Вальпараисо, комитетов, отделения последних имеются в многочисленных местах Южной Америки...” [31. Л. 183об–184].

Кроме того, открытое признание югославянами династии Карагеоргиевичей и политической программы Сербии в то время, когда сербский народ переживал тяготы поражения, а король и правительство находились за пределами страны – на острове Корфу, укрепляло ее международный престиж [11. S. 231].

М. Марьянович прибыл в США в конце октября 1915 г., еще летом подготовив план организации там набора волонтеров и реформирования эмигрантской периодической печати [10. Фасц. 4. С. 347–348об]. Пробыв в Нью-Йорке около месяца и оценив ситуацию на месте⁹, он понял, что о быстром решении практических задач не могло быть и речи. И начал пропаганду идей югославянской интеграции среди переселенцев (сначала в Нью-Йорке, а с декабря – в американских штатах), устраивая лекции, собрания, печатая статьи в газетах, распространяя брошюры [10. Фасц. 19. С. 526–529; 16. S. 106]. Кроме того, Н. Жупаничу было поручено проведение агитации среди словенцев [16. S.108].

Постепенно (особенно к осени 1916 г.) деятельность европейских и местных югославянских эмигрантов по подъему югославянского движения начала давать результаты. М. Марьянович добился в основном “моральных” успехов, но были и “материальные” [10. Фасц. 19. С. 528–530, 540–542; Фасц. 21. С. 132, 140–141; 16. S. 106–108]; Н. Жупаничу удалось склонить на свою сторону определенную часть словенских переселенцев, реорганизовать “Словенскую лигу” в “сербофильском югославянском духе” и собрать средства для Комитета [10. Фасц. 19. С. 151–155, 178–180, 545–546]. Росту движения также способствовало упрочившееся – вследствие успешных операций на фронтах – международное положение стран Антанты. Но, наряду с этим, все еще сохранялись политические колебания и дискуссии югославян (сербов и хорватов) вокруг программы интегра-

⁹ По его наблюдениям, хуже всего дело обстояло со словенцами, среди которых было мало приверженцев идей югославянского движения; сербы как всегда были заняты “внутренней полемикой” и борьбой за руководство организацией “Согласие”, и после поражения Сербии ощущали “безнадежность” сильнее, чем хорваты, которых югославянский деятель разделил на три группы: “австрияков”, сторонников государственного объединения югославян и “смутьянов”, занимавших положение между двумя первыми [10. Фасц. 19. С. 523–526].

ции и самого движения (позиции его руководителей) и организационные трудности¹⁰, мешавшие эффективной практической деятельности эмигрантов.

Чтобы исправить положение Марьянович предложил организовать новый конгресс югославян в Северной Америке, посредством которого можно было реформировать движение [16. С. 108]. Причины его созыва, по мнению российского консула в Чикаго А.М. Волкова, заключались еще и в следующем: “1) В среду югославянского элемента, и особенно в его организации общественные, проникло немало элементов австрийских, несомненно в целях осведомительных, факт, требующий выяснения путем переговоров, и засим требующий очистки и кристаллизации югославян в Америке от непотребных немецких соглядатаев и шпионов. 2) В силу сказанного выше немало отдельных югославянских единиц девирует от главного направления югославянства, – от России и ее настоящих союзников, то в сторону Австрии, то в сторону Италии, – что требует немедленной исправки” [31. Л. 80]. Он также предполагал, что предписание югославянских политиков в Европе активизировать югославянское движение в США могло быть одним из мотивов организации собрания. “Главный Лондонский Комитет югославян..., а также Комитеты их в Париже, Петрограде, Женеве и проч. местах земного шара, по всей вероятности, требуют и от американских югославян интенсификации их деятельности, националистической пропаганды и осведомления об югославянских идеях северо-американских граждан и их правительства”, – писал дипломат [31. Л. 80]. Это, в свою очередь, видимо, было связано с тем, что перед Комитетом встала необходимость подумать о создании “постоянной организации”, поскольку война затягивалась (на это эмигранты не рассчитывали), а старая система пропаганды, устроенная “на скорую руку”, не отвечала новым условиям [10. Фасц. 19. С. 242].

Трагические для Сербии события конца 1915 г. – начала 1916 г. внесли коррективы во внешнеполитическую программу и деятельность ее правительства. Кроме активных переговоров с союзниками о поддержке и помощи Сербскому королевству, они коснулись уточнения и изменения плана югославянского объединения. Если до октября 1915 г. “о сербском или югославянском вопросе размышляли и рассуждали в контексте борьбы за новых союзников”, то весной 1916 г. “сербское руководство открыто поставило его перед правительствами союзных держав, причем самым непосредственным образом и на высшем уровне – именно этот вопрос был главным предметом переговоров Пашича и Александра... в Париже и Лондоне, а затем и одного премьера в Петрограде” [4. С. 371]. По сведениям А.М. Волкова, 11 апреля А. Трумбич из Лондона телеграфировал А. Бьянкини следующее: “Престолонаследник Александр и Пашич

¹⁰ Так, из отчета Н. Жупанича следовало, что, наряду с поддержкой идеи югославянского объединения, “у югославян отсутствует твердое мнение и политическое убеждение”; североамериканское движение развивается благодаря работе нескольких хорватских деятелей (Н. Гршковича в Кливленде, А. Бьянкини в Чикаго и Й. Марохнича в Питтсбурге); словенцы – самые “несознательные”; 60% переселенцев из Далмации “фанатичные противники Сербии и Югославии”; большой вред движению, помимо пропаганды “австрийских наемников” и “священников”, наносит деятельность сербского редактора М. Ефтича и т.д. [10. Фасц. 19. С. 171–177]. А полковник М. Прибичевич сообщал, что по приезде в США столкнулся с тем, что главные сербские организации были заняты внутренней борьбой; контакты между сербскими и хорватскими лидерами движения практически отсутствовали, а “Народный югославянский комитет” не работал [10. Фасц. 19. С. 325–326].

торжественно заявили, что Сербия борется за освобождение и объединение всех земель, которые принадлежат сербам, хорватам и словенцам в одно Югославянское государство. Тем самым Сербия торжественно провозгласила югославянскую программу перед Великобританией и всем миром. Вперед с верой. Победа за нами” [1. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1916 г. Л. 173].

Придерживаясь позиции единственного руководителя югославянского движения, Н. Пашич строил свои взаимоотношения с Югославянским комитетом (до весны 1917 г.) [4. С. 371] и югославянскими эмигрантами в Америке. Так, находясь в Лондоне, он отправил телеграмму А. Бьянкини, в которой поприветствовал всех сербов, хорватов и словенцев в “свободной Америке” и выразил надежду на их содействие в деле освобождения и объединения югославян [10. Фасц. 20. С. 273–274; 1. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1916 г. Л. 174]. А югославянские деятели (А. Бьянкини, Н. Гршкович и Калеш), в свою очередь, также телеграфировали престолонаследнику Александру, сербскому премьер-министру и А. Трумбичу [10. Фасц. 19. С. 459].

В октябре 1916 г. сербское правительство направило в США для вербовки и отправки на Солунский фронт добровольцев военную миссию во главе с подполковником Миланом Прибичевичем, а в Южную Америку с той же целью – своего эмиссара Спирос Познановича [23. С. 197; 28. S. 174].

Кроме того, правительство Сербии и Комитет одобрили идею Марьяновича о созыве нового съезда представителей югославянских колоний в Америке [16. S. 108]. По его замыслу, на конгрессе планировалось “сделать обзор деятельности в Северной, Южной Америке и Европе”; “правильно организовать Комитет в Америке и создать представительства и пункты для сбора и распределения денег и т.д.”; а также “выработать программу дальнейшей деятельности” [10. Фасц. 19. С. 531]. Как писал А.М. Волков, «прямой задачей Съезда является укрепление в югославянах чувства единства и идеи “Великой Югославии” как единственно солидной и возможной политической комбинации в Европе для сопротивления немецко-австрийско-мадьярским тенденциям поглощения южных славян, улучшение внутренней организации югославян, решение вопроса о дальнейшей пропаганде югославянских идей и ознакомление американцев с сказанными идеями» [31. Л. 79об]. Он также сообщал, что “задача вторая, секретная” касалась практической помощи переселенцев союзникам и состояла в обсуждении “постановки” “сокольской организации югославян в весьма широких размерах, с тем, чтобы в дальнейшем сокольские общества и организации могли бы быть союзниками использованы” [31. Л. 80об]. И дополнял: “С другой стороны, быть может частные переговоры приведут к иным выводам и практическая помощь югославян выразится хотя бы в посылке санитарных отрядов, госпиталей и проч. на союзные фронты” [31. Л. 81]. В другом донесении российский консул писал о возможном рассмотрении на съезде совместных действий северо и южноамериканских эмигрантов [31. Л. 89].

В подготовке нового конгресса под руководством М. Марьяновича приняли участие Н. Жупанич, А. Бьянкини, Н. Гршкович, а также М. Прибичевич, предложивший план создания новой центральной организации “Югославянское народное вече” [10. Фасц. 19. С. 329–331; 16. S. 108–112; 34. С. 155–156]. По поводу этого съезда лондонский Комитет отправил послание переселенцам в Америке [10. Фасц. 21. С. 82–84; 25. S. 75–76; 16. S. 112]. Кроме того, Марьянович написал ЮНО в Южной Америке письмо, в котором сообщал о конгрессе и призвал эмигрантов принять в нем участие [16. S. 111–112; 25. S. 75; 28. S. 171].

Этот очередной съезд, получивший название “Второго югославянского народного конгресса”, состоялся в Питтсбурге 29 и 30 ноября 1916 г. и собрал 615 участников. Наряду с представителями североамериканских югославянских обществ на нем присутствовали видные деятели движения в США (А. Бьянкини, Н. Гршкович и другие), эмигранты из Южной Америки (Петр Браданович, который являлся председателем “Югославянской народной обороны” в Вальпараисо (Чили), Мато Гальюф, член “Народной обороны” в Перу), а также М. Марьянович, М. Мичич и М. Прибичевич [10. Фасц. 19. С. 303; 15. С.113–114; 25. S. 74–75; 31. Л. 85–88, 91–91об].

29 ноября делегаты съезда одобрили “Резолюцию” [16. S. 114–115; 25. S. 76–78]. В ней югославы еще раз констатировали “неоспоримое” народное единство хорватов, сербов и словенцев, которое должно было стать “основой всей деятельности каждого серба, хорвата и словенца, невзирая на их политические, социальные или религиозные различия” [25. S. 77]; заявили о намерении австро-венгерских югославян объединиться в единое государство с Сербией под скипетром династии Карагеоргиевичей и одобрили действия и программу Югославянского комитета “как представителя интересов югославян в Австро-Венгрии”, а также выразили готовность практически его поддержать [25. S. 77]. Они также провозгласили образование в Северной Америке единой организации сербов, хорватов и словенцев под названием “Югославянское народное вече” и его намерение вступить в самый тесный контакт с югославянскими обществами в Южной Америке, Новой Зеландии и Австралии, “чтобы добиться успехов в реализации решений, одобренных на этом конгрессе” [25. S. 78]. В основу деятельности “Веча” легли Устав, определявший его программу, цели, задачи, структуру, подчинение Комитету [25. S. 78] и “Финансовая основа”, которая определяла условия его финансирования североамериканскими югославянами. Этот документ закреплял обязанность “Югославянского народного вече” “сбирать средства для финансирования национальной деятельности Югославянского комитета с помощью регулярных и добровольных взносов отдельных лиц, организаций, колоний с помощью организации различных зрелищ и т.д.”. Также был установлен размер регулярных месячных взносов [25. S. 78–79]. На съезде был утвержден состав Исполнительного комитета “Югославянского народного вече”. Функции секретариата “Веча” и Исполнительного комитета были возложены на Югославянскую Канцелярию в Кливленде, которой руководил представитель Югославянского комитета (в то время – М. Марьянович), имевший право голоса в Исполнительном комитете также, как и каждый член Комитета, который находился в Америке [10. Фасц. 19. С. 304]. Кроме того, на конгрессе было принято решение о начале добровольческой акции, и одновременно с этим проведено собрание представителей сербского, хорватского и словенского сокольских союзов, на котором они объединились в Югославянский сокольский союз с М. Марьяновичем во главе [10. Фасц. 19. С. 331; 16. S. 117; 34. С. 158].

Таким образом, в ходе Питтсбургского конгресса была выработана новая программа югославянского движения, содержащая принципиально важные дополнения: переселенцами выражалось намерение государственного объединения сербов, хорватов и словенцев под скипетром сербской династии Карагеоргиевичей, а Югославянский комитет признавался полноправным выразителем интересов австро-венгерских югославян, завершено формирование основ совместной деятельности югославянских эмигрантов в Европе и Америке (коорди-

национный центр североамериканского югославянского движения “Югославянское народное вече” был подчинен Югославянскому комитету), что обуславливало направление деятельности югославян Северной Америки в русле политики европейского центра. Кроме того, решения и организационные мероприятия съезда также создали благоприятную почву для организации добровольческого движения.

Заметим, что участниками съезда были отправлены приветственные телеграммы королю Петру, престолонаследнику Александру, Н. Пашичу, Югославянскому комитету, “Югославянской народной одбране” в Вальпараисо и генералу Живковичу в Одессу [25. S. 79; 15. С. 111] и получены ответные телеграммы от престолонаследника Александра и Н. Пашича [25. S. 79–80]. Необходимо сказать, что решения, принятые в Питтсбурге, имели большое пропагандистское значение.

Подведем итог. В первые годы войны сербское правительство, включая американских югославян в сферу своих интересов, преследовало две цели: заручиться их поддержкой идеи государственной интеграции сербов, хорватов, и словенцев и организовать рекрутирование добровольцев в сербскую армию.

С другой стороны, лондонский Комитет с помощью американских югославян намеревался не только обосновать программу югославянского объединения, но и подтвердить легитимность своей деятельности, получить финансовую поддержку и сформировать отдельный добровольческий легион.

Сербское правительство и Югославянский комитет поддерживали связи с сербами, хорватами и словенцами, живущими за океаном, через своих эмиссаров. Включение же в состав Югославянского комитета американских эмигрантов и “официальное” подчинение их главных организаций европейскому центру в 1916 г. способствовали складыванию единой организационной и финансовой структуры югославянского движения эмигрантов в Европе и Америке. В результате, в 1915–1916 гг. югославянские переселенцы в Северной и Южной Америке неоднократно продемонстрировали свою приверженность идее государственной интеграции югославян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской Империи.
2. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. М., 1999.
3. *Екмечић М.* Стварање Југославије 1790–1918. Београд, 1989. Д. 2.
4. *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII–начало XX в. М., 1997.
5. *Stokes G.* The Role of the Yugoslav Committee in the Formation of Yugoslavia // Three Eras of Political Change in Eastern Europe. New York, 1997.
6. *Seton-Watson H., Seton-Watson Ch.* The Making of a New Europe. R. W. Seton-Watson and the last years of Austria-Hungary. Seattle, 1981.
7. *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. М., 1975.
8. *Шемякин А.Л.* Югославянская программа Сербского Королевства в первый период войны (август 1914–октябрь 1915) // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998.
9. *Стојановић Н.* Југословенски одбор (Чланци и документи). Загреб, 1927.
10. Архив Југославије. Фонд 80.
11. *Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925.
12. *Potočnjak F.* Iz emigracije. Zagreb., 1926. D. III.
13. *Govorčin G.* Americans from Yugoslavia. Gainsville, 1961.
14. *Пурић Б.* Наши исељеници. Београд, 1929.
15. *Шемякин А.Л.* Главнейшие задачи югославян // Исторический Архив. 1994. № 3.

16. *Čizmić I.* Jugoslavenski iseljenički pokret u SAD i stvaranje Jugoslavenske Države 1918. Zagreb, 1974.
17. *Prpic G.* The South Slavs // The Immigrants' Influence on Wilson's Peace Policies. Kentucky, 1967.
18. *Сленчевих П.* Срби у Америци. Женева, 1917.
19. Iseljeničtvo naroda i narodnosti Jugoslavije i njegove uzajamne veze s domovinom. Zagreb, 1978.
20. The Ethnic Press in the United States. A historical Analysis & Handbook. New York, 1987.
21. Славянское обозрение. 1892. Том 3. № 9.
22. *Клеменчић М.* Односи између Словенаца и Срба у САД крајем XIX и током XX века // Сеоба Срба некад и сад. Београд, 1990.
23. *Остојић-Фејић У.* САД и српски добровољачки покрет у првом светском рату // Добровољци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца. Београд, 1996.
24. *Ђорђевић М.* Србија и Југословени за време рата: 1914–1918. Београд, (1922)1991.
25. *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920.
26. *Šepić D.* Srpska vlada i počeci Jugoslavenskog odbora // Historijski Zbornik. Zagreb, 1960. Godina. XIII. Br. 1–4.
27. *Mandić A.* Fragmenti za Historiju Ujedinjenja. Zagreb, 1956.
28. *Antić L.* Naše iseljeničtvo u Južnoj Americi i stvaranje Jugoslavenske Države 1918. Zagreb, 1987.
29. *Ионин А.С.* По Южной Америке. Спб., 1892. Т. 2.
30. *Kolin M.* Jugosloveni u Južnoj Americi u radu za svoj narod. Zagreb, 1920.
31. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2.
32. *Stefanović-Đačić Z.* O ulozi naših iseljenika u Južnoj Americi za vrijeme prvog svjetskog rata // Jugoslavenski odbor u Londonu u povodu 50-godišnjice osnivanja. Zagreb, 1966.
33. Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 2: Первая мировая война: Документы и материалы.
34. Југословенски добровољци 1914–1918. Србија, Јужна Америка, Северна Америка, Аустралија, Француска, Италија, Солунски фронт. Зборник докумената. Београд, 1980.
35. *Leontić L.* Jugoslovenski odbor u Londonu i Jugoslovenska ujedinjena omladina // Jugoslavenski odbor u Londonu u povodu 50-godišnjice osnivanja. Zagreb, 1966.
36. Arhiv Jugoslovenske Narodne Obrane iz Južne Amerike.
37. *Vonačić L.* Primer Congreso de los Eslavos Meridionales de Sud América el grito de Antofagasta. Punta Arenas, 1916.

© 2007 г. В. В. БУРЕГА

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА В ПРАГЕ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1921–1938)

Русские православные богослужения в Праге регулярно совершались еще с середины 70-х годов XIX в. В 1870 г. граф Петр Аркадьевич Голенищев-Кутузов по поручению Санкт-Петербургского отделения Славянского благотворительного общества заключил с Пражским городским советом договор о найме в аренду на 30 лет храма св. Микулаша (святителя Николая, Никольский храм) на Староместской площади в Праге [1. С. 22286/1922 pres]. Это был пустующий католический костел, ранее принадлежавший Ордену славянских бенедиктинцев. Храм был отремонтирован и снабжен всем необходимым для совершения православных богослужений. В 1874 г. состоялось его освящение [2. С. 7–8]. С этого времени и вплоть до 1914 г. в чешской столице практически постоянно присутствовали русские православные священнослужители. В 1900 г. аренда храма была продлена еще на 30 лет. На этот раз договор по поручению того же общества был оформлен сенатором А.А. Нарышкиным [1. С. 22286/1922 pres].

После начала Первой мировой войны австрийские власти в одностороннем порядке расторгли договор о найме, а протоиерей Николай Рыжков, служивший тогда настоятелем храма, был арестован и в 1917 г. приговорен к смертной казни. Только энергичное вмешательство испанского короля в условиях нараставшего кризиса в самой Австро-Венгрии воспрепятствовало приведению приговора в действие. В июле 1917 года протоиерей Николай Рыжков был выпущен на свободу и вернулся в Петроград, где и скончался в 1920 г. [3. С. 11–67; 4. S. 169–172]. Австрийские власти также конфисковали все русское церковное имущество в Праге и на чешских курортах (в Карловых Варах, Марианских Лазнях и Франтишковых Лазнях).

Православная церковная жизнь в Праге стала возрождаться после провозглашения независимой Чехословацкой республики (ЧСР), когда сюда стали активно прибывать русские эмигранты. По инициативе В.Т. Рафальского, находившегося в Чехословакии с июля 1919 г. в качестве официального представителя правительства Колчака [5. S. 141], для русских беженцев время от времени организовывались богослужения, для совершения которых с осени 1920 г. приглашался священник Алексей Ванек – чех, до войны проживавший на Волыни. Поначалу богослужения совершались нерегулярно, лишь по большим праздни-

Бурга Владимир Викторович – канд. богословия, преподаватель Московской духовной академии.

кам и не в Никольском храме, а в других помещениях [6. Папка “Прага 1921–1924”. Меморандум о русской православной церкви в Праге от 1 II 1923]. Когда на рубеже 1920–1921 гг. количество русских беженцев в Праге заметно увеличилось, то появилась потребность в более регулярных службах и в создании постоянно действующего прихода. Однако процесс его формирования затянулся до августа 1923 г.

Как известно, 28 июля 1921 г. Чехословацкое правительство приняло решение о проведении “русской акции помощи”. Уже в сентябре того же года из Константинополя в ЧСР отправились первые 1000 студентов из числа русских беженцев и 4000 земледельцев (крестьян и казаков). В ходе “русской акции” чехословацкие власти целенаправленно формировали политический облик русской колонии. Воспитанная в Чехословакии русская студенческая молодежь рассматривалась как зародыш политической и культурной элиты грядущей, небольшевистской, России. Еще в мае 1920 г. МИД ЧСР прямо заявил: “Мы заинтересованы в образовании в Праге центра прогрессивных русских” [5. S. 150]. “Прогрессивными” здесь считались, прежде всего, представители различных течений правых эсеров. В результате Чехословацкому представительству в Константинополе, организовавшему переправку русских эмигрантов в ЧСР, предписывалось не допускать приезда в Прагу представителей как крайне левого, так и правого лагеря беженцев [7. S. 142–143]. Важно отметить, что чехословацкие власти считали русское православное духовенство частью правого политического лагеря, и потому поддержка эмигрантских церковных организаций не входила в задачи “русской акции”.

8 апреля (26 марта) 1921 г. Священный Синод Русской православной церкви в Москве назначил архиепископа Евлогия (Георгиевского) управляющим западноевропейскими русскими православными церквями (указ № 423) [8. С. 354–355]. С этого времени архиепископ (с 30 I 1922 – митрополит [8. С. 367–368]) Евлогий занимался организацией церковной жизни русской эмиграции в Западной Европе. Словосочетание “западноевропейские русские церкви”, употребленное в Синодальном указе, следует признать весьма условным. В юрисдикции архиепископа Евлогия оказались не только русские общины во Франции, Германии, Бельгии, Италии, Швейцарии, Норвегии, Голландии, но и в Чехословакии, Румынии, Болгарии, Марокко.

Сначала архиепископ Евлогий поручил временное исполнение пастырских обязанностей для русских беженцев в Праге священнику Алексею Ванеку. Соответствующий указ был подписан 11 июня 1921 г. [6. Папка “Прага 1921–1924”]. Однако уже в августе 1921 г. в Прагу был назначен протоиерей Михаил Стельмашенко. Осенью отец Михаил при поддержке В.Т. Рафальского начал работу по организации русского прихода. Было проведено первое приходское собрание и избран Совет приходского попечительства, который должен был провести подготовку к созданию в Праге постоянно действующего прихода.

В августе 1921 г. была фактически решена и проблема храма, необходимого для совершения богослужений. Дело в том, что Никольский храм, в котором русские священники служили до 1914 г., был передан в пользование Чехословацкой церкви и стал ее кафедральным храмом¹. 17 августа по просьбе В.Т. Рафальского Пражский диоцезный совет Чехословацкой церкви выразил согла-

¹ Чехословацкая церковь – конфессия, созданная в 1920 г. в результате выхода из Римско-католической церкви части ее клириков и мирян в Чехословакии. С 1971 г. она носит официальное название Чехословацкая гуситская церковь. Эту конфессию следует отличать от Чехословацкой православной церкви.

сие на регулярное совершение русских православных богослужений в Никольском храме [9. Karton 3910. С. 52044/1926. Письмо Центрального комитета Чехословацкой Церкви В. Т. Рафальскому от 23 IX 1921]. Так что хотя храм и не был передан в пользование русской общины, возможность совершать здесь православные богослужения сохранялась в течение всего рассматриваемого периода.

Протоиерею Михаилу Стельмашенко, к сожалению, не удалось наладить взаимоотношения с государственными органами ЧСР. Он не скрывал своих монархических убеждений, считал Чехословакию страной, в которой господствуют антицерковные настроения [6. Папка “Прага 1921–1924”. Письмо прот. М. Стельмашенко архиеп. Евлогию от 4 VIII 1921]. Заместитель министра иностранных дел ЧСР Вацлав Гирса, знавший о близости протоиерея М. Стельмашенко к монархическим кругам, рекомендовал чехословацким властям “вести с ним переговоры сдержанно” [1. С. 38508–II–1921. Письмо из МИД ЧСР в Канцелярию президента ЧСР от 17 XI 1921]. В начале 1922 г. у отца Михаила сложилась конфликтная ситуация и с частью русских прихожан [6. Папка “Прага 1921–1924”. Письмо членов русского прихода в Праге митр. Евлогию от 15 II 1922]. В результате в марте 1922 г. митрополит Евлогий принял решение о переводе протоиерея М. Стельмашенко на должность настоятеля русского храма во Флоренции. Новым настоятелем в Прагу был назначен протоиерей Григорий Ломако. Он прибыл в Чехословакию лишь 2 июня 1922 г., однако уже 9 июня, ознакомившись с ситуацией в Пражском приходе, направил рапорт митрополиту Евлогию, в котором просил освободить его от занимаемой должности, поскольку не считал “себя способным занимать здесь настоятельское место” [6. Папка “Прага 1921–1924”]. Просьба протоиерея Григория была удовлетворена, и 4 августа 1922 г. в Прагу был назначен новый настоятель – протоиерей Георгий Спаский, находившийся тогда вместе с русским флотом в Бизерте (Тунис). Хотя он и числился главой Пражского прихода до августа 1923 г., но так и не смог приехать в Чехословакию. И лишь 30 августа 1923 г. настоятелем прихода был назначен епископ Сергей (Королев), занимавший эту должность до конца Второй мировой войны. Владыка Сергей носил титул епископа Бельского и являлся викарием Холмской епархии. Однако в апреле 1922 г. он был выслан из Польши за несогласие с идеей провозглашения автокефалии Польской православной церкви, и с тех пор проживал в Праге [3. С. 72–82].

Таким образом, в августе 1923 г. окончательно оформилась организационная структура русского прихода в Праге. Был избран приходской совет и назначен настоятель, постоянно пребывавший в Праге. Следует отметить, что русские иерархи в эмиграции сохраняли свои титулы, несмотря на то, что проживали далеко от своих прежних епархий. Поэтому расхожее в литературе наименование владыки Сергея “епископом Пражским” с канонической точки зрения некорректно. Такого титула он никогда не носил.

Параллельно с созданием русского православного прихода в Праге шел процесс формирования Чешской религиозной православной общины. Главными ее деятелями были доктор права (с 1923 г. – протопресвитер) Милош Червинка и архимандрит (с 1923 г. – архиепископ) Савватий (Врабец). Уже в 1921 г. между двумя формирующимися общинами (русской и чешской) сложились довольно натянутые отношения. По мнению доктора Червинки и архимандрита Савватия, все православные, постоянно или временно проживавшие в ЧСР, должны

были войти в единую организационную структуру, которая в перспективе могла бы быть преобразована в независимую Чехословацкую православную церковь. Русские же беженцы стремились сохранить каноническую связь с Русской православной церковью, никак не препятствуя при этом развитию чешского православия.

31 июля 1921 г. М. Червинка подал в Государственное управление культов при Министерстве образования и народного просвещения ЧСР проект Устава Чешской религиозной православной общины, а также просьбу о государственной регистрации общины [4. S. 52]. Процедура регистрации затянулась более чем на полгода. Между различными правительственными инстанциями (Министерством образования, Министерством юстиции, Министерством иностранных дел) завязалась оживленная дискуссия по вопросу государственного признания новой религиозной общины. Для нас важно отметить, что в этой дискуссии сыграл не последнюю роль фактор наличия в Праге большого количества русских эмигрантов, исповедующих православие.

22 февраля 1922 г. Министерство образования, настаивая на необходимости скорейшей регистрации чешской православной общины, сообщало в Президиум Совета Министров ЧСР, что количество православных обывателей в Чешских землях за первые годы существования республики существенно возросло. Это обусловлено, прежде всего, притоком эмигрантов (русских, сербов и болгар): “Так как для всех них (эмигрантов. – В.Б.) – а счет их идет на тысячи – ныне не существует официальной церковной организации, крайне необходимо, чтобы православные могли быть объединены в религиозную корпорацию, и, прежде всего, в религиозную общину, чтобы вместо неорганизованной толпы появилась регулярная, созданная на законных основаниях и открыто представляющая себя в обществе организация”. Министерство отметило также, что для государства не может быть безразличным возможное появление мелких религиозных организаций, неподотчетных правительству и раздробленных по национальному признаку. Куда выгодней подчинить всех эмигрантов чешской религиозной общине, “основанной и существующей в постоянном контакте с государственными властями, которая будет в домашних чешских руках и от которой будут зависеть все православные иных национальностей, являющиеся по большей части гостями в нашем государстве” [10. Složka “Zpravy o činnosti pravoslavné náboženské obce v Praze (1920–1941)”. Č. 4398/1133 S – 1922]. Таким образом, стремление архимандрита Савватия и М. Червинки подчинить своей канонической власти русский приход нашло полную поддержку в Министерстве образования.

Цитированное письмо достигло своей цели. 16 марта 1922 г. Президиум Совета Министров ЧСР дал согласие на регистрацию Чешской религиозной православной общины [10. Složka “Zpravy o činnosti pravoslavné náboženské obce v Praze (1920–1941)”. Č. 5811/1133 S – 1922], а 31 марта Министерство образования утвердило ее Устав [4. S. 52]. 15 июня 1922 г. в Праге состоялось учредительное собрание общины, на котором ее председателем был избран М. Червинка, а духовным руководителем – архимандрит Савватий. Результаты выборов были утверждены государством 30 августа. С этого момента Чешская религиозная православная община стала единственной православной церковной организацией в Чешских землях, официально признанной государством.

Однако Устав чешской общины не давал однозначного ответа на вопрос о том, кто может (или должен) войти в ее состав. § 3 Устава гласил, что “членами

общины являются все верующие православного (греко-восточного) исповедания, которые постоянно или временно проживают в округе общины". При этом в § 4 устанавливалась процедура записи в общину, которая делала человека ее полноправным членом [10. Složka "Zpravy o činnosti pravoslavné náboženské obce v Praze (1920–1941)". Č. 107/1133 S – 1922]. Поэтому, с одной стороны, руководство общины имело основания утверждать, что все русские эмигранты, проживающие в Чешских землях и исповедующие православие, автоматически становятся членами Чешской религиозной православной общины. С другой стороны, человек, не обратившийся к руководству общины с письменной просьбой о включении себя в ее состав и не получивший письменного подтверждения того, что он в этот состав включен, членом общины не являлся. Эта двусмысленная ситуация сделала чрезвычайно актуальным вопрос о правовом статусе русского прихода. С точки зрения государства он оставался непризнанной (хотя и терпимой) религиозной организацией, не имевшей статуса юридического лица. Это, во-первых, создавало опасность включения русского прихода в состав чешской общины, а во-вторых, означало, что все документы, издававшиеся русским приходом, не имели юридической силы. При этом русский приходской совет вел метрические книги, в которых регистрировались крестины, венчания и погребения.

Излишне говорить о том, что для русских эмигрантов вопрос регистрации актов гражданского состояния имел первостепенное значение. Оказавшись на чужбине, наши соотечественники стремились регистрировать основные события в жизни в соответствии с российскими традициями. При этом в различных странах, на территории которых оказывались российские граждане, действовали иные правовые нормы. И далеко не всегда документы, выданные русскими церковными или гражданскими властями за границей (посольствами, консульствами, миссиями), признавались иностранными государствами.

Главной особенностью процедуры регистрации актов гражданского состояния для лиц православного исповедания в Российской империи была ее исключительно церковная форма. Еще в 1722 г. Петр I издал указ об обязательном ведении метрических записей во всех приходах на территории Российской империи, а с 1806 г. была введена единая печатная форма метрических книг, рассылавшихся из Петербурга во все приходы [11. С. 201–203; 12. С. 361]. Метрические записи свидетельствовали как о совершении церковных обрядов, так и о возникновении, изменении или прекращении правовых отношений, имеющих существенный характер. На основании этих записей могли выдаваться метрические свидетельства, имевшие силу официальных документов.

До революции все зарубежные русские церкви (кроме приходов в Северной Америке) входили в состав Санкт-Петербургской епархии. Русское духовенство за рубежом получало метрические книги установленного образца из Святейшего Синода. Метрические записи в этих книгах признавались российскими государственными и церковными властями, хотя с точки зрения иностранных правительств они далеко не всегда имели юридическую силу. Так, например, метрики русского Никольского храма в Праге не имели юридической силы для австрийских властей. Храм считался нанятым частными лицами для их нужд и не имел статуса прихода. В соответствии с австрийскими законами, с момента создания в Вене православной общины св. Саввы (1893) все православные славяне, проживавшие в Цислейтании (т.е. в австрийской части двуединой Австро-Венгерской империи), вошли в состав этой общины. Юрисдикция общины св.

Саввы распространялась, соответственно, и на православных славян Чешских земель. Поэтому для того, чтобы русские церковные акты были признаны Австрийским государством, они параллельно регистрировались и в метрических книгах венского прихода св. Саввы. Так что с точки зрения австрийских властей русские священники в Праге действовали как делегаты настоятеля венского храма [13. S. 17–27].

В 1919 г. молодое Чехословацкое государство признало юридическую силу за браками, оформленными как духовными руководителями зарегистрированных религиозных общин, так и гражданскими властями (закон № 320 от 22 мая 1919 г.). Люди, вступавшие в брак, сами могли выбрать форму регистрации своего союза (гражданскую или церковную) [14. S. 35–36]. При этом ведение метрических книг в религиозных общинах, не признанных государством, не запрещалось. Но эти записи не имели юридической силы.

В 1921 г., как сказано, русские храмы в Западной Европе были изъяты из ведения Петроградского митрополита и переданы в управление митрополита Евлогия. С этого времени все русские зарубежные приходы, признававшие над собой его каноническую власть, получали метрические книги из возглавляемого им Епархиального управления, которое сначала (1921–1922) находилось в Берлине, а затем переехало в Париж (с начала 1923 г.) [8. С. 373–374]. Русские беженцы, оказавшиеся в Праге, по сложившейся традиции считали для себя вполне достаточной регистрацию в приходских книгах, но впоследствии выяснялось, например, что браки, зарегистрированные в русском приходе, с точки зрения Чехословацкого государства недействительны.

После создания и государственного признания Чешской религиозной православной общины архимандрит Савватий и М. Червинка попытались при поддержке государства взять в свои руки регистрацию актов гражданского состояния для всех православных, проживавших в Чешских землях (в том числе и для русских эмигрантов), что фактически означало бы подчинение русского прихода руководству чешской общины.

Уже 18 июня (т.е. через три дня после проведения своего учредительного собрания) Чешская религиозная православная община направила письмо в МИД ЧСР, в котором жаловалась на то, что в русском приходе незаконно ведутся метрические книги. Право же на это имеет лишь чешская община. Письмо аналогичного содержания было направлено и в Пражское земское политическое правление, которое 30 июня попросило протоиерея Григория Ломако (исполнявшего тогда должность настоятеля русской общины) дать разъяснения по поводу полученной жалобы. Ответ отца Григория датирован 1 июля. Он сообщал, что русские беженцы рано или поздно надеются вернуться на Родину и потому стремятся регистрировать акты своего гражданского состояния за границей в соответствии с российскими законами, чтобы в будущем их документы были признаны в России. Именно поэтому они не обращаются с просьбами о регистрации ни в государственные органы, ни в чешскую православную общину. Видимо, разъяснения отца Григория вполне удовлетворили Земское политическое правление. Во всяком случае, просьба чешской общины о том, чтобы за ней было признано исключительное право ведения метрических книг для всех лиц православного исповедания, не была удовлетворена [9. Karton 3907. Č. 98641/1922].

4 марта 1923 г. в Стамбуле Константинопольский патриарх Мелетий IV (Метаксакис) рукоположил архимандрита Савватия в сан архиепископа Пражского и всей Чехословакии. В тот же день состоялась и священническая хиротония

М. Червинки, который был возведен в должность “протопресвитера Апостольского Патриаршего Константинопольского Престола” и назначен канцлером новосозданной Пражской архиепископии [4. S. 66]. Вернувшись из Стамбула, архиепископ Савватий и протопресвитер Милош еще раз попытались при помощи государственных органов подчинить своей власти русский приход.

10 апреля 1923 г. Червинка был принят заместителем министра иностранных дел ЧСР доктором Вацлавом Гирсой, который курировал “русскую акцию” чехословацкого правительства. По сообщению самого доктора Гирсы, отец Милош Червинка в разговоре с ним поведал о стремлении русских эмигрантов создать в Праге свою отдельную церковную общину. Червинка полагал, что отныне каноническая юрисдикция над всеми православными на территории Чехословакии находится в руках архиепископа Савватия, а значит необходимо подчинить ему и всех эмигрантов.

Однако доктор Гирса не поддержал Червинку. Хотя заместитель министра иностранных дел ЧСР полагал, что русскому приходу нецелесообразно предоставлять статус религиозной организации, признанной государством, в то же время он считал недопустимым и принудительное подчинение русских эмигрантов архиепископу Савватию. В. Гирса полагал, что “нет препятствий, чтобы русские священники вели метрики для своих собственных церковных нужд; для того же, чтобы факты, являющиеся предметом метрических записей, имели силу для государственных органов, необходимо вносить их в государственные метрические книги, которые ведут политические учреждения (магистраты). Эти акты должны регистрироваться два раза: русским духовенством в церковных метриках *pro foro interno* и государственными органами *pro foro externo*” [1. Č. 1013 grůb.–III–23].

22 июня 1923 г. в Прагу прибыл митрополит Евлогий [10. Složka “Ruská pravoslavná církev. Ruský metropolita Eulogius, visum do čl. republiky. 1923”]. 26 июня он посетил МИД ЧСР, где встретился с В. Гирсой. Митрополит передал ему “Памятную записку”, кратко излагавшую требования русских эмигрантов. Владыка Евлогий просил позволить русскому приходу оставаться в канонической власти Русской православной церкви. Также он просил, чтобы чехословацкие власти признавали права назначаемых им в Прагу священнослужителей и считали выписки из метрических книг русского прихода официальными юридическими документами [1. Č. 50402–III–1923; 6. Папка “Прага 1921–1924”].

В. Гирса с пониманием отнесся к просьбе митрополита Евлогия. 26 июля того же года МИД ЧСР направил письмо в Министерство образования и в Министерство внутренних дел, в котором рекомендовал провести государственную регистрацию русских православных общин в ЧСР [1. Č. 50402–III–1923]. Однако Государственное управление культов не пересмотрело свое отношение к русскому приходу и вплоть до середины 1924 г. продолжало оказывать безоговорочную поддержку архиепископу Савватию. Лишь 31 июля 1924 г. Министерство образования сообщило в Президиум Совета Министров ЧСР, что не имеет возражений против государственного признания русского прихода [10. Složka “Pravoslavná církev ruská; úprava poměrů”. Č. 4806/1133–S–1924].

Однако вопрос о порядке регистрации актов гражданского состояния русских эмигрантов православного вероисповедания оставался актуальным. Поэтому 22 января 1925 г. МВД ЧСР издало циркуляр, адресованный всем местным политическим правлениям в Чехии, Моравии и Силезии. В этом документе отмечалось, что государство признает законность церковной регистрации актов

гражданского состояния, совершенной лишь настоятелем Чешской религиозной православной общины. Русские эмигранты православного исповедания, не желающие входить в состав указанной общины, “могут заключать действительные браки лишь в гражданском порядке, и их рождения, браки и смерти могут быть доказываемы единственно гражданскими метриками”. При этом Министерство отмечало, что не видит препятствий для того, чтобы эмигранты после регистрации брака в государственных органах “обращались для освящения своего союза еще к священнику, так же как нет возражений к записыванию рождений и смертей членов русской эмиграции, параллельно с гражданскими метриками, также в частных, имеющих лишь внутреннее значение реестрах русского священника” [10. Složka “Pravoslavná církev ruská; úprava poměů”. Č. S–1671/1133/1; 15. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 274. Л. 64].

Пражский приход переправил копию указанного циркуляра в Епархиальное управление в Париже. 2 июля 1925 г. документ был рассмотрен на заседании Епархиального совета, который рекомендовал русскому приходу в Праге следовать порядку регистрации актов, предписанному Министерством внутренних дел ЧСР [6. Папка “Прага 1924–1925”]. Таким образом, к лету 1925 г. окончательно утвердился порядок регистрации рождений, браков и смертей русских эмигрантов православного вероисповедания, проживавших в Чешских землях. Члены русского прихода отказались от услуг Чешской религиозной православной общины, отдав предпочтение регистрации актов в государственных учреждениях.

28 апреля 1925 г. в Министерство образования ЧСР был подан проект Устава русской православной общины. В мае–июне 1925 г. этот документ изучался в Министерстве. В результате Государственное управление культов предложило русской общине внести в устав ряд поправок [9. Karton 3907. Č. 54223/1925; 6. Папка “Прага 1924–1925”]. Сопоставление первоначального текста и предложенных министерством изменений показывает, что из Устава были изъяты все упоминания о высшей русской церковной власти. Так в проекте в § 1 говорилось, что вероисповедная община Русской православной церкви в Чехии, Моравии и Силезии является “органической частью Русской православной (греко-восточной) церкви, возглавляемой Патриархом Московским и всея России”. В исправленном министерством варианте упоминание о Московском патриархе убрано. § 2 проекта гласил, что община “канонически подчинена Епархиальному управлению Русской Православной Церкви в Западной Европе, имеющему местопребывание в Париже и представленному ныне митрополитом Евлогием, и не может быть в будущем отторжена от Русской Православной Церкви и включена в состав иной автокефальной или автономной Церкви”. Исправленный вариант был значительно лаконичней: “В своем вероучении, обрядах и внутренней жизни эта община руководствуется правилами, действительными для Русской Православной Церкви, с которой в этих отношениях составляет каноническое единство”. Подобного рода изменения были внесены и в другие параграфы проекта (§§ 4, 16, 21, 27, 39, 40).

Изменения, внесенные в проект Устава Министерством образования, вполне вписывались в общую конфессиональную политику ЧСР. Государственное управление культов всегда считало одной из своих главных задач максимальное ограничение связей религиозных общин в Чехословакии с зарубежными административными центрами. Однако для русского прихода сохранение связи с Епархиальным управлением в Париже, а через него и с Московской патриархи-

ей имело принципиальный характер. Поэтому авторы Устава порой даже с излишней настойчивостью подчеркивали каноническую зависимость общины от высших административных органов Русской православной церкви, что, конечно же, не могло вызвать сочувствия у Государственного управления культов. Но, несмотря на то, что поправки, предложенные министерством, как русский приход, так и Епархиальное управление в Париже признали для себя невыгодными, все же было решено принять их, чтобы максимально ускорить процесс регистрации общины [6. Папка "Прага 1924–1925". Письмо из Епархиального управления епископу Сергию от 10 X (27 IX) 1925] .

На рубеже 1925–1926 гг. в Чешской религиозной православной общине произошли перемены, отразившиеся и на внутренней жизни русского прихода. 22 ноября 1925 г. в городе Ческа Тршебова состоялось общее собрание членов чешской общины, на котором были проведены переборы духовного руководителя и председателя общины. Ими, соответственно, стали епископ Горазд (Павлик) и доктор Богдан Исидор Заградник. 22 декабря результаты собрания были утверждены Министерством образования ЧСР, а в феврале 1926 г. все имущество общины, ее делопроизводство и архив были изъяты у архиепископа Савватия и переданы епископу Горазду. С этого времени владыка Савватий и протопресвитер М. Червинка лишились возможности оказывать сколько-нибудь заметное влияние на церковную жизнь в Чехии и Моравии. Стремление же русского прихода к государственной регистрации, как мы видели, было обусловлено, прежде всего, желанием противостоять попыткам Чешской религиозной православной общины подчинить себе русских эмигрантов. После избрания духовным руководителем чешской общины епископа Горазда такая опасность миновала. У русского прихода сложились с ним вполне дружественные отношения.

Также следует отметить, что в 1924 г. было создано Братство для погребения православных русских граждан и содержания в порядке их могил в Чехословакии, а в 1925 г. построен Успенский храм на Ольшанском кладбище в Праге. Собственником храма являлось Братство. При этом русский приход получил возможность безвозмездно пользоваться храмом и его имуществом. Это также ослабило актуальность вопроса государственной регистрации прихода. Поэтому, начиная со второй половины 1926 г., русский приход перестал активно добиваться от государства официального признания.

Тем не менее, правительственные органы ЧСР продолжали изучать этот вопрос. Так МИД ЧСР, прежде чем принять окончательное решение по делу эмигрантского прихода в Праге, решил выяснить, какой статус имеют русские церковные организации в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС). В январе 1927 г. был направлен соответствующий запрос в Посольство ЧСР в Белграде [1. С. 179060–II–1926]. В своем ответе посольство сообщало, что русские общины в Королевстве СХС официально не признаны государством, а лишь терпимы. Документы о заключении браков, выданные русскими священниками, не признаются государством. Силу официальных бумаг имеют лишь документы, выдаваемые духовенством Сербской православной церкви (СПЦ) [1. С. 6438–II–1927].

В июле 1927 г. в Прагу также пришло письмо из МИД Королевства СХС, в котором говорилось, что Русская православная церковь имеет в Сербии свою административную единицу – Синод (в городе Сремски Карловцы), во главе которого стоит митрополит Антоний (Храповицкий). Митрополиту же Евлогию в

Королевстве СХС никто не подчиняется. Представители русского духовенства, принимающие сербское гражданство, автоматически переходят в юрисдикцию СПЦ [1. Ā. 101079–II–1927].

Письма, полученные из Белграда, не прояснили, а лишь запутали дело. К тому же, именно в 1926–1927 гг. в русском зарубежье разразилась так называемая церковная смута, результатом которой стал разрыв взаимоотношений между митрополитом Евлогием и Архиерейским Синодом в Сремских Карловцах. В этом конфликте епископ Сергей (Королев) вместе с Пражским приходом поддержал митрополита Евлогия.

Информация о русской церковной смуте достигла и Чехословакии. 11 ноября 1927 г. пражская газета “Lidové listy” сообщила, что Архиерейский Собор в Сремских Карловцах отлучил от церковного общения епископа Сергея (Королева). Это сообщение не могло не вызвать беспокойства в МИД ЧСР. 12 декабря чехословацкое внешнеполитическое ведомство запросило соответствующую информацию в посольстве ЧСР в Белграде [1. Ā. 151477–II–1927]. Посольство ответило, что сведения, обнародованные пражской газетой, соответствуют действительности. Епископ Сергей отлучен за то, что поддержал митрополита Евлогия. Сам владыка Евлогий выступает за сохранение канонической связи с митрополитом Сергием (Страгородским) в СССР, который пытается найти компромисс с советской властью. И если митрополит Евлогий оправдывает действия митрополита Сергея, то русские епископы в Сербии настроены резко антисоветски [1. Ā. 2549–II–1928].

Все эти обстоятельства существенно осложнили решение вопроса о регистрации русского прихода. Дело оказалось вовлеченным в противоречивый дипломатический контекст.

Таким образом, в 1926–1927 г., с одной стороны, сама русская община все менее интенсивно добивалась государственного признания. С другой стороны, и МИД ЧСР все менее был склонен решать это дело в спешном порядке, осознавая возможные нежелательные последствия такого шага для государства. Видимо, процесс регистрации русского прихода приостановился сам собой.

Во всяком случае, с полной уверенностью можно сказать, что Государственное управление культов не было той инстанцией, которая как-то препятствовала осуществлению планов русской общины. Более того, глава Управления Вацлав Мюллер даже не знал, почему же все-таки не состоялась регистрация русского прихода. 21 июня 1928 г. он спрашивал об этом епископа Горазда. Последний ответил, что часть русских эмигрантов сотрудничает с Чешской религиозной православной общиной и пользуется ее метрическими книгами. Требы же, совершаемые епископом Сергием, всегда сопровождаются гражданской регистрацией. 22 июня 1928 г. В. Мюллер добавил в дело о регистрации русского прихода свои разъяснения. Он писал, что точно не знает причин, по которым не состоялось государственное признание русской общины, но предполагает, что эмигранты нашли другой выход из положения и потому отказались от продолжения дела [9. Karton 3907 Ā. 54223/1925].

Другой проблемой, решения которой русский приход добивался от государственных органов ЧСР, была проблема русского церковного имущества в Чехии. На момент создания прихода в Праге Никольский храм, являвшийся собственностью городских властей, находился уже в пользовании Чехословацкой церкви. Утварь храма во время войны была конфискована и хранилась на городских складах. На курортах также сложилась весьма непростая ситуация.

В Марианских и Франтишковых Лазнях за сохранностью церковного имущества в годы войны следили кураторы, назначенные еще строительными комитетами, воздвигавшими эти храмы. В Карловых Варах с момента ареста протоиерея Николая Рыжкова в 1914 г. официального распорядителя церковным имуществом не было. Поэтому местный суд еще в том же году назначил куратором русского храма Людвига Шафлера, который покинул Карловы Вары во время войны [9. Karton 3907. Č. 89103/1922]². После этого новый куратор не был назначен, и за сохранностью церковного имущества следил церковный сторож Вацлав Мещанек. 22 февраля 1919 г. в Окружной суд в Карловых Варах через пражского адвоката доктора Виктора Ржигу было подано предложение начальника канцелярии (администрации) президента ЧСР доктора Пршемысла Шамала об установлении судебного распоряжения имуществом Карловарского православного храма [9. Karton 3916. Složka “Vary Karlový”. Č. 171479/1937]. В результате 29 марта 1919 г. судебным куратором (распорядителем) имущества был назначен доктор Милан Микса [9. Karton 3916. Složka “Vary Karlový”. Č. 95601/32].

Прибывший в Чехословакию 25 июля 1921 г. протоиерей М. Стельмашенко при поддержке В.Т. Рафальского попытался получить церковное имущество в Праге и на курортах в свое распоряжение. 27 июля 1921 г. В.Т. Рафальский известил Миксу о том, что митрополит Евлогий, уполномоченный Московским патриархом Тихоном руководить русскими церквями в Западной Европе, передал управление храмами в Карловых Варах, Марианских Лазнях и Франтишковых Лазнях протоиерею М. Стельмашенко. Свое письмо Рафальский подписал как русский *chargé d'affaires* (поверенный в делах) в Праге. 4 августа доктор Микса запросил Министерство иностранных дел ЧСР, должен ли он “подать в суд предложение о прекращении судебного распоряжения и о передаче храма со всем его имуществом господину М.А. Стельмашенко” [1. Č. 28589/1921 pres].

17 августа МИД ответил М. Миксе, что В.Т. Рафальский не является официально признанным представителем Российского государства в Чехословакии. Его письма не являются официальными документами и должны восприниматься как частные. Поэтому нет оснований для приостановки судебного кураторства русским церковным имуществом в Карловых Варах [1. Č. 28589/1921 pres]. Таким образом, попытка отца Михаила получить в свое распоряжение карловарский храм не увенчалась успехом. Но он на этом не остановился.

15 сентября 1921 г. М. Микса сообщал в МИД ЧСР, что отец Михаил регулярно совершает богослужения в Карловых Варах, а также требует передать ему все церковное имущество. Микса отказался выполнить это требование: “Церковь и имущество я не мог передать господину протоиерею, так как суд назначил меня попечителем. Господин протоиерей не хочет этого понять и очень на меня злится. Говорит, что чехи везде создают для него трудности, а немцы во всем идут ему навстречу” [9. Karton 3908. Č. 122313/1921].

7 ноября 1921 г. полномочия распорядителя русского церковного имущества в Карловых Варах Окружной суд передал Клементу Новаку [9. Karton 3908. Č. 84471/1924]. С ним протоиерей М. Стельмашенко также не сумел найти общий язык. Так, например, отец Михаил без согласования с куратором увез в Прагу облачения, необходимые для совершения рождественских богослужений.

² По другим сведениям Л. Шафлер скончался в Карловых Варах в 1915 или начале 1916 г. См.: Письмо А.М. Мирковича митрополиту Евлогию от 14(1) X 1924 [6. Папка “Прага 1924–1925”].

В ответ на это К. Новак сообщил о действиях русского настоятеля в полицию. В результате отец Михаил был вызван в четвертое отделение Пражской полиции, где его продержали несколько часов. После этого облачения были возвращены в Карловы Вары [9. Karton 3908. Č. 32371/1922. Письмо пражского Земского политического правления в Министерство образования ЧСР от 17 III 1922].

После создания и государственного признания Чешской религиозной православной общины в Праге ее руководство начало добиваться получения в свое распоряжение всего русского церковного имущества в Чехии. Следует отметить, что часть церковной утвари, конфискованной во время войны, была передана из пражских складов в распоряжение М. Червинки. Теперь же чешская община потребовала передать ей и русские курортные храмы. Так 24 ноября 1922 г. руководство общины сообщило в Министерство образования, что стремится получить в свое распоряжение русский храм в Карловых Варах [9. Karton 3908. Č. 130786/1922].

В свою очередь, митрополит Евлогий 30 июля 1922 г. направил в МИД ЧСР письмо, в котором просил передать все русское церковное имущество в Чехии в распоряжение протоиерея Георгия Спасского [9. Karton 3908. Č. 130786/1922]. 5 декабря 1922 г. МИД переправил это письмо на отзыв в Министерство образования. Последнее высказало свое мнение 20 января 1923 г.: “Евлогий исходит здесь из русского менталитета, в соответствии с которым государственное и церковное управление суть одно и то же, а значит можно вести речь о государственной церкви ... которой государство должно оказать помощь, чтобы она вступила во владение своим имуществом. Такого понимания церковно-государственных отношений наше государство и наше право не знают”. По мнению Министерства образования, если протоиерей Георгий Спасский действительно имеет документы, подтверждающие его полномочия как законного преемника прежних владельцев русского церковного имущества в ЧСР, то он должен решать этот вопрос в суде, а не в министерстве [9. Karton 3908. Č. 137070/1922].

После создания Константинопольским патриархатом Пражской архиепископии и рукоположения архимандрита Савватия в сан архиепископа митрополит Евлогий направил письмо патриарху Мелетию IV, в котором просил не включать в состав новосозданной архиепископии русские храмы в Праге, Карловых Варах, Марианских и Франтишковых Лазнях. За этими храмами митрополит просил признать статус подворий Русской православной церкви. Однако Константинопольский патриарх отказал митрополиту Евлогию в исполнении этой просьбы. В ответном письме от 27 апреля 1923 г.³ патриарх Мелетий писал, что указанные русские храмы “должны войти в церковную зависимость и духовное подчинение местной православной власти” [15. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 274. Л. 52–54]. Позже такое же требование высказал и Константинопольский патриарх Григорий VII [16. Složka “Patriarchát v Saříhradě”. Письмо патр. Григория VII митр. Евлогию от 25 VI 1924].

Права собственности на русские курортные храмы в Чехии в довоенный период принадлежали разным юридическим и частным лицам. В кадастровых книгах собственником храма во Франтишковых Лазнях значился Святейший Синод в Петербурге, храма в Марианских Лазнях – князь Иларион Иванович

³ Из документа не ясно, по какому стилю он датирован.

Воронцов-Дашков. Карловарский же храм вместе с приходским домом и всем движимым имуществом был записан на “Русскую православную церковь в Карловых Варах (die orthodoxe russischen kirche in Karlsbad)” [9. Karton 3908. Č. 84471/1924. Письмо Министерства образования ЧСР в Карловарский Окружной суд от 24 VII 1924].

В апреле 1923 г. МИД ЧСР попросил Чехословацкое представительство в Москве сообщить в Прагу свое мнение по вопросу русской церковной собственности в Чехии. Ответ был отправлен из Москвы 30 апреля. Представительство сообщало, что в РСФСР церковь отделена от государства и все ее имущество национализировано, поэтому фактическим правопреемником Святейшего Синода в Петрограде является советское правительство. Так как советская власть *de jure* не признана ЧСР, то нельзя признавать и ее право на церковную собственность в Чехословакии, “которая вместе с остальной государственной российской собственностью в ЧСР могла бы служить предметом компенсации во время будущих переговоров о возмещении ущерба, нанесенного нашим гражданам в России”⁴. Поэтому рекомендуем чехословацкому правительству самостоятельно урегулировать этот вопрос и удержать строения как компенсацию” [1. č. 80058–III–1923].

МИД ЧСР был вполне солидарен с московским Представительством. В Праге считали необходимым сохранить контроль над русскими храмами и их имуществом. Поэтому ни русский приход, ни архиепископ Савватий не смогли добиться согласия чехословацкого МИД на получение в свое распоряжение русской церковной собственности.

В этой ситуации представители русской колонии приняли решение действовать через местные судебные органы. Для этого наиболее благоприятной была ситуация, сложившаяся во Франтишковых Лазнях. Расположенный здесь храм св. Ольги был до революции собственностью Святейшего Синода и для того, чтобы официально получить его в свое пользование, епископу Сергию нужно было доказать, что он назначен в Чехословакию русской церковной властью, являющейся правопреемницей Синода. Сделать это было несложно. Полномочия Святейшего Синода, являвшегося до 1917 г. высшим административным органом в Русской церкви, после восстановления патриаршества (в 1917 г.) естественным образом перешли к Московскому патриарху Тихону. Епископ же Сергей был назначен в Прагу митрополитом Евлогием, который, в свою очередь, получил полномочия от патриарха Тихона.

31 июля в муниципалитете во Франтишковых Лазнях состоялось специальное совещание по проблеме русского церковного имущества. Русскую общину на совещании представляли епископ Сергей, В.Т. Рафальский и полковник А.П. Волоцкой. Муниципалитет поручил адвокату Виктору Згуставу возбудить перед судом в Эгере⁵ “ходатайство о занесении в кадастровые книги как собственника имущества вместо Св. Синода Епархиальное управление в Париже” [6. Папка “Карлсбад”. Письмо В.Т. Рафальского М.Н. Гирсу от 30 VIII 1924].

25 августа 1924 г. Краевой суд в Хебе, рассмотрев указанное ходатайство, принял решение переписать русское церковное имущество во Франтишковых

⁴ Речь идет о собственности чехов и словаков, до революции проживавших в России, чье имущество было национализировано.

⁵ Эгер – немецкое название города Хеб, окружного центра, которому в административном отношении подчинялись Франтишковы Лазни (Франценсбад).

Лазнях на “Union Directrice Diocésaine des Organisations Orthodoxes Russes en Europe Occidentale” (под таким названием было зарегистрировано во Франции Епархиальное управление митрополита Евлогия). На основании этого судебного решения в кадастровые книги была внесена запись № 551, свидетельствующая о перемене прав собственности [1. С. 61637–II–1925]. Это судебное решение В.Т. Рафальский расценивал как “крупный успех в отстаивании наших прав на одну из здешних русских курортных церквей” [6. Папка “Карлсбад”. Письмо В.Т. Рафальского М.Н. Гирсу от 30 VIII 1924].

Однако этот успех оказался непрочным. Признание за русскими эмигрантами прав собственности на храм св. Ольги было расценено в Праге как опасный прецедент. МИД ЧСР попросил Министерство юстиции прокомментировать принятое в Хебе судебное решение. Минюст ответил, что указанное решение было принято без должного исследования вопроса на основании, главным образом, заявления епископа Сергия о том, что Святейший Синод в Петрограде более не существует. Поэтому Минюст просил, чтобы МИД выяснил, соответствуют ли действительности сведения, сообщенные суду епископом Сергием [1. С. 98258–II–1925. Письмо из Минюст ЧСР в МИД ЧСР от 4 VI 1925].

Внешнеполитическое ведомство запросило по этому поводу Представительство ЧСР в Москве. Ответ представительства датирован 24 июля 1925 г. Здесь, в частности, сообщалось, что Святейший Синод действительно перестал существовать и его функции перешли к патриарху. Далее повторялась информация письма Представительства от 30 апреля 1923 г. с добавлением, что подобный прецедент уже имел место в Дании, где суд принял решение о передаче церковного имущества советским властям [1. С. 124449–II–1925].

В результате осенью 1926 г. Краевой суд в Хебе пересмотрел свое решение о храме св. Ольги. Запись, внесенная в кадастровые книги в 1924 г., была аннулирована. Суд постановил вновь считать владельцем храма Святейший Синод. Распоряжение церковным имуществом передавалось в руки назначенного судом куратора Рихарда Хагна [1. С. 141983–II–1926. Письмо из Минюста в МИД ЧСР от 16 X 1926].

В 1932 г. русский приход предпринял еще одну попытку получить в свое пользование церковную собственность на курортах. На этот раз епископ Сергей обратился в Карловарский суд с просьбой об отмене судебного распоряжения храмом свв. Петра и Павла и его имуществом. 3 июля того же года суд удовлетворил эту просьбу. Судебное кураторство было прекращено. Управление имуществом было передано епископу Сергию. Ему также было разрешено распоряжаться депозитом, находившемся на сохранении в Карловарском отделении Живнostenского банка [6. Папка “Карлсбад”; 9. Karton 3916. Složka “Vary Karlový”. С. 95601/32].

Однако уже 30 июля 1932 г. в Краевой суд в Хебе были поданы две апелляционные жалобы на это решение. Первая исходила от епископа Чешского и Моравско-Силезского Горазда (Павлика), а вторая – от Чешской финансовой прокуратуры. В обеих жалобах говорилось о необходимости отмены судебного постановления, принятого 3 июля 1932 г. [6. Папка “Карлсбад”].

Чем же аргументировал свою жалобу епископ Горазд?

Он подчеркивал, что законным собственником карловарского храма является, конечно же, Русская православная церковь. Судебное же попечительство церковным имуществом установлено “в силу тех соображений, чтобы имущество это было сохранено для Русской православной церкви до того времени, ко-

гда в России настанет нормальное церковное положение. Русская же Церковь находится в исключительном положении”. Исключительность эта заключается в том, что на территории Советского Союза две церковные организации считают себя законными преемниками дореволюционной Церкви, а именно: Патриаршая (Тихоновская) церковь, возглавляемая Нижегородским митрополитом Сергием (Страгородским), и так называемая “Синодальная” (обновленческая) церковь, возглавляемая митрополитом Александром (Введенским). “Пройдет еще много времени, – замечает епископ Горазд, – пока этот вопрос будет разрешен победой той или другой фракции внутри Православной церкви в России и каноническим образом. К этому присоединяется еще тот факт, что в результате тяжелых условий, в которых находятся все Церкви в СССР, особенно же православная, – ни Тихоновская, ни Синодальная церковь не в состоянии позаботиться о заграничном имуществе Русской православной церкви”.

Епископ Горазд также обращал внимание суда на тот факт, что и русская эмиграция не является единой в церковном отношении. Она расколота на три группы: первая подчиняется Архиерейскому Синоду в Сремских Карловцах (Югославия), возглавляемому митрополитом Антонием (Храповицким), вторая – митрополиту Евлогию, а третья сохранила подчинение митрополиту Сергию (Страгородскому). Первые две группы не имеют в настоящее время связи с высшей церковной властью в России и потому не могут выступать от ее имени. Поскольку же епископ Сергей (Королев), в чьи руки было передано распоряжение церковным имуществом в Карловых Варах, подчиняется митрополиту Евлогию, то он не имеет прав на русское церковное имущество в Чехии. Из всего этого епископ Горазд делал вывод о том, что обстоятельства, вынудившие установить судебное попечительство над церковным имуществом в Карловых Варах, “существуют до сих пор”. Он предлагал передать это имущество во временное распоряжение Чешской православной епархии, “чтобы она управляла им как имуществом Русской церкви, с которой в удобный момент пришла бы к соглашению о дальнейшем”.

Чешская финансовая прокуратура в своей жалобе поддерживала предложение епископа Горазда. В этом документе также подчеркивалось, что собственником имущества является Русская православная церковь. И передача его в руки чешского православного епископа нужна лишь как гарантия его сохранности “до того времени, когда будет возможно заключить с Русским синодом соглашение относительно управления храмом”.

Решение по поводу указанных жалоб было принято в Краевом суде в Хебе 27 августа 1932 г. Апелляционная жалоба Чешской финансовой прокуратуры была удовлетворена. Карловарскому суду было предписано “и в дальнейшем по-прежнему осуществлять заведывание имуществом помянутого храма”. Жалоба же Чешской православной епархии была отклонена. Суд пришел к выводу, что эта епархия “не имеет законного права для подачи апелляционной жалобы”.

Особо важно подчеркнуть, что суд в Хебе представил и истолкование записи, сделанной в кадастровой книге в 1893 г.: “В тетради № 1336 поземельной книги для Карловых Вар записано право собственности за Православной русской церковью и отмечено далее, что эта записанная недвижимость предназначена для целей Русской православной церкви в Карловых Варах. Эту запись следует понимать так, что недвижимость принадлежит Русской православной церкви в России, представляемой тамошним Синодом. Правовое положение как Русской

православной церкви, так и русского храма в Карловых Варах после имевших место военных и революционных событий с точки зрения международных отношений, равно как и взаимоотношений отдельных церквей, остается слишком неясным, чтобы имущество русского храма в Карловых Варах могло быть передано в заведывание одной из сторон”. Суд подчеркнул, что долгом Чехословацкого государства является забота об указанном имуществе до тех пор, пока не нормализуется церковная жизнь в России [9. Karton 3916. Složka “Vary Karlový”. Č. 26922/1933].

Но, несмотря на то, что русскому приходу так и не удалось получить в свое распоряжение курортные храмы, здесь по согласованию с судебными кураторами регулярно совершались православные богослужения.

В заключение можно сделать следующие выводы о взаимоотношениях русского эмигрантского прихода и чехословацких властей.

Поддержка православного духовенства явно не вписывалась в знаменитую “русскую акцию”. Прав был протоиерей Михаил Стельмашенко, когда писал о поразительном контрасте “между добром, какое делает правительство [ЧСР] весьма щедро для русских беженцев ... и ... жалким положением русской церкви на территории республики” [6. Папка “Прага 1921–1924”. Открытое письмо прот. М. Стельмашенко президенту ЧСР Т.Г. Масарику от 31 I 1922]. Руководство русского прихода в Праге довольно быстро осознало, что ему не стоит рассчитывать на помощь чехословацких властей, и потому русский приход никогда не считал Чехословацкое государство определяющим фактором своего становления и развития. Русское духовенство стремилось опираться на авторитет и поддержку высшей церковной власти (прежде всего митрополита Евлогия и действовавшего при нем Епархиального управления). В результате русский приход в Праге в течение всего межвоенного периода существовал как непризнанная государством религиозная организация. С другой стороны, и Государственному управлению культов ЧСР не удалось достичь цели, задекларированной еще в 1921 г.: удержать контроль над церковной жизнью эмиграции “в чешских руках”. Церковная организация русских эмигрантов осталась фактически неподконтрольной государственным органам. Весьма показательным, что с середины 1920-х годов эмигранты пытались решить проблему русского церковного имущества в Чехии не путем переговоров с высшими органами государственной власти, а путем инициирования процессов в местных судах. Однако эта тактика потерпела поражение. Вопрос русской собственности был настолько глубоко вовлечен во внешнеполитический контекст, что заинтересованные правительственные инстанции (Совет Министров, МИД, Министерство образования) фактически свели на нет все попытки русского прихода получить в свое распоряжение церковное имущество в Праге и на курортах.

Тем не менее, несмотря на отсутствие государственного признания, положение русского прихода было достаточно прочным. В значительной мере это была личная заслуга епископа Сергия. “Благодаря личному авторитету преосвященного Сергия среди русских и симпатиям к нему чешского общества, – говорил митрополит Евлогий в конце 1930-х годов, – положение наше в Чехословакии хоть юридически и неопределенно, но фактически устойчиво: пока храмы – наши, и вопрос о том, на правах ли собственности, или по праву владения они считаются за нами, просто не ставится” [8. С. 394].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. Sekce II (1919–1939). Karton 68. Složka “Pravoslavná církev ruská”.
2. *Ильяшевский К.П., Быстров Д.В.* Православные русские храмы в Праге. Прага, 2000.
3. Хранители веры православной: Из жизни двух представителей Русской Православной Церкви в Чехии – священника Николая Рыжкова и владыки Сергия. Прага, 2004.
4. *Grigorič V.* Pravoslavná církev ve státě Československém. Praha, 1928.
5. *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938. Praha, 1999.
6. Архив Епархиального управления православных русских церквей в Западной Европе, Париж.
7. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Praha 2005. Sv. II.
8. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994.
9. Národní archiv v Praze. F.: “Ministerstvo školství a národní osvěty 1918–1945”.
10. Národní archiv v Praze. F.: “Předsednictvo ministerské rady 1918–1945”. Karton 498.
11. Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. XIX.
12. Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. 1.
13. [*Gorazd (Pavlik), biskup.*] Pamětní spis o právním postavení církve pravoslavné v Republice Československé. Praha, 1932.
14. *Tretera J.R.* Stát a církev v České republice. Kostelní Vydří, 2002.
15. Государственный архив РФ.
16. Archiv Úřadu eparchiální rady olomoucko-brněnské eparchie pravoslavné církve v Olomouci. F.: biskup Gorazd (Matěj Pavlik).

© 2007 г. Ц. КЪОСЕВА

УСТАНОВЛЕНИЕ БОЛГАРО-СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1934 ГОДУ И СУДЬБА ПОСОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В СОФИИ

Каменная русская церковь св. Николая Чудотворца была заложена в сентябре 1907 г. и посвящена св. Николаю Мирликийскому, небесному покровителю императора Николая II. Новый храм был построен на месте разрушенной в 1882 г. турецкой мечети “Сарай Джамия”. В это время Болгарская православная церковь находилась в состоянии схизмы (1872–1945), поэтому для русских дипломатов и членов их семей был необходим храм, который они могли бы посещать, не нарушая канонів. Церковь находилась на территории русской дипломатической миссии, поэтому судьба храма тесно связана с историей болгаро-русских и болгаро-советских дипломатических отношений.

Автором проекта храма являлся русский архитектор М.Т. Преображенский (1854–1930), спроектировавший также первый вариант кафедральной церкви св. Александра Невского в Софии. Два храма построены одновременно. Здание русской церкви воздвигнуто русскими мастерами во главе с А. Смирновым. Роспись сделана профессором живописи В. Перминовым в традиционном московском стиле. В северном крыле храма находится роспись “Воскресение Христова”, сделанная художником-эмигрантом Н. Ростовцевым. Архитектура церкви представляет собой типичный образец так называемого русско-византийского стиля, характерного для конца XIX – начала XX в. Этот эклектичный стиль возник вследствие повышенного интереса в России к старине и основан на заимствовании разнородных элементов из церковной архитектуры.

Строительство и украшение храма св. Николая Чудотворца продолжалось с 1912 по 1914 г. Торжественное освящение состоялось 10–11 ноября 1914 г. [1]. В то время Россия уже участвовала в Первой мировой войне, а Болгария еще не вступила в конфликт. Освящению храма в Софии российское государство придавало важное политическое и символическое значение. Россия стремилась привлечь Болгарию на свою сторону, используя для этого различные методы, в том числе и влияние Русской православной церкви (РПЦ).

Освящение церкви при посольстве по согласованию со Святейшим Синодом РПЦ, в сослужении с русским духовенством проводил экзарх Болгарской православной церкви, Иосиф I, присутствовали все члены русской дипмиссии в Со-

Къосева Цветана – д-р ист. наук, заместитель директора Национального музея истории (София).

фии, члены болгарского Синода: митрополиты Василий и Борис, епископы Максим, Климент, Варлаам, множество жителей Софии. От имени болгарского экзарха и Святейшего Синода архимандрит Стефан произнес речь на русском языке, в которой подчеркнул, что освящение церкви имеет огромное значение, “как шаг к восстановлению братского общения между Русской и Болгарской православными церквями” [2. С. 557].

В октябре 1915 г. Болгария вступила в Первую мировую войну на стороне стран оси (Германия, Австро-Венгрия и Турция). Дипломатические отношения с Россией были прерваны, а русская дипломатическая миссия и духовенство эвакуированы на родину, богослужение в храме прекращено.

После революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны в Болгарию приехали около 35 тыс. русских беженцев. 2 января 1920 г. в Софию прибыла дипломатическая миссия генерала А.И. Деникина во главе с А. Петряевым. На нее возлагалась обязанность защиты интересов русских беженцев и русской церкви в Болгарии [3. Дос. 1. Р. 15]. По традиции беженцы объединялись вокруг храма. Для русских эмигрантов церковь была центром их жизни. При церквях образовались братства, сестричества, молодежные и детские группы, которые активно занимались просветительской, культурной и благотворительной деятельностью [3. Ф. 166 К. Оп. 1. Ед. хр. 781. Л. 1]. В Софии это был посольский храм св. Николая Чудотворца. С 1921 по 1950 г. управляющим Русскими православными общинами в Болгарии был архиепископ Серафим (Соболев)¹.

После закрытия миссии А. Петряева в начале 1923 г. ее имущество вместе с имуществом церкви было опечатано комиссией, назначенной Министерством иностранных дел и исповеданий. 9 апреля 1924 г. была проведена проверка имущества в присутствии голландского вице-консула в Софии Й. Брау. 31 июля вся церковная собственность и архив были переданы К. Сарикову, государственному хранителю имущества русской дипломатической миссии и церкви в Софии [3. Ф. 166 К. Оп. 1. Ед. хр. 782. Л. 60–64].

Русская церковь продолжала действовать, но без имущества и архива. Такая ситуация сохранялась до 1933 г. Перед установлением болгарско-советских дипломатических отношений правительство Народного блока решило вернуть церковную собственность. К. Сариков был освобожден от должности, и 30 марта 1933 г. Министерство иностранных дел и исповеданий передало все имущество настоятелю русской церкви в Софии отцу Н. Владимировскому [3. Ф. 166 К. Оп. 1. Ед. хр. 782. Л. 60–65].

Пришедшее к власти 19 мая 1934 г. так называемое беспартийное правительство К. Георгиева начало переориентацию внешней политики Болгарии в сторону сближения с Францией и странами Малой Антанты. Новое правительство также стремилось установить дипломатические отношения с СССР [5. 1934. № 38]. По просьбе советского правительства по этому вопросу начались конфиденциальные переговоры. Они проходили в Стамбуле между болгарским дипломатом Н. Антоновым и советским представителем Я. Сурицем. Переговоры завершились 23 июля, когда нарком иностранных дел СССР М. Литвинов и болгарский министр иностранных дел и исповеданий К. Батолов обменялись официальными телеграммами. Дипломатические отношения устанавливались на основании проекта протокола из пяти пунктов, составленного болгарской сто-

¹ Подробнее об архиепископе Серафиме см. [4].

роной. Сравнительно легко и быстро было достигнуто согласие по первым четырем пунктам, предусматривающим невмешательство во внутренние дела и нанесение вреда друг другу путем агитации и пропаганды. Препятствием стал пятый пункт протокола, касающийся статуса Русской православной церкви и отношения к русским эмигрантским объединениям в Болгарии. Одной из главных проблем стала судьба церкви св. Николая в Софии, находящейся на территории советского дипломатического представительства [6. С. 24–55]. Во время переговоров она рассматривалась в комплексе с другими проблемами русского церковного имущества в Болгарии.

В других государствах, где были большие колонии русских эмигрантов, этот вопрос никогда не был предметом обсуждения во время переговоров об установлении дипломатических отношений. Случай с Болгарией являлся прецедентом в дипломатической истории СССР, поэтому очень интересно, как формировалась болгарская позиция.

В преддверии установления дипломатических отношений между СССР и Болгарией русские эмигранты в лице авторитетной организации Союз ветеранов Освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. посетили военного министра генерала П. Златева, от которого получили заверения, что болгарское правительство не предаст своих освободителей. Но русские ветераны знали, что под давлением СССР, после установления дипломатических отношений между СССР и Австрией русская церковь в Вене превратилась в музей атеизма. Чтобы избежать повторения этой печальной ситуации они обратились с конфиденциальным письмом к министру иностранных дел и исповеданий К. Батолову, в котором просили оставить русскую церковь за русской общиной Софии. В письме эмигранты писали, что знают о “правительстве безбожников” и гонениях на церковь в СССР. “С 1919 г. и до сих дней храм есть то место, в котором соединяются и утешаются русские беженцы”. Эмигранты также просили не передавать Советскому Союзу памятников русской боевой славы, находящихся на Шипке и в Ямболе. Батолов 26 июня 1934 г. поставил на письме резолюцию: “Предвидеть это при выработке позиции на переговорах с СССР” [3. Ф. 176 К. Оп. 6. Ед. хр. 2521. Л. 41–42].

К болгарскому правительству также обратились два иерарха – управляющий русскими церковными приходами в Болгарии архиепископ Серафим и заместитель председателя болгарского Святого Синода митрополит Стефан. Они изложили аргументы в пользу защиты русского церковного имущества от притязаний советской стороны. Иерархи писали, что русские монастыри в Шипке и Ямболе являются не только русскими, но и болгарскими историческими памятниками, так как построены в том числе на пожертвования местного болгарского населения. Что же касается русской церкви в Софии, то она воздвигнута на участке земли, подаренном городской общиной Софии в 1908 г. с целью постройки храма для окормления русской колонии в Софии. Если храм не будет обслуживать русских жителей Софии, то акт дарения может быть отменен [3. Ф. 321 К. Оп. 1. Ед. хр. 3116. Л. 17].

Пятый пункт протокола переговоров болгарской и советской стороны был внесен по настоянию русской эмиграции в Болгарии [3. Ф. 176 К. Оп. 6. Ед. хр. 2515. Л. 62]. Ссылаясь на аргументы епископа Серафима и митрополита Стефана, министр К. Батолов указал болгарскому представителю Н. Антонову: “Для советского правительства претендовать на монастыри в Шипке и Ямболе решительно невозможно! Русская же церковь в Софии находится по соседству с рус-

ским дипломатическим представительством, но отделена от него высокой каменной стеной. Церковь служит для религиозных нужд русской колонии. Болгарское правительство имеет моральный долг перед русской общиной... и не в интересах советского правительства без нужды ожесточать и без того неприязненно настроенных к СССР русских эмигрантов” [З. Ф. 321 К. Оп. 1. Ед. хр. 3116. Л. 17].

8 июля 1934 г. Н. Антонов сообщил о реакции советского правительства на проект болгарского протокола. То, что Болгария одним из условий нормализации отношений выдвинула пункт о сохранении статуса русского церковного имущества в стране, вызвало шок среди членов советского правительства. Под предлогом того, что русские эмигранты воспримут принятие этого пункта как свой успех, советское правительство отвергло эти предложения. Посланник Антонов сослался на правовой статус русского храма в Париже (см. [7]). В свою очередь, Я. Суриц категорически возражал, также используя “парижский прецедент” в качестве аргумента, указывая, что церковь в Париже превратилась в центр антисоветской пропаганды. Советский Союз не может терпеть больше такой ситуации, поэтому церковь в Софии надо или закрыть, или превратить в музей атеизма.

В конце концов советский дипломат совершенно искренне сказал, что вопрос о русском церковном имуществе в Болгарии имеет для Советского Союза принципиальное значение “но не из-за церкви, которая им не нужна, а из-за невозможности подписать документ, который может рассматриваться в будущем как признание со стороны СССР русской антибольшевистской эмиграции как субъекта международной политики” [З. Ф. 321 К. Оп. 1. Ед. хр. 3116. Л. 62–64].

Болгарская сторона предложила компромиссное решение: русскую церковь в Софии передать в ведение болгарской церковной власти, в свою очередь болгарское правительство предоставит гарантии безопасности советских дипломатов в здании миссии от провокаций белоэмигрантов. Суриц согласился с этим, настаивая на внесении в соглашение гарантии того, что церковь перейдет под болгарскую юрисдикцию и туда не будет допущена русская публика. Антонов пытался возражать, что болгарскому правительству будет трудно забрать русскую церковь у тех, кто считал ее своей собственностью. Суриц привел контраргумент: если болгарское правительство хочет заботиться о русских, то оно сможет передать им одну из болгарских церквей для их религиозных нужд [З. Ф. 321 К. Оп. 1. Ед. хр. 3116. Л. 53–54].

Предложение болгарской дипломатии о передаче русской церкви в ведение болгарских церковных властей было крайне негативно встречено русской общиной. Управляющий русскими приходами архиепископ Серафим обратился в Святой Синод Болгарской церкви прося о заступничестве. Проблема получила международный резонанс благодаря русской эмигрантской печати в других странах. Советские власти были неприятно поражены и решили ни в коем случае не дать белоэмигрантам восторжествовать. СССР высказался за поэтапное решение вопроса. Храм остается в ведении советского посольства, а затем окончательно отделяется от посольства и передается болгарским церковным властям [З. Ф. 176 К. Оп. 6. Ед. хр. 2515. Л. 76].

Правительство К. Георгиева было обеспокоено ситуацией, но видя твердость советской стороны и опасаясь ее претензий на другие русские храмы в Болгарии, решило избрать “меньшее зло”. Думая о негативных последствиях переговоров, 20 июля 1934 г. министр К. Батолов дал новую инструкцию Н. Ан-

тонову. Министр предлагал пойти на компромисс, сообщив советской стороне, что для болгарского правительства епископ Серафим не является стороной в переговорном процессе. При этом Батолов просил Антонова продолжать настаивать на передаче посольской церкви “в ведение болгарского правительства” сразу же после установления дипломатических отношений [З. Ф. 321 К. Оп. 1. Ед. хр. 3116. Л. 36а; Ф. 176 К. Оп. 6. Ед. хр. 2515. Л. 97–98]. Спустя два дня Батолов получил телеграмму от Антонова, в которой тот сообщал, что советская сторона не идет на уступки [З. Ф. 176 К. Оп. 6. Ед. хр. 2515. Л. 102–104].

Спорная проблема была все-таки разрешена. 23 июля 1934 г. в Анкаре по просьбе советской стороны участники переговоров Суриц и Антонов подписали два протокола об установлении дипломатических отношений. Согласно открытому протоколу оба государства отказывались от вмешательства во внутренние дела друг друга и отказывались на своей территории от любой агитации, пропаганды и организации вооруженной борьбы против режима другой договаривающейся стороны. Было зафиксировано, что обе стороны не допустят политических эмигрантов в свои дипломатические представительства. Протокол был одновременно опубликован в Софии и Москве 5 августа 1934 г.

Спорные вопросы относительно русской церкви вошли во второй, закрытый протокол. В нем было зафиксировано, что храм-памятник на Шипке и монастырь в Ямболе будут подарены болгарскому народу при условии осуществления там исключительно болгарского управления без участия организаций и лиц, принадлежащих к русской эмиграции. Софийская русская церковь оставалась в ведении дипломатического представительства СССР до того времени, пока советский посол не решит практических вопросов отделения церкви от представительства и обеспечения безопасности советских дипломатов. По предложению СССР этот протокол был засекречен до установления дипломатических отношений СССР с Югославией, так как СССР не отказался от претензий на русские церкви на территории этой страны [З. Ф. 321 К. Оп. 1. Ед. хр. 3021. Л. 4–12].

Итак, согласно болгаро-советским документам все русские церкви, кроме посольской должны были быть переданы из ведения Русской церкви в полное управление болгарского Синода. На первый взгляд кажется, что это означало поражение русской эмиграции и уступку Болгарии Советскому Союзу. Внимательное изучение документов показывает, что болгарское правительство, удовлетворив советские претензии, смогло найти возможность компенсации для русских эмигрантов, поэтому подписание протоколов можно считать успешным для Болгарии и для русской диаспоры, особенно в свете инцидента с русской церковью Вене.

Русская община в Софии ждала признания СССР Болгарией с тревогой. В газете “Глас труда” от 26 июля 1934 г. высказалось предположение, что после изменения внешней политики Болгария “сумеет достойно обеспечить право на приют и защиту политическим эмигрантам и представителям национальной России, с которой Болгария связана кровью”. 9 августа в той же газете был опубликован открытый болгарско-советский протокол. В нем говорилось о запрещении агитации против СССР. Русская эмиграция увидела в этом угрозу для себя. Зато в редакционном комментарии к протоколу русских призывали к единению: “Прекратите всякие разногласия и внутренние дрязги...”. Опасаясь смуты среди русских эмигрантов, болгарское правительство решило реализовать своеобразный гуманный жест. 2 августа, в преддверии передачи посольского здания СССР, Министерство иностранных дел и исповеданий издало указ, со-

гласно которому все имущество делилось на четыре части: вещи бывших чиновников русской миссии передавались представителю Международного Нансеновского комитета Б. Серафимову; имущество без наследников передавалось Комитету русских беженцев; имущество русской церкви – настоятелю церкви; а бывшее посольское имущество передавалось представителям СССР [3. Ф. 166 К. Оп. 1. Ед. хр. 782. Л. 220]. Это решение оказалось в итоге принятым и в пользу эмигрантов.

Болгарское правительство не отказалось от претензий на русскую посольскую церковь в Софии. Неоднократно болгарские дипломаты ставили перед советскими властями, ссылаясь на второй, секретный протокол, вопрос о передаче церкви Болгарии. В сентябре для урегулирования этой проблемы в Женеве встретились нарком иностранных дел СССР М. Литвинов и болгарский дипломат Антонов. Нарком обещал, что в ближайшее время статус церкви будет окончательно определен. При этом он подчеркнул, что советское правительство мало интересуется судьба церкви, вопрос лишь в обеспечении безопасности советского дипломатического представительства в Софии [3. Ф. 176 К. Оп. 6. Ед. хр. 2517. Л. 27]. В ответ болгарская сторона ответила дружеским жестом, активно помогая СССР на международной арене. На сессии Лиги Наций Болгария первой голосовала за принятие СССР в эту организацию [6. С. 28].

Согласно советско-болгарской договоренности от 15 сентября 1934 г. церковь передавалось во временное пользование Болгарскому государству в лице Министерства иностранных дел и исповеданий. Уже 18 декабря министерство передало церковь и все ее имущество Софийской митрополии [3. Ф. 166 К. Оп. 1. Ед. хр. 782. Л. 65, 203]. С этого момента церковь перестала быть русской.

Следует отметить огромную роль в разрешении конфликта софийского митрополита Стефана. Благодаря ему для обслуживания религиозных нужд русских им была предоставлена в Софии болгарская церковь “Цар Калоян”. Русские монахи из монастырей на Шипке и в Ямболе получили возможность переехать в Кокалянский монастырь в Софийском крае [3. Ф. 166 К. Оп. 1. Ед. хр. 782. Л. 207–208, 260].

В конце 1938 г. советское посольство предъявило требование юридического оформления посольской церкви во временное пользование болгарской стороной. Болгария для заключения договора с советским посольством назначила дипломата Г. Цветинова и юрисконсультанта Б. Кесякова. 27 января 1940 г. они встретились с советским полпредом А. Лаврентьевым и советником посольства Н. Прасоловым. Советские дипломаты заявили, что “советское правительство оставляет церковь во временном пользовании болгарского правительства, но в любое время может расторгнуть договор”. По инструкции МИДа болгарские представители не оспаривали права собственности советской стороны на церковь, но настаивали на включении в официальный документ описания состояния церкви на момент установления советско-болгарских дипломатических отношений в 1934 г. и ее состояния в 1939 г., так как болгарская сторона потратила на содержание церкви значительные денежные суммы. В частности, был произведен ремонт. 6 июля 1940 г. был составлен протокол о передаче церкви во временное пользование болгарскому правительству сроком на 15 лет. Приложенную болгарской стороной опись подписали архитектор Тянков от Министерства благоустройства, Г. Цветинов от МИДа, секретарь посольства Б.П. Осонин. Ко всем документам был приложен болгаро-советский протокол от 23 июля 1934. г. [3. Ф. 166 К. Оп. 1. Ед. хр. 782. Л. 269–275, 284–288, 296–297].

Во время англо-американской бомбардировки Софии в 1944 г. на посольский храм упала бомба, вызвав огромные разрушения. Было повреждено южное крыло, уничтожена стенопись и архив храма [8. Л. 1–2; 9. С. 68]. Сразу после воздушного налета Дирекция по ликвидации ущерба вследствие американских бомбежек и Министерство благоустройства начали реставрацию церкви.

В сентябре 1944 г. в Болгарию вступили части 3-го Украинского фронта, а 9 сентября в стране произошел переворот, и к власти пришло прокоммунистическое правительство Отечественного фронта. 28 октября 1944 г. оно подписало перемирие с державами антигитлеровской коалиции. Согласно его условиям, в Болгарии была создана Союзная контрольная комиссия из представителей США, Великобритании и СССР. Председателем комиссии был назначен советский генерал С. Бирюзов. Комиссия полностью контролировала политическую, экономическую и культурную жизнь страны.

Узнав о разрушении посольского храма генерал Бирюзов потребовал от болгарских властей ускорения работ по его реставрации и восстановлению фресок. Иконописные работы выполнял русский эмигрант М. Малецкий. На восстановление храма из бюджета Болгарии было выделено 8 млн левов, но в процессе реставрации смета была превышена, и всего было затрачено 12 197 189 левов [10. Л. 14–15]. В июне 1946 г. Советский Союз предоставил части русских эмигрантов советское гражданство. Своим новым гражданам советское правительство передало храм во временное пользование и разрешило использовать его для богослужений. 28 декабря 1946 г. после реставрации и ремонта храм был передан в ведение архиепископа Серафима, управлявшего русскими приходами в Болгарии [10. Л. 15].

С ноября 1952 г. храм св. Николая Чудотворца является подворьем Московской Патриархии в Софии. Благоустройство и украшение его продолжали весь XX в. В 1950-х годах в крипте было установлена гробница архиепископа Серафима, создание фресок продолжил иеромонах Николай (Шелехов), а в 1990-е годы притвор, где стоит гробница, был расписан монахинями из Княжевского монастыря. Так удалось создать единый живописный ансамбль в стиле нового болгарского церковного искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кынева П.* 90 лет со дня освящения русской церкви в Софии // Русская газета в Болгарии. 2004. № 50(69)
2. Църковен вестник, 1914 г., № 47. С. 557. кол. I.
3. Централен държавен архив. Коллекция микрофильмов 19. Hoover Institution Collection. M.N. Girs. Box 12. Folder ID: Bulgaria.
4. *Бойкичева А.* Заслуги архиепископа Серафима (Соболева) к св. Болгарской Православной Церкви и его значение для духовной жизни в Болгарии. София, 1995; *Бондарева Е.А.* Историческая судьба России в трудах иерархов Русской православной церкви за рубежом. Митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Анастасий (Грибановский), архиепископ Серафим (Соболев) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 328–353.
5. Държавен вестник.
6. *Спасов Л.* Българо-съветски дипломатически отношения. 1934–1944. София, 1987.
7. *Александров-Невский Собор* в Париже. 1861–1961. Париж, 1961.
8. Архив Министерства внешних дел. Ф. Комитет вероисповедания Болгарской православной церкви и религиозных культов. Оп. 1. Ед. хр. 51.
9. *Инокентий (Павлов).* Русский храм в Софии // Славяноведение. 1994. № 4.
10. Архив Министерства внешних дел. Ф. Комиссариат по выполнению Соглашения о перемирии между Болгарией и государствами антигитлеровской коалиции. Д. 110. Преп. 1220.

© 2007 г. Т. М. СИМОНОВА

ДМИТРИЙ ФИЛОСОФОВ – ПУБЛИЦИСТ И ИЗДАТЕЛЬ

Политическая деятельность и публицистическое наследие Дмитрия Владимировича Философова (1872–1940) привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных исследователей (см., например [1]), издана часть его литературного и публицистического наследия [2]. Освещены различные аспекты жизни и деятельности талантливого исследователя русской и мировой культуры. Критик, публицист, редактор, он оставил заметный след в культуре, общественной и политической жизни русской эмиграции в Польше в межвоенный период. Рассмотрению ключевых аспектов его мировоззренческой концепции и некоторых сторон его общественной и политической деятельности в польский период посвящена эта статья.

Философов родился в семье первого военного прокурора России В.Д. Философова (1820–1894) и общественной деятельницы А.П. Дягилевой (1837–1912). Род Философовых происходил от Марка Македонина Философа, который прибыл в Россию при Владимире Святом вместе с греческими послами после крещения Руси. Семья Философовых сохранила глубокие религиозные традиции, которые Дмитрий воспринял – он был глубоко верующим человеком, вырос в атмосфере глубокого уважения к русской и мировой культуре.

Со времен Петра I роду Философовых принадлежало имение в Псковской губернии, в 60-ти верстах от Михайловского, имения А.С. Пушкина. В дневнике отца однажды Дмитрий обнаружил запись от 13 ноября 1838 г. о том, что их род “перероднился со всеми псковскими помещиками”. Одним из самых светлых воспоминаний своего детства он называл “длинные вечера в селе Богдановском, когда приезжали, конечно, с ночевкой, приятели и родственники отца”. Иногда в этих вечерах принимал участие и сын великого поэта Григорий Александрович Пушкин. “Яростный охотник, он почти безвыездно жил в Михайловском” [3. С. 122]. Мать Дмитрия, Анна Павловна, стояла у истоков женского движения в России, была в числе учредителей Высших (Бестужевских) курсов в 1878 г. Однажды, в год основания курсов, присутствуя на традиционном чае в числе студенческой делегации у ректора Петербургского университета А. Бекетова (деда Александра Блока), она участвовала в обсуждении вопроса о независимости Польши как о первоочередной задаче свободной России [4. С. 157].

Симонова Татьяна Михайловна – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института военной истории.

Частную гимназию К.И. Мая в Петербурге Дмитрий окончил в 1882 г. Вместе с друзьями детства и одноклассниками – А.Н. Бенуа, К.А. Сомовым, В.Ф. Нувель, поступил на юридический факультет Петербургского университета. После успешного его окончания был оставлен на кафедре государственного права, затем стажировался в Гейдельбергском университете. Но карьера юриста его не привлекла, Философов стал пробовать себя в публицистике. С 1897 г. стали появляться его статьи в “Северном вестнике”, “Образовании”, “Журнале министерства юстиции”, “Трудовой помощи”. Спустя два года с двоюродным братом С.П. Дягилевым он организовал кружок “Мир искусства”, в котором редактировал литературный отдел одноименного журнала (1899–1904).

В начале XX в. Философов встал во главе Религиозно-философского общества и активно включился в его работу в поисках диалога между духовенством и интеллигенцией. В период 1903–1904 гг. принимал участие в издании религиозно-философского журнала “Новый путь”. Бывал на “средах” поэта и ученого Вяч. И. Иванова, где выражал идеи “мистического анархизма” [3. С. 7]. Затем на почве интереса к религиозно-философской тематике сблизился с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. В качестве специального корреспондента левокадетской газеты “Страна” в феврале 1906 г. вместе с ними выехал в Париж. В этот период много публиковался в кадетской газете “Товарищ”, а с марта 1906 г. стал работать корреспондентом “Страны” в Париже, где познакомился с Б.В. Савинковым и И.И. Фондаминским [5. С. 189].

Важнейшим вопросом в жизни и творчестве Философова был вопрос о соотношении светского и церковного в современной жизни и государстве. Идею эволюции христианства и его догматического развития в новых исторических условиях он обосновал на исходе первой русской революции – в 1907 г. в статье “Царь – Папа”. Философов сделал для себя вывод о том, что и на Западе (на примере Франции), и в России нации в переживаемый момент стремятся к “светскому и гуманному государству”. Именно эта тяга, по мысли Философова, влекла за собой неизбежность отрицания любой автократии – светской или церковной, независимо от того, исходит она от Папы (Римского) или православного царя [6. С. 63]. Единственным путем развития России (“прогресса”) – по авторской терминологии) мог быть только путь западной цивилизации. Поэтому для реализации в России идеи республики будет неизбежным заимствование у Европы “механизма ее государственности”, т.е. республиканского правления.

Как и его соратники по парижскому периоду, – Мережковский и Гиппиус, – Философов разрабатывал и обосновывал тезис о необходимости отделения православной церкви от государства. Основой его концепции был тезис о православии как о сдерживающем факторе для развития молодой русской цивилизации. В России, по мнению автора, сложилась уникальная ситуация, когда со времен Петра I самодержавие “подчинило себе церковь”, но одновременно стало ее рабом. Но “просвещенный деспотизм” Петра I поднял Россию на новый уровень “цивилизации”, т.е. “вывел Россию за пределы православия” [6. С. 89].

Но и церковь, подчинившись императорской власти, по мнению Философова, начала умирать, перестала выражать чаяния русского народа. “Историческая эволюция народов, – утверждал Философов, – совершается независимо от церкви”, которая отстранилась от решения вопросов, связанных с построением государства – “земным, атеистическим, человеческим идеалом” [6. С. 83]. Поэтому православная церковь должна быть отделена от государства. В надежде на изменения в результате революции 1905–1907 гг., смысл которых автор ви-

дел в свержении самодержавия и устранении православия, заканчивал он свой весьма противоречивый опус. Однако, даже соглашаясь с необходимостью атеистической революции, Философов оставался глубоко верующим человеком, ожидая “освобождения от ярма исторической церкви” и открытия новых “путей, ведущих к Богу” [6. С. 102]. Альтернативу, по его мнению, угасающему православию он видел в этот период в единой вселенской церкви и католическом модернизме.

Пережив первую русскую революцию вдалеке от России и убедившись, что она не оправдала надежд на социальные изменения в стране, в июле 1908 г. Философов вернулся в Петербург. Он много публиковался в кадетских “Слове” и “Речи”, издал несколько сборников статей по религиозной тематике, вопросам искусства и литературы. Оставался убежденным сторонником западного пути развития культуры России в направлении “просвещения, знания, уважения к личности и труду” в русле “вечно развивающегося вселенского христианства”. Именно его Философов противопоставлял “чужеземному, заносному сплаву Византии и Золотой Орды”, – православию. В этой чуждости религиозных заимствований русскому национальному духу он видел причину формирования в Московской Руси “окаменевшего костяка” церковного быта и того, что русская интеллигенция предпочла вовсе “потерять свое национальное лицо” [3. С. 20]. “Развитие славянской души”, по его мнению, возможно лишь при развитии “души вселенско-христианской”, а возрождение русского народа неизбежно будет религиозным или его не будет вообще [3. С. 21].

Высоко оценивая внутренний нравственный уровень русского народа, с горечью он отмечал в эссе “Кто виноват?!”: “Да, народ дичает. Да, он становится нищим, полу-зверем, полу-человеком. Кроме водки и налогов ему ничего не дают, ...дорогие народу предания уничтожили. Новых не создали” [3. С. 78]. Решение этой проблемы Философов отдавал государственной власти, которая должна будет «наглядно показать, что и без политических “бредней” возможно не только поднять благосостояние народа, но и “зарыть пропасть между дутым богатством казенной мощны и нищенством народа”» [3. С. 74].

Февральскую революцию Философов воспринял как “праздник Воскресения русского народа”. Плодотворно работал в кадетской “Речи”, много сделал для ее возобновления после закрытия в ноябре 1917 г. [5. С. 190]. Благодаря его усилиям газета выходила до августа 1918 г. под разными названиями: “Наша речь”, “Свободная речь”, “Век”, “Новая речь”, “Наш век”. Октябрьскую революцию он не принял, в его восприятии она возникла как “безумие, пляска св. Вита” русской души.

Об этом периоде он писал, что год “жил бездвижно в Петрограде”, затем в октябре 1918 г. вернулся на службу в Публичную библиотеку. Позже, в 1921 г. в Польше он вспоминал страшные картины 1918 – 1919 гг. Он не мог забыть, как директор библиотеки профессор Радлов, “с желто-синим лицом, с нарывами на руках” из Публичной библиотеки, где мерзли чернила, шел в не отапливаемый университет читать лекции “в темноте и абсолютном холоде”. Философов был свидетелем того, как в бывшем музее Александра III от холода “лопались драгоценные иконы, приобретенные у профессора Лихачева”, а в Эрмитаже “покрывались плесенью драгоценные южно-русские саркофаги”. Вспоминал, как художник Бенуа “с опухшими руками, в драных галошах, с мокрыми ногами” писал ... “историю искусств при свете огарка в холодной кухне”, как художник Добужинский радовался, когда ему власти “дадут муки на клейстер” – “все-таки

можно съесть”. В этих условиях Философов подготовил к печати неизданные письма И.С. Тургенева. После общественных работ, – писал он, – “дрожа от холода”, “перелистываешь драгоценные страницы переписки Тургенева с Антокольским или Мериме” и понимаешь, что они “никому не нужны”. “Сколько первоклассных ученых на моих глазах перетаскали из Публичной библиотеки в концентрационные лагеря”, их положение большевики “низвели до скотского состояния”, лишив людей чувства собственного достоинства, – писал он спустя несколько лет в эмиграции [7].

Увидеть свой труд опубликованным ему не пришлось. Места в большевистской России Философов себе не нашел. 24 декабря 1919 г. вместе с Мережковским, Гиппиус и В.А. Злобиным Философов выехал в приграничную полосу с командировками на руках, “кровью и потом добытыми”, “для чтения лекций среди красноармейцев по истории литературы и искусства” [8. С. 159]. 1 января 1920 г. они перешли польскую границу.

В Варшаве Философов встретился с Б. Савинковым и сразу активно включился в политическую деятельность, направленную на организацию русских вооруженных антисоветских формирований на территории Польши по инициативе Ю. Пилсудского. Мережковский и Философов вошли в состав эмигрантского Русского политического комитета (РПК) под руководством Савинкова. Этим, утверждал К. Вендзягольский, они “придали ему (РПК. – Т.С.) не столько политический, сколько общественный вес в польском общественном мнении” [9. С. 168]. Философов стал духовным лидером русской эмиграции в Польше и имел безусловный авторитет не только в русском, но и в польском обществе, особенно в среде польских военных. Он был правой рукой Савинкова, занимая должность товарища председателя РПК в период с июля 1920 г. по август 1921 г. РПК (позже Русский эвакуационный комитет – РЭК) считался ядром будущего русского антибольшевистского правительства. В январе 1921 г. Философов стал начальником общего отдела РЭК, в августе того же года – председателем его Ликвидационной комиссии [10. Д. 135. Л. 19; Д. 132. Л. 1]. Еще осенью 1920 г. под его руководством был создан польский комитет Союза возрождения России (организован в Москве весной 1918 г.). Перед комитетом была поставлена задача возрождения демократической России на основах права наций на самоопределение, будущего федеративного устройства России, признания права крестьян на землю, установления демократических прав и свобод.

После окончания польско-советской войны и неудачного похода на восток на плечи Философова, особенно после выселения савинковцев и Б. Савинкова из Польши в конце октября 1921 г., легла основная тяжесть постоянной работы по решению различных вопросов, связанных с положением интернированных в концентрационные лагеря на территории Польши формирований генералов С. Булак-Балаховича, Б. Пермикина, есаула Яковлева. Организационная работа общего отдела РЭК была направлена, прежде всего, на добывание средств, необходимых для содержания почти 20-тысячной массы интернированных. Именно благодаря усилиям Философова польское правительство ассигновало в марте 1921 г. на нужды РЭК и украинского правительства 50 млн польских марок. Из них 30 млн досталось РЭК [10. Д. 131. Л. 5].

Основные контакты с военным руководством Польши и Министерством иностранных дел, в ведение которого польское правительство перевело интернированных в мае 1921 г., также осуществлял Философов [10. Д. 131. Л. 19]. Он работал в тесном контакте с польской “экспозитурой” (разведка и контрраз-

ведка) – 2-ым отделом Генерального штаба польской армии, а также с командованием французской военной миссией в Польше в лице генерала Нисселя. Принимал участие в решении важнейших вопросов – о предотвращении последствий внезапного распоряжения польских властей перевести интернированных в лагерь Тухола, о взаимоотношениях французского Bureau de Renseignements (разведывательного бюро) с Информационным бюро (под руководством Виктора Савинкова) [10. Д. 131. Л. 38] и др. Как самого авторитетного представителя русской эмиграции в Польше, члены Малого совещания РЭК постановили делегировать Философова в Комитет помощи голодающим в России и провести предвыборную агитацию с целью его избрания председателем этого комитета [10. Д. 131. Л. 33].

Философов был автором петиций, воззваний, деклараций РЭК европейским правительствам и государственным деятелям. Есть все основания предполагать, что и программные положения РПК (РЭК) в значительной степени сформулированы Философовым. 28 августа 1921 г., после раскрытия советскими чекистами планов по организации восстания в России, Малое совещание РЭК (Б. Савинков, Д. Философов, Д. Одинец, А. Деренталь, В. Уляницкий, В. Савинков) приняло решение о его ликвидации и введении в действие нового органа – Российского попечительного комитета [10. Д. 131. Л. 39].

Председателем Российского попечительного комитета об эмигрантах в Польше (РПК), занимавшегося делами всех русских, с 9 августа стал В.В. Уляницкий, но неформальным лидером оставался Философов. Именно на его имя Уляницкий составлял отчеты о деятельности комитета (см., например, [11. Д. 94. Л. 2–2об]). Под выписками из протоколов заседаний РПК (РЭК) практически всегда стояла подпись Философова. Несколько раз он лично посещал лагерь, в том числе – лагерь Тухола, куда все интернированные, кроме казаков, были перемещены в первой половине сентября 1921 г. По поводу их тяжелого положения он направлял обращения по разным адресам, в том числе – в Восточный отдел Министерства иностранных дел Польши под руководством М. Шумляковского. В этих ходатайствах содержалась просьба “перевести интернированных в другое место размещения, т.к. в противном случае возможно не только развитие эпидемий, но и смертельный исход для многих”. “Насколько тяжелы условия в лагере у города Тухолы, – писал он, – можно судить по тому, что по имеющимся сведениям, во время пребывания там пленных красноармейцев, последних умерло более 20 000 человек” [11. Д. 25. Л. 24–28]. Впоследствии перед комитетом встала еще одна задача. В условиях колоссального наплыва беженцев из западных и юго-западных областей Советской России в Польшу возникла необходимость в решении значительного количества беженских проблем: правовых, материальных, образовательных и пр. [12. С. 256–258] После заключения Рижского мира в марте 1921 г. перед русским беженством и эмиграцией в Польше особенно остро встала проблема правовой, профессиональной и социальной адаптации. Польская государственная власть уже не видела в ней ту потенциальную силу, на которую она могла бы рассчитывать в военной или дипломатической борьбе с Советской Россией. Последователи монархического направления в русской эмиграции частично выехали из страны сами, частично несколькими партиями в течение 1921–1925 гг. были выдворены.

В этот период Философов работал в газете “Свобода” (с ноября 1921 г. по апрель 1932 г. – “За свободу”). С момента создания в июле 1920 г. Философов был ее бессменным главным редактором. В период вооруженной борьбы и ор-

ганизации повстанческого движения на пограничье с Советской Россией – до выселения группы Савинкова газета выполняла информационно-пропагандистскую задачу.

В феврале 1921 г. он констатировал в одной из передовиц: “Период вооруженной борьбы закончился неудачей”. В новых условиях главный редактор поставил перед российским беженством и эмиграцией задачу “объединения не на основе общей ненависти к большевикам, но на основе любви, общей положительной программы”. Неудачи периода вооруженной борьбы с особой остротой поставили перед россиянами на чужбине задачу “культурного воспитания русской эмиграции” и “сохранения тесной связи с наиболее здоровой и жизненно крепкой частью русского народа – крестьянством”.

Целью беженства и эмиграции Философов считал строительство третьей России, которая будет великой, независимо от территории. Необходимо было сохранить чувство национальной идентичности, ведь “величие нации заключается не в территориальных расширениях, а в ценности, глубине и возвышенности ее культуры”, – заключал Философов. Русская эмиграция не в праве притязать на завоевание русской территории, – доказывал он в “Ответе Бурцеву”. Но ее целью остается “совершение революции в России” и “свержение большевистского самодержавия”. Главную задачу всего “русского дела” за границей Философов видел в том, “чтобы прислушаться к голосу русских низов и понять, почему они молчали до сих пор”, ибо “нельзя начинать с верхов, когда низы безмолвствуют” [13. 1921. 13 II].

Но ради чего Россия при активной работе русской эмиграции должна свергнуть “большевистское самодержавие”? Ответ на этот вопрос, проложивший жесткую разделительную линию во всей русской эмиграции, для Философова был однозначным – ради восстановления демократической России. Он подчеркивал крестьянский характер Февральской революции: именно она “дала крестьянину свободу”, – утверждал он в статье “Четыре года. К годовщине Февральской революции”, позволила ему почувствовать себя “хозяйном русской земли” [13. 1921. 12 III]. Реставрацию царского режима он считал невозможной. Монархисты – “черное воронье в Берлине”, по его мнению, пережили свое время. В Советской России главными врагами Философов обозначал большевиков в лице Л. Троцкого и Л.М. Карахана, в то время полномочного представителя РФ в Польше, а в эмиграции – монархические круги, осевшие в Берлине.

До ареста Савинкова и его “покаяния” Философов отстаивал необходимость активного создания единого фронта в русской эмиграции “для подготовки к принятию на себя бремени по энергичному участию в строительстве России по возвращении в нее” [13. 1924. 8 VIII]. “Покаянное письмо” Савинкова, написанное на Лубянке, и признание им советской власти он оценил как измену. Переписка, которую организовали советские чекисты между Савинковым и Философовым (см. [14. С. 100–101, 143, 157]), редактор газеты комментировал публично на ее страницах. Как известно, Савинков признался Философову, что уже с весны 1923 г. борьбу с большевизмом “считал не только бесполезной, но и ненужной”. Он писал о глубоком разочаровании в своей деятельности в Польше, одновременно обвиняя Философова в неискренности и фактическом “неверии в глубине души” в идеалы, с которыми тот выехал из России (Учредительное собрание, земля – крестьянам, большевики – враги народа). “Пора признать советскую власть”, – заклинал недавний лидер, – “как я был бы счастлив, если бы вернулись Вы...”. Ответ Философова Савинкову со страниц газеты был жест-

ким: “Вы предали не только своих друзей и сотрудников, но и того Савинкова, которому я остался верным” [13. 1925. 22 IV]. Главный редактор газеты “За свободу” был уверен в соглашении Савинкова с большевиками еще до его отъезда в Москву.

Постепенно Философов отошел от руководства РПК и сосредоточился на литературной и редакторской деятельности. Председателем Правления РПК избрали П.Э. Бутенко, который в течение нескольких лет проводил огромную работу по консолидации русской эмиграции и беженства. РПК взял курс на расширение помощи беженцам и эмигрантам и установление связи с провинциальными русскими организациями и артелями рабочих по всей Польше. Отчеты о деятельности РПК регулярно печатались в газете.

В 1920-е годы на страницах русской газеты главный редактор ставил вопросы правового положения россиян, поднимал проблему национальных меньшинств в многонациональной Польше и путей ее решения в Лиге Наций. Проблема беженцев из России, число которых в Польше в некоторые периоды достигало, по данным Лиги Наций, полумиллиона человек [12. С. 262], существенно усложняла жизнь молодой республики. Польские чиновники, преимущественно на местах, не стремились к облегчению их положения. Кроме того, католическая Польша взяла курс на создание автокефальной православной церкви, независимой от Московской патриархии и лояльной государству. В таких условиях проблема организации культурной и общественной жизни, школьного и высшего образования, в целом – сохранения национального облика русской эмиграции и беженства – чрезвычайно заботила ее лидеров.

Важнейшим вопросом для Философова продолжал оставаться вопрос о церкви. До момента создания автокефальной православной русской церкви в Польше в 1925 г. самым актуальным был вопрос о сохранении ее национального облика. Яростный поборник единой вселенской церкви и развития православия по католическому типу, Философов в этот период тем не менее страстно защищал традиционные православные ценности, сохранение которых по его убеждению обеспечило бы духовное выживание русской эмиграции. В этих вопросах он проявлял принципиальность и, в частности, смело выступал против деятельности Польско-русского общества, членами которого были и его соратники, подписавшие вместе с католическими епископами обращение к Папе Римскому о созыве всемирного христианского съезда для борьбы с большевиками. Философов открыто выступил на страницах газеты против “первенствующей роли” католических архиепископов и прелатов. На таких основаниях, – заключал Философов, – “польско-русское единение и польско-русское общество строить нельзя”. “Чего же они хотят?, – вопрошал главный редактор, – польско-русского сближения или католизации православных?” [13. 1923. 15 XI].

Но в понимании вопроса о соотношении римско-латинской и византийско-греческой культур; православной, католической и вселенской церковью он оставался последовательным сторонником западничества. Более того, он подчеркивал злободневность идей Вл. Соловьева о трагичности положения национального православия и неизбежности его тяготения к вселенскому католицизму, необходимости активной борьбы, как с эпигонами славянофильства, так и со всеми проявлениями шовинизма.

Вопрос о праве православной церкви в Польше на автокефалию был для государственной власти очень сложным и требовал не только исторического обоснования, но и постоянного наблюдения за ее деятельностью со стороны

спецслужб [15. С. 53]. В этот период подавляющая часть русской эмиграции, как в Польше, так и в Балтийских странах, должна была выработать собственную позицию по отношению к преобразованию епархий Московского патриархата в автокефальные поместные православные церкви, их взаимоотношений с Московской патриархией, а последней – с советской властью. Философов приветствовал введение автокефалии православной церкви в Польше, но постоянно обращал внимание на недостаточную ее поддержку со стороны государственной власти.

“Мы вступили в полосу автокефализма, – писал он в феврале 1925 г., – поэтому для спасения православия нужно усиленно и дружно работать в пределах своих автокефалий”, чтобы “восстановить соборность”, “вселенскую связь” между разрозненными автокефальными церквями. “Русским эмигрантам, – напоминал он, – следует постоянно помнить, что пока не будет разрушен большевистский Карфаген, их национальная религиозная святыня не может быть восстановлена” [13. 1925. 7 II]. В то же время в газете регулярно помещалась хроника событий по реквизиции и ревиндикации православных церковных земель и имущества, закрытия православных храмов и приходов (особенно – на территории так называемых восточных крессов), перевода их в католические костелы. Постоянной темой газеты были зачастую драматические судьбы православных священников и их семей в Польше. Главную опасность для русской культуры в эмиграции и православия Философов видел в “громкой работе католической пропаганды” в Польше, которая имела, по его наблюдениям, своей целью “работу по его разложению и уничтожению”.

Одним из важнейших в эмигрантской литературе был вопрос о положении национальных меньшинств, чрезвычайно актуальный для многонациональной Польской республики. 28 июня 1919 г. Совет четырех предложил Польше – первому из вновь образованных государств в рамках Версальской системы, – подписать договор о гарантии их прав. После Рижского мира в результате территориальных приобретений (Западные Белоруссия и Украина) в состав Польши вошло почти 3,5 млн [16; 17. № 1. S 95], в том числе более 1 млн русских и более 4 млн православных [18. С. 5–6]. В восточной части Польши (восточных кресах) исполнение положения договора о гарантии прав нацменьшинств в Польше проходило со значительными осложнениями. В поле зрения главного редактора русской газеты были проблемы не только русского, но и белорусского, украинского, еврейского, немецкого и других нацменьшинств. “Дело борьбы за русское национальное меньшинство в Польше” он считал “не только местным, маленьким делом”. “Это есть работа во имя идеалов всемирной культуры, во имя умиротворения послевоенного мира”, – подчеркивал Философов [13. 1925. 18 I].

Так называемый еврейский вопрос Философов рассматривал в контексте мировой цивилизации и взаимосвязи и взаимообогащения культур. В одной из статей об очередной заслуживающей внимания театральной постановке он писал: “Так же, как красоту своего языка, богатство его познаешь, изучив чужой язык, так же и мы, христиане, непрестанно делая злое пред очами Господа, познаем внутреннюю красоту своей религии, поняв истоки ее, религию Израиля. Слишком легко мы забываем, что как бы половина религиозных сокровищ у нас с евреями общая, и что Иисус из Назарета переживал ту же трагедию, что и всякий современный благочестивый еврей” [13. 1925. 5 VI].

Ситуация для русского национального меньшинства в Польше осложнялась тем, что значительная часть польских государственных и партийных деятелей публично отказывала ему в существовании. В материалах официальной государственной переписи, проведенной в 1921 г., графа “русские” отсутствовала. В связи с русским Учительским съездом в апреле 1925 г. заместитель премьер-министра и председатель секции политического комитета Совета министров по делам национальных меньшинств Ст. Тугутт заявил: “Русские в Польше не представляют собой национального меньшинства, и они не должны притязать на то, чтобы иметь права, равные с народностями, имеющими соответствующую территорию” [13. 1925. 16 IV]. Эта полуофициальная государственная установка чрезвычайно осложняла правовое, экономическое, социальное положение русских эмигрантов и беженцев, а также русских на присоединенных территориях. Их положение в Польше было принято сравнивать с положением на фронте – на передовой, в отличие, например, от положения русской эмиграции в Чехословакии, где она чувствовала себя, как “в глубоком тылу”.

В связи с этим значительное внимание русская газета уделяла проблеме соотношения русской и польской культур, знакомила читателей с лучшими достижениями польской культуры. Искреннее уважение проявлялось в статьях главного редактора к “польской, славянской душе со всеми ее духовными возможностями” – “ее сложная простота, целомудренная стыдливость, ее страдания...” [13. 1925. 8 III]. В статье “На страже русской культуры” под псевдонимом “Наблюдатель” он призвал “хранить лучшие заветы русской культуры..., с ее почетным знаменем в руках вступить в общение с представителями культуры польской”. Утверждал, что польская культура, достигшая “большой высоты, сохранила свой индивидуальный облик, ... и достойна самого глубокого изучения”.

Философов всегда подчеркивал необходимость установления прочной связи русской эмиграции с Польшей, ее традициями и культурой. Польская интеллектуальная элита относилась к нему с глубоким уважением. М. Домбровская характеризовала его как глубокого знатока творчества столпов польской литературы (А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Ст. Жеромского), “европейца, либерала, прекрасного писателя и независимого человека” [19. Т. 2. S. 83]. Философов сблизился с кругом писателей и поэтов Польши, группировавшихся вокруг журнала “Wiadomości literackie” – одного из самых популярных еженедельников в межвоенной Польше. Позже Философов поместил в нем эссе о Розанове, некролог Арцыбашеву, статью о проявлении антисемитизма в период съезда писателей в Познани и другие (см. [20. S. 321]).

Вместе с тем Философов не уклонялся от публичных дискуссий с польскими журналистами и общественными деятелями националистической ориентации. В так называемом “русском” вопросе и в вопросе о польско-русском сближении он выделял важнейший момент: необходимость улучшения общих условий пребывания русских эмигрантов в Польше и поддержку их культурно-просветительской работы. Бурю негативных откликов этих польских изданий вызвала позиция главного редактора русской газеты, сформулированная им в ответ на очередное выселение русских эмигрантов из страны. “Нельзя не протестовать, – писал он, – когда на русских, как из рога изобилия, сыпется целый ряд арестов по обвинению в шпионаже, когда виднейших представителей привлекают к судебной ответственности, нещадно штрафуют” [13. 1925. 24 III]. В связи с этим заявлением «националистическая “Газета Варшавска” в крайнем раздражении» посоветовала Философову “держаться язык за зубами, ибо его статьи пи-

шутся таким образом, будто он старается утвердить Министерство просвещения в том убеждении, что оно поступило правильно, начав преследования против Русской академической группы”.

Что же произошло? В 1923 г. польское Министерство выдало представление на возбуждение уголовного дела в отношении группы русских эмигрантов и граждан Польши, – сотрудников Русской академической группы. Эта группа предприняла меры по легализации свидетельств об окончании академических курсов с целью поступления русской молодежи в вузы республики. Подобная практика признания “академических аттестатов” достаточными для поступления в вузы существовала во всех странах расселения русских эмигрантов. Но в Польше деятельность Академической группы была признана противоправной. Процесс по уголовному делу в отношении ее членов длился до марта 1925 г., когда был предъявлен обвинительный акт. Посредником между обвиняемыми и Министерством народного просвещения стал профессор Варшавского университета Л. Петражицкий, и после майского переворота Ю. Пилсудского члены группы были полностью оправданы. Однако русские “академические аттестаты” так и не были признаны достаточными для поступления в польские вузы.

В первой половине 1926 г., в период подготовки польского общественного мнения к военному государственному перевороту Ю. Пилсудского Философов, который, несомненно, был в курсе его планов, поднял ряд важнейших проблем для русского национального меньшинства. Это было связано с разработкой нового подхода к проблеме национальных меньшинств в Польше, численность которых достигала 31.1% населения, проживавшего примерно на 50% территории страны [21. S. 22–25]. В середине апреля специальная организация – Институт исследования национальных проблем¹, начал систематическую научную работу по изучению этого вопроса. В статье “Благое начинание” Философов сообщил о новых целях Института и его программе: “посильное влияние на польское общественное мнение в духе современного понимания вопроса о польских меньшинствах и их роли в строительстве польского государства”. Председателем правления Института стал Ст. Тугутт. Активную роль в формировании направлений деятельности Института стал играть Т. Голувко, который, по словам главного редактора русской газеты, “один имел мужество сказать, что в Польше существует русское национальное меньшинство” [13. 1926. 16 IV]. Т. Голувко, в свою очередь, со страниц русской газеты приветствовал создание Русского национального объединения (РНО) в первой половине мая 1926 г. Эта “легальная и национально-политическая организация, – по его убеждению, – позволила бы определить, что русское национальное меньшинство представляет в политическом отношении” [13. 1926. 7 V]. Сторонники Пилсудского предполагали создание выборного блока левицы (левых партий), в котором должно было быть отведено место для демократических элементов национальных меньшинств.

Майский переворот 1926 г. Философов, как и польская интеллигенция его круга общения, принял с надеждой на изменение ситуации в стране. М. Домбровская, опекавшая Философова на протяжении всей его жизни в Польше, воодушевленно записала в дневнике: “Были созданы условия для новой жиз-

¹ Институт исследования национальных проблем был создан в 1921 г. по инициативе группы соратников Ю. Пилсудского: Т. Голувко, С. Поснера, Ст. Тугутта, Л. Кшивицкого и др. Активную деятельность в работе Института и издании его печатного органа принимал видный историк М. Хандельсман.

ни..."². “Пора проснуться”, – вторил ей Философов в одной из статей в майские дни, – от самих нацменьшинств зависит, смогут ли они воспользоваться сложившейся конъюнктурой: “содействуя оздоровлению политической жизни страны, содействуя всеобщему успокоению, вместе с тем выработать планомерную, легальную программу реально воплотимых требований и пожеланий”. Перед русским национальным меньшинством встала особенно ответственная задача: в рамках РНО и другой русской организации – Русского благотворительного общества, сорганизоваться в “одно целое с общей культурно-политической программой” [13. 1926. 23 V].

Страстно призывал Философов русских в Польше преодолеть состояние толстовского “неделания”, не жить по правилу “моя хата с краю”, взывал к гражданскому мужеству, особенно накануне выборов в Сейм. Однако предпринимаемые усилия по консолидации сил наталкивались на инертность русского меньшинства и на стойкое сопротивление государственных структур Польши каким-либо переменам. Лишь в 1927 г. благодаря позиции выдающегося польского историка М. Хандельсмана в печатном издании Института исследования национальных проблем были выделены специальные разделы, в которых размещалась информация о важнейших событиях в жизни нацменьшинств и их организаций, в том числе – русского (см. [22. С. 107; 17. 1927. № 2. S. 180]).

Первый этап адаптации русской эмиграции первой волны закончился в 1928 г. международной конференцией по проблеме русских и армянских беженцев в Женеве 30 июня [23. С. 12–13]. Представители стран расселения заключили Соглашение о юридическом статусе беженцев. Главной целью этого документа было урегулирование их правового положения, однако Польша не признала первый пункт Соглашения, в котором предусматривалось создание в странах пребывания своего рода консульских учреждений, представлявших интересы беженцев, под покровительством Международного бюро труда. До 1929 г., когда в Польше были введены нансеновские паспорта сроком на два года, русские беженцы оставались без своего официального представительства и без единообразных документов, удостоверяющих личность [12. С. 265]. Если нансеновский заграничный паспорт выдавали, то он был только в один конец, по существу, это была форма высылки из страны. Надежды Философова на кардинальное изменение ситуации в новых условиях не оправдались.

Государственная политика в отношении инакомыслящих (по подозрению либо в монархизме, либо в большевизме) оставалась жесткой. Высылки из страны по официальной версии – за злоупотребление правом убежища, практиковались регулярно. По поводу очередной репрессивной меры в отношении русских беженцев Философов с горечью констатировал: “Мы бесподданные безгосударственники, что признает и польское правительство, ...Да, мы неправы. С нами можно делать все, что угодно... Мы видим полное равнодушие польского общественного мнения” [13. 1928. 5 VIII].

Иван Бунин во Франции высказался однажды: “Мы не в изгнании, мы – в послании”. Так же воспринимал Философов свое место и роль в эмиграции. В реплике по поводу Русского съезда в Белграде в 1928 г. он так обосновывал главную цель своей деятельности: “Чем сильнее презрение к русской эмиграции, ...тем настойчивее голоса, требующие от нас отказа от нашего националь-

² В 1943 г. М. Домбровская напротив этих строк приписала: “Боже, какой ошибкой оказалась эта вера...” [19. Т. 1. S. 180].

ного лица, тем тверже мы должны стоять на своем посту, охраняя неприкосновенность великих духовных ценностей, которые мы вывезли из России. На нас, эмигрантах, лежит почетная обязанность передать эти ценности грядущей, свободной России” [13. 1928. 6 X].

Огромную роль в пропаганде русского литературного наследия и в культурном сплочении эмиграции сыграло Литературное приложение к газете “За свободу”, которое стало регулярно появляться с сентября 1925 г. Его авторами были И. Шмелев, Д. Мережковский, З. Гиппиус и многие другие русские эмигрантские и советские писатели. В приложении помещались статьи о русских классиках и современниках. В том же году Философов ввел новые авторские рубрики: “Заметки старого театрала” и “Заметки старого читателя”.

В жизни русских эмигрантов с конца 1920-х годов произошли значительные перемены в связи с изменением советско-польских отношений. После убийства полномочного представителя СССР П.Л. Войкова в 1927 г. якобы русским эмигрантом-монархистом Ковердой³ польское правительство пошло на заключение с СССР двустороннего гарантийного договора и торгового соглашения. Польские власти ликвидировали Русский комитет, а его председателя – В.И. Семенова – под предлогом монархической и прогерманской деятельности выслали из страны. Все русские организации были поставлены под гласный и негласный контроль со стороны польской полиции и “экспозитуры” [12. С. 265]. Одновременно на новый уровень было выведено негласное спонсирование национальной (татарской, грузинской, северокавказской, азербайджанской и др.) эмиграции из России, как в Польше, так и в европейских странах [24]. Есть все основания полагать, что убийство Войкова в первую очередь оказалось выгодно советской стороне. В июле 1927 г. Г.В. Чичерин сообщал И. Сталину: “Мы будем считать себя удовлетворенными, если Польша (польское правительство. – Т.С.) примет решения и произведет некоторые акты против белогвардейских эмигрантов” [25].

В этот период расширились культурные связи с русскими эмигрантами из других стран. В Варшаву с концертной программой прибыл Ф. Шаляпин, на гастроли приезжали А. Вертинский, О. Плевицкая, И. Северянин, И. Стравинский и др. Расширились контакты с советскими писателями. Наряду с этим усилилось и наблюдение за иностранцами, пребывающими в Польшу с целью заработка, – так в новых политических условиях Министерство внутренних дел стало именовать эмигрантов, для которых вводились дополнительные визы. Все, кто не получал их по каким-либо причинам, подвергались наказаниям. Право выдавать удостоверения личности (вместо паспортов) и свидетельствовать принадлежность к польскому гражданству было передано органам местного самоуправления, это повлекло за собой увеличение гербового сбора и различные злоупотребления.

В 1930 г. Ю. Пилсудский распустил Сейм, организовал новые выборы, встал во главе правительства. 11 послов Сейма от оппозиционных партий были арестованы. В стране усилилась цензура. Официальная политика в отношении прав национальных меньшинств, прежде всего – русского, также претерпела существенные изменения. В сентябре 1930 г. министр иностранных дел А. Залеский на заседании очередной комиссии Общественного собрания Лиги Наций

³ Борис Коверда, белорус, 19-летний юноша, сын редактора и публициста Э. Коверды, имел польское гражданство. Его отец с начала 1920-х годов примыкал к РПК Б. Савинкова.

заявил решительный протест против создания в ее структуре специальной комиссии по делам национальных меньшинств. Средства массовой информации разместили на своих страницах его предупреждение, произнесенное на том же заседании: “Национальные меньшинства должны остерегаться искать помощи за пределами своих государств, т.к. обращение к этой помощи не улучшит, а, наоборот, может ухудшить положение этих меньшинств” [13. 1930. 22 IX].

Главный редактор и его газета вплотную столкнулись с нарастающими проблемами. Осенью 1930 г. ему пришлось отправиться на лечение в санаторий в Тешинской Силезии, в газете было помещено краткое сообщение: “6.08. Дмитрий Владимирович Философов выехал в санаторию д-ра Чопа для лечения болезни сердца” [13. 1930. 7 VIII]. Накануне отъезда он, в составе группы лидеров русской эмиграции в Польше, закончил работу над уставом новой русской организации – Российского общественного комитета (РОК), объединившего в своих рядах русских политических эмигрантов. РОК поставил перед собой задачу защиты правовых, исповедных, культурных и просветительных интересов эмигрантов на территории всей Польши, целью этой организации была заявлена “совместная работа для освобождения Родины от коммунистического ига” [13. 1930. 1 XI]. В специальном обращении к зарубежной России РОК выразил надежду на поддержку и призвал объявить 9 ноября “Днем непримиримости” как годовщину “захвата власти большевиками”. Устав новой организации и Распоряжение Министерства внутренних дел об усилении наблюдения за иностранцами были утверждены в один день – 8 августа 1930 г.

В этот период Философов в своих публикациях и редакционных статьях начинает развивать идею “активизма”, как “осознание ответственности (непримиримости) и решительного осуждения борьбы с большевиками” “по линии наименьшего сопротивления”. “Сколько русских людей “заснуло от печали” подобно ученикам господним во время страшного моления о чаше на горе Елеонской, сколько их забыло русский язык... Непримиримость должна войти в плоть и кровь всякого эмигранта, как руководящее начало его жизни, его быта”, – призывал он своих читателей. Характеризуя состояние русской эмиграции в период неизбежной смены поколений, главный редактор обращался к библейским примерам. “Каждый из нас в отдельности мал и ничтожен, у каждого из нас в отдельности могут опуститься руки, – писал он, – как у Моисея, ослабевшего на вершине холма в период битвы израильтян с амаликитянами, когда его воздетые руки до восхождения солнца поддерживали Ор и Аарон” [13. 1930. 7 XI].

Философов взывал к историческим примерам “здорового активизма”, самым выразительным из которых, по его убеждению, была польская эмиграция, сформировавшаяся в мире после подавления восстания 1830 г. Именно это событие породило “поэтов-пророков” (Мицкевича, Словацкого, Красиньского). В сознании польского народа, находясь вне пределов родины, они смогли создать “землю обетованную”, “были основоположниками того здорового, героического активизма, который, наконец, одержал победу в ноябре 1918 г.” “Живым воплощением” польского активизма Философов считал маршала Пилсудского [13. 1930. 29 XI].

Второй отдел польского Генштаба Польши (экспозитура) содержал Философова в качестве независимого эксперта. На издательскую деятельность он получал дотации от польского правительства, которые существенно сократились после подписания договора о ненападении Польши с Советской Россией в июле

1932 г. сроком на три года, что усугубило положение русских политических эмигрантов.

С отставкой министра иностранных дел А. Залесского и назначением на этот пост Ю. Бека сменился внешнеполитический курс Польши. Газета “За свободу” была закрыта. В одном из последних номеров Философов сравнил себя с “несменным кочегаром на небольшом суденышке” в “неспокойном море”. В последнем номере газеты, оглядывая пройденный путь, главный редактор подчеркнул: “Знамени своему газета ни разу не изменила”, на нем был начертан лозунг “непримиримость к большевикам и борьба с ними, с их влиянием вне России”. Философов призвал к “объединению всех непримиримых кругов эмиграции, к борьбе со всеми видами скрытого и явного соглашательства” [13. 1932. 3 IV].

С апреля 1932 г. по январь 1934 г. Философов был председателем редакционного комитета иллюстрированного ежедневника “Молва”, в состав которого вошли представители русской литературной группы “Свой угол”: В.В. Брандт, Е.С. Вебер-Хирьякова, С.Л. Войцеховский, Г.Г. Соколов. Новая газета знаменовала собой смену поколений в русской эмиграции. В обращении к читателям Философов подчеркнул преемственность: “Новая газета берет от нас все лучшее, что у нас было, наши заветы, непримиримость и нашу веру в воскресение России”. Но в начале 1934 г. и это издание было прекращено. С января 1934 г. польские политики взяли курс на расширение сотрудничества с Германией (была подписана польско-германская декларация о мирном решении споров сроком на 10 лет) на базе антисоветской политики. Были заключены также соглашения с Германией о сотрудничестве в экономической и культурной областях, одновременно был продлен польско-советский договор о ненападении.

В мае 1934 г. совместно с Мережковским и при поддержке пражской группы литераторов и журналистов во главе с А.Л. Бемом, Философов приступил к изданию еженедельника “Меч”⁴. В первом номере в качестве программной статьи нового издания был помещен доклад Философова на собрании Литературного содружества в марте 1934 г. “От чего зависит возрождение эмиграции?” Новый этап и новые политические условия потребовали нового взгляда на задачи и цели эмигрантской работы. “Злые старички со стажем уходят, ...нельзя требовать от оставшихся в живых, чтобы это поколение помолодело”. «Страна под названием “эмигрантское рассеяние”, не имевшая ни аппарата управления, ни территории, держится лишь на идее», – утверждал Философов.

В основу идеологической концепции нового направления – активизма, он предлагал заложить “борьбу на широком фронте” на основе внепартийности за новый государственный строй в России. “Большевизм закрепостил живые силы русского народа, – писал Философов, – тем ответственнее роль эмиграции, тем более она должна ценить свободу как условие творчества и борьбы”, “пора признать здоровый национализм началом не застоя, а движения”. Особенную актуальность эта программа должна приобрести в новых условиях, когда большевистское правительство признано де-юре, вследствие чего на эмиграцию в странах расселения перестают смотреть как на политическую силу, но как на “необходимое зло” и ожидают ассимиляции ее второго поколения. Политиче-

⁴ В октябре 1934 г. творческий союз Философова и Мережковского распался “вследствие непреодолимых противоречий между Парижем и Варшавой”.

ская программа включала три положения: “антикоммунизм, антиматериализм, антимарксизм” [26. 1934. № 1–2].

В октябре 1934 г., после трех месяцев работы, Философов сделал печальный вывод о наличии в редколлегии непреодолимых разногласий: “Невозможно впрячь в одну телегу коня и трепетную лань”. “Варшава и Прага”, нацеленные на активную работу, не смогли найти точек соприкосновения с “Парижем”, почти спокойным и благополучным. Призыв к активной позиции в эмиграции не был услышан. В.А.Злобин замечал в это время: “Парижская элита к вопросам общественным охладевает с каждым днем все больше, ... другой вопрос на очереди – о праве на личную жизнь, на личное счастье...” [27. С. 189]. Редакция журнала выразила Мережковскому благодарность “за желание помочь”. Философов вышел из состава редколлегии, передав политическое руководство журналом молодежи – В.В. Брандту и Г.Г. Соколову. В каждом номере стали появляться его “Письма к неизвестным” программного характера и статьи в качестве рядового сотрудника.

Наиболее важные проблемы современности и эмигрантской жизни не ускользали от внимания Философова. Он предлагал создать Орден бедных рыцарей, в котором объединилась бы молодая элита, посвятившая себя “чему-то более высокому, нежели они сами”. В связи с созданием Национального союза нового поколения – новой объединенной эмигрантской организации, и его съездом, “Меч” разместил поздравления от Русского общевоинского союза (РОВС). В качестве наиболее активной группы в эмиграции Философов выделил группу галлиполийцев в РОВС и их печатный орган – “Вестник галлиполийца”, предсказывал, что такое “живое обновление не может быть остановлено” [26. 1934. № 3–4, 5].

Вопрос о “судьбе православия, о его роли во всемирном христианстве” продолжал оставаться одним из важнейших в самосознании и творчестве Философова. В новых условиях, полагал он, “надлежит образовать единый христианский фронт”, в то время как в среде эмиграции – расколы на отдельные христианские церкви и секты, которые заняты “взаимными препирательствами”, отношение к православию “мертвенно, нелогично и музейно”. “О России же никто не вспомнит, – сокрушался последний рыцарь русской эмиграции, – она в представлении наших штемпелеванных патриотов сводится к великорусскому центру без иноязычных и иноверных, или к всероссийскому парламенту свободомыслящих”. Резко обличал “христиан” правого толка, которые “соединяют расовую ненависть с исповеданием христианства”, поднимал вопрос об их симпатиях к “германскому новому строю и в частности, к расизму” [26. 1934. № 9–10].

В 1934 г. Польшу посетил Геббельс, что вызвало в стране подъем национализма и антисемитизма. В понимании отношения Философова к “новому порядку” в Германии и перемен во внешнеполитическом курсе стран Европы, в частности – Польши, очень важна его статья “Христианство и миф двадцатого столетия”. “Отвратительными явлениями”, “решительно неприемлемыми для христианского сознания”, назвал Философов перемены, происшедшие в Германии. В его понимании большевизм и гитлеризм были явлениями одного порядка: если “большевики приступили к планомерному, упорному и хладнокровному уничтожению буржуазии и интеллигенции – уничтожению физическому, то германские расисты приступили к такому же уничтожению еврейской расы” [26. 1934. № 11–12].

Бытовые проблемы мало интересовали Философова, жил он очень скромно. М. Домбровская называла его “совершенно нищим”, признавалась, что, когда у него не было средств на обед, отдаживала ему 10–20 злотых. Она характеризовала его как человека “благородного, честного, доброжелательно настроенного по отношению к Польше”, сравнивала его жизнь с жизнью в эмиграции польского мыслителя XVIII в. И. Лелевеля [16. Т. 2. S. 83–84]. Польская писательница яростно вступилась за Философова после опубликования его статьи “Мицкевич в Одессе и в Крыму” в “Przegląd Współczesny” – статья вызвала жесткую полемику в польских и даже эмигрантских литературных и политических изданиях.

Националистические круги Польши не любили Философова, они ставили ему в упрек то, что он был “у многих на содержании, и совершенно точно – у нас”⁵. Острый язык и непримиримая позиция по отношению к политике правых, монархических кругов русской эмиграции не прибавляли ему популярности. Проблемы со здоровьем отдалили его от активной публицистической работы. С 1929 г. он стал почетным председателем и принимал регулярное участие в организации и функционировании Литературного содружества в Варшаве. Формально оно было варшавской секцией Союза русских писателей и журналистов в Польше и объединяло все культурные силы варшавской русской колонии [28. С. 243]. В 1934 г. у себя на квартире организовал дискуссионный клуб “Домик в Коломне” (1934–1936). Секретарем клуба был русский поэт, а позже – польский писатель Л. Гомолицкий. М. Домбровская записала в дневнике 15 декабря 1934 г.: “Это единственное место в Варшаве, где еще господствует хороший вкус. Главным образом, благодаря пану Дмитрию” [19. Т. 2. S. 82]. 11 собраний состоялось у Философова, на них присутствовал цвет польской интеллигенции, о чем свидетельствует обилие воспоминаний об этом периоде в польской литературе [19; 29]. Философов сумел объединить русских эмигрантских писателей и поэтов двух поколений, элиту польских интеллектуалов, среди которых: М. Домбровская, Ю. Тувим, З. Налковская, супруги М. и Ю. Чапские, великий магистр масонской “Великой ложи Польши” Ст. Стемповский и др. Я. Ивашевич называл его “другом-москалем”.

М. Домбровская задумывалась над профессиональной судьбой Философова, здоровье которого было существенно подорвано: “Лучше всего было бы пану Дмитрию иметь какую-либо независимую должность, и он мог бы там высказываться...”, – полагала она. “Но в нынешних условиях, – жестко заключала польская писательница, – всякие правительственные деньги смердят...” [19. Т. 2. S. 83] В политической жизни Польши произошли существенные перемены. В апреле 1935 г. была введена в действие новая Конституция Польской республики, которая установила принцип единовластия с предоставлением диктаторских полномочий президенту. Был поставлен под государственный контроль порядок выдвижения кандидатов в Сейм. После смерти Ю. Пилсудского в мае 1935 г. правительство Польши возглавил генерал М. Зындрам-Косцялковский, с которым русская колония не могла связывать каких-либо надежд на улучшение ситуации.

Вплоть до сентября 1939 г. посол в Сейм от русского меньшинства, старообрядец Б.А. Пимонов, пытался обратить внимание властей на рост в стране

⁵ Слова принадлежат вице-министру сельского хозяйства Польши Р. Рачиньскому [16. Т. 2. S. 83].

“польского национализма”, на попытки русского меньшинства “сочетать сотрудничество с польским народом и государством с сохранением чувства собственного достоинства” [17. 1939. № 1–2. С. 123]. Однако государственная политика Польши в отношении русских эмигрантов ужесточилась до предела: отделы Русского национального и молодежного объединений повсеместно закрывались, во многих местностях запретили продажу русских газет, календарей и прочей печатной продукции. Продолжалось закрытие и уничтожение православных церквей. Поколение Ю. Пилсудского, с личностью которого были связаны надежды лидеров русской эмиграции на поддержку в борьбе с большевиками, уходило в политическую тень.

В сентябре 1939 г. супруги Чапские перевезли Философова в санаторий доктора С. Добровольской в Отвоцк, где он скончался 5 августа 1940 г. Погребен на кладбище на Воле в Варшаве. Подготовленная им к печати рукопись сборника произведений (статьи, эссе, обзоры) сгорела в период Варшавского восстания. Философову было посвящено одно из лучших литературных произведений русской эмигрантской литературы первой волны – поэма Л. Гомолицкого “Варшава”. Собирательный образ героя поэмы, родившегося в России и сформировавшегося в период “Серебряного века”, подобрал в себя судьбы сотен тысяч изгнанников, как и судьбу Дмитрия Философова [26. 1934. № 9–10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петербургский дневник З. Гиппиус 1914–1918. Синяя книга. Белград, 1929; *Гомолицкий Л.* Литературные собрания // Числа. Париж, 1934. Кн. 10; *Злобин В.А.* Гиппиус и Философов // Возрождение. Париж, 1958. № 74–76; *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951; *Wędziagolski K.* Pamiętniki. Londyn, 1974; *Nałkowska Z.* Dzienniki. Warszawa, 1975; *Бенуа А.* Мои воспоминания. М., 1990. Кн. 1–3; *Чуковский К.И.* Дневники. 1901–1929. М., 1991; *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondens of Zinaida Hippus. Munchen, 1972; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века 1890–1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982; *Колоницкий Б.И.* А.Ф. Керенский и круг Мережковских // Петроградская интеллигенция в 1917 году. М., Л., 1990; *Колоницкий Б.И.* А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3; *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица. Биографический альманах. СПб., 1992. Вып. 1; *Matersk W.* Tarcza Europy: stosunki polsko-sowieckie 1918–1939. Warszawa, 1994; *Зенкевич Т.* Русская литературная среда в Польше в 1918–1939 годах // Художественное мышление в литературе XVIII–XX веков. Сб. научн. трудов Калининградского ун-та. Калининград, 1996; *Колеров М.А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от “Проблем идеализма” до “Вех”. 1902–1909. СПб., 1996; *Петрова Т.Г.* Философов Д.В. // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. Писатели Русского зарубежья. М., 1997; *Исмагулова Т.Д.* Феномен славянского контакта – культурная жизнь русской эмигрантской колонии в Варшаве (1918–1939) // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII международный съезд славистов. Краков, 1998. М., 1998; *Мережковский Д.С.* Исследования по истории русской мысли. (Studies in Russian intellectual history) М., 1999. Т. 4; *Хорев В.А.* Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; *Розинская О.В.* Русская литературная эмиграция в Польше. 1920–1930 гг. Дисс. ... к.ф.н. М., 2000; Загадки русской культуры. Д.В. Философов. М., 2004; *Исмагулова Т.Д.* Жители варшавского “Домика в Коломне” (Д.В. Философов и его окружение в конце 1920-х – начале 1930-х годов) // Философовские чтения. Сб. материалов первых Философовских чтений. Псков, 2005.
2. *Дневник Д. Философова* // Звезда. 1992. № 1, 2, 3; Амфитеатров и Савинков. Переписка 1923–1924 // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 13; *Дюррант Дж.С.* По материалам архива Д.В. Философова // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. № 5; Критика русского зарубежья. М., 2002. Т. 1.

3. *Философов Д.* Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы. М., 1912.
4. *Бялокозович Б.* Родственность, преемственность, современность. М., 1988.
5. *Колоницкий Б. Д.В.* Философов и его дневник. Предисловие к Дневнику Философова // Звезда. 1992. № 1.
6. *Философов Д.* Царь – Папа // Царь и Революция. Париж, 1907.
7. Последние известия. 1921. 26 VI.
8. *Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А.* Царство Антихриста. Третья и четвертая тысяча. München, 1922.
9. *Вендзягольский К. Савинков* // Новый журнал. Нью-Йорк. 1963. № 72.
10. Российский государственный военный архив. Протоколы заседаний Малого совещания РЭК. Ф. 461. Оп. 1.
11. Государственный архив РФ. Ф. 5814. Оп. 1.
12. *Симонова Т.М.* Специфика правового положения россиян в Польше в 1919–1928 гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006.
13. За свободу. Варшава.
14. Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001.
15. *Замойский Я.Е.* Русская православная зарубежная церковь. 1928–1938. По материалам польских заграничных служб // Новая и новейшая история. 1998. № 1.
16. Информация Статистического комитета // Свобода. 1921. I VII.
17. *Sprawy narodowościowe.* 1927. R. 1.
18. *Лабынцев Ю.А.* Всему православному миру. М., 1995.
19. *Dąbrowska M. Dzienniki.* Warszawa, 1988. Т. 1–2.
20. *Stanisławski W.* “Rycerz przegranej sprawy”? Kontakty Dymitra Filozofowa z polskimi elitami kulturalnymi // Emigracja rosyjska. Losy i idee. Łódź, 2002.
21. *Mały rocznik statystyczny.* Warszawa, 1938.
22. *Губина Т.М. (Симонова).* Взгляды М. Хандельсмана по вопросам международных отношений и внешней политики в 20-е – начале 30-х годов / Идейно-политическая борьба в странах Европы и Америки. М., 1988.
23. *Бочарова З.С.* Деятельность лиги Наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006.
24. *Симонова Т.М.* “Мы бесподданные безгосударственники...” // Родина. 2007. № 2.
25. Архив внешней политики РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 220. Д. 52727. Л. 27.
26. Меч. Варшава.
27. *Злобин В.А.* Тяжелая душа. М., 2004.
28. *Гомолицкий Л.* Литературные собрания // Числа. Париж, 1934. Кн. 10.
29. *Stempowski J.* Domek w Kolonnie // Wiadomości literackie. 1935. № 12; *Kulczyńska-Salomi J.* Z dziejów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia // Przegląd humanistyczny. 1993. № 1; *Czapski J.* Mereżkowsy i Filozofow w Polsce // Puls. 1993. № 1.

© 2007 г. *Н. Н. СТАНКОВ*

ПЛАН ДАУЭСА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ГЕРМАНИИ В 1924 ГОДУ В СООБЩЕНИЯХ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПОСОЛЬСТВА В БЕРЛИНЕ

Репарационный вопрос был одним из наиболее острых в послевоенных международных отношениях в Европе. Во время Парижской мирной конференции державы-победительницы не смогли прийти к соглашению об общей сумме и порядке взимания репараций с Германии, поэтому для решения этих проблем была создана межсоюзническая репарационная комиссия. В начале 1920-х годов состоялось несколько соответствующих международных конференций, но установление общей суммы репараций, доли в ней отдельных государств и порядка выплат не решило проблему. Германия, ссылаясь на трудное социально-экономическое положение, просила снизить объем репараций и смягчить условия их выплат. В конце 1922 г. германское правительство отказалось платить очередной ежегодный взнос и прекратило поставки в счет репараций угля и леса. 9 января 1923 г. репарационная комиссия констатировала факт “умышленного невыполнения” Германией обязательств, и 11 января “для принятия всех мер, необходимых для обеспечения выплаты репараций” в Рур была направлена франко-бельгийская техническая комиссия. Под предлогом охраны комиссии в Рурскую область были введены французские и бельгийские войска [1. С. 163]. Однако французская политика силового давления на Германию не принесла ожидаемого результата, но привела к полному разрушению экономики Веймарской республики, обострению политической борьбы, усилению экстремистских сил, росту напряженности в международных отношениях.

Когда в конце 1923 г. стало очевидно, что репарационный вопрос невозможно решить ни путем созыва конференций, ни силовыми методами, Лондон настоял на участии в переговорах США, которые еще в 1922 г. рекомендовали прибегнуть в урегулировании этой сложной проблемы к новому дипломатическому приему – независимой экспертизе. Впервые обратиться к этому методу французскому послу в Вашингтоне советовал в конце 1922 г. госсекретарь США Ч. Юз. Однако Франция в то время не была намерена следовать его рекомендациям, и тогда Юз огласил их в своем выступлении в Нью-Хевене 29 декабря 1922 г.: “Первое условие удовлетворительного разрешения вопроса заключается в том, чтобы тема эта была изъята из области политики... Должен быть

намечен путь для соглашения между государственными деятелями о том, что может уплатить Германия, ибо, независимо от того, какие ей можно предъявить претензии, ее реальные возможности служат пределом предъявляемых к ней требований..." (цит. по [1. С.117]). Госсекретарь предложил создать независимый комитет экспертов из наиболее авторитетных в области финансов лиц, который разработал бы рекомендации по оздоровлению экономики Германии и репарационному вопросу. 11 октября 1923 г. президент США К. Кулидж дал знать, что поддерживает предложение Юза. Поскольку и на этот раз Франция не собиралась прислушаться к советам из Вашингтона, 22 октября 1923 г. госсекретарь Юз предостерег Париж, что общественное мнение США будет обращено против Франции, если она не проявит готовность в решении проблемы репараций с Германией [1. С. 118].

В конце 1923 г., не советуясь с Францией, США и Великобритания подписали с Германией соглашения о предоставлении ей займов [2. С. 166]. Кроме того, 20 декабря 1923 г. в Вашингтоне был подписан американо-германский торговый договор, охватывавший чрезвычайно широкий круг вопросов. США были первыми из великих держав, подписавших с Германией договор такого масштаба [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 9. Rádná politická zpráva za únor 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 марта 1924 г.)]. Париж, оказавшись перед угрозой изоляции, дал согласие на создание комитета экспертов. Репарационная комиссия вынесла соответствующее решение, и в начале января 1924 г. были созданы два комитета экспертов. Первый должен был заняться вопросами стабилизации марки и бюджета Германии, для чего предстояло установить приблизительную стоимость ее имущества, доходы и расходы и подготовить рекомендации о повышении платежеспособности Германии, чтобы она могла выплачивать репарации. В состав этого комитета вошли по два эксперта от США, Великобритании, Франции, Италии и Бельгии. Комитет возглавил директор одного из чикагских банков, генерал в отставке Ч. Дауэс (в 1924 г. избран вице-президентом США). Еще одним представителем США в этом комитете был О. Юнг, председатель комитета наблюдателей "Электрик Компани" из Нью-Йорка. Второй международный комитет, который возглавил представитель Великобритании Р. Маккенн, должен был установить размеры вывезенных из Германии капиталов и найти средства для их возвращения [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 6. (Тусар – в МИД. Берлин, 15 февраля 1924 г.)].

В решении проблемы репараций были заинтересованы не только великие державы, но и соседние с Германией государства, в частности, Чехословакия. В острой дипломатической борьбе вокруг этой проблемы, в которую Франция пыталась вовлечь своих союзников, в том числе и ЧСР, в дестабилизации социально-экономической и политической ситуации в Веймарской республике, усилении экстремистских элементов Прага видела угрозу своей безопасности. Чехословакия внимательно следила за ходом событий, но при этом старалась держаться в стороне. В настоящей статье предпринята попытка, основываясь на донесениях посольства ЧСР в Берлине (посланника В. Тусара, а после его смерти в марте 1924 г. поверенного в делах ЧСР в Берлине Ф. Гавличека) показать отношение чехословацкой дипломатии к плану Дауэса и к межпартийной борьбе в Германии, вызванной спорами о его осуществлении.

Как отмечало чехословацкое посольство в Берлине, вначале известия о создании комитетов Дауэса и Маккенна, особенно второго, были встречены в

Германии с большой долей скептицизма. Немцы напрямую связывали вопрос о возможности репарационных выплат с освобождением Рурской и Рейнской областей, занятых французскими и бельгийскими войсками [4. E. Beneš. Odd. I. Kř. 190. R 328/1 a. Německo. Řádná politická zpráva za prosinec 1923. (Без подписи. Берлин, 15 января 1923 г.)].

В конце января 1924 г. оба международных комитета прибыли в Берлин. Германское правительство вручило им обстоятельные меморандумы и предоставило в их распоряжение все необходимые материалы. По сообщениям советника чехословацкого посольства Ф. Гавличека, эксперты часто встречались с членами правительства, проводили совещания в министерствах, установили прямые контакты с руководителями промышленных предприятий, банков, представителями профсоюзов. Они изучали возможности многих монополий, железных дорог рейха с целью повышения их производительности и при необходимости оказания помощи для возрождения экономики. 8 февраля в Германии завершил работу комитет Р. Маккенна, а 12 февраля – комитет Ч. Дауэса. Чехословацкие дипломаты в своих отчетах отмечали, что во время работы международных комитетов отношение к ним в Германии изменилось в лучшую сторону: немцы с оптимизмом ожидали заключения международной экспертизы. Гавличек объяснял этот оптимизм тем, что в ходе обследования экономических возможностей Германии американские и британские эксперты принимали в расчет и оккупированную Рурскую область [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 9. Řádná politická zpráva za únor 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 марта 1924 г.)].

Чехословацкая дипломатия высоко оценивала результаты деятельности международных комитетов в Германии, считая, что они могли привести к урегулированию проблемы германских репараций и снижению напряженности в международных отношениях в Европе. В. Тусар в донесении в Прагу 15 февраля подчеркивал: “Результат переговоров экспертов следует считать знаменательным этапом в решении проблемы репарации и важным политическим моментом не только для Германии, но и для всей Европы” [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 6. (Тусар – в МИД. Берлин, 15 февраля 1924 г.)].

Правда, после того как эксперты покинули Берлин, о деятельности международных комитетов из Парижа и Лондона на Вильгельмштрассе поступали весьма неутешительные сообщения. Оптимизм в правящих кругах Германии постепенно угас, и правительство Веймарской республики начало готовить общественное мнение к тому, что заключение экспертов может оказаться для Германии неблагоприятным, так как они могут переоценить платежеспособность Германии, и тогда их предложения придется отклонить. “В Берлине ожидался новый репарационный кризис”, – писал Гавличек в Прагу [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 20. Řádná politická zpráva za duben 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 мая 1924 г.)].

Напряжение спало после того, как 9 апреля 1924 г. Ч. Дауэс заявил об окончании работы экспертов и представил заключение своего комитета (подробнее см. [5; 6]). В тот же день телеграфное агентство Т. Вольфа опубликовало иностранные извлечения из доклада Ч. Дауэса. Германские официальные круги и пресса отмечали наиболее важные положения этого документа: отказ от политики санкций и восстановление экономического и финансового единства страны, деполитизация репарационной проблемы, которая отныне должна была рассматриваться исключительно с экономической точки зрения. Особо благо-

приятное впечатление произвело в Германии пожелание экспертов, чтобы выплаты репараций не сказались на жизненном уровне населения, который должен быть не ниже жизненного уровня в странах-победительницах и в соседних государствах. Однако к этим словам в Германии многие отнеслись с недоверием: план Дауэса предусматривал увеличение налогов. Тем не менее, как отмечалось в донесении чехословацкого посольства из Берлина, германское правительство заявило, что оно “видит в заключении экспертов основу для решения репарационной проблемы” [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 20. Řádná politická zpráva za duben 1924 (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 мая 1924 г.)].

Вместе с тем Гавличек обращал внимание руководства МИДа ЧСР на предстоящие в мае 1924 г. выборы в рейхстаг, которые внушали ему большие опасения. Чехословацкий дипломат указывал на ряд признаков в политической жизни Германии, которые, по его мнению, предвещали новый сдвиг общественных настроений вправо, в пользу Немецкой национальной народной партии (НННП) и других близких к ней по духу партий. Гавличек отмечал, что НННП также как и вышедшие из подполья Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) и Коммунистическая партия Германии (КПГ) осудили правительство Маркса–Штреземана за то, что оно положительно оценило план Дауэса, который они называли “новым Версалем” [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 20. Řádná politická zpráva za duben 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 мая 1924 г.)]. Активность радикалов, особенно нацистской и коммунистической молодежи, в апреле 1924 г. достигла такого уровня, что Гавличек не исключал возможности массовых беспорядков или даже путча. Националисты шли на выборы под лозунгом “политика освобождения” (“Befreiungspolitik”), имея в виду освобождение от Версальского договора, репарационных платежей и т.д. Левые вели агитацию под лозунгом “война или мир”. Чехословацкие дипломаты предполагали, что выборы в рейхстаг приведут к резкому усилению обоих экстремистских крыльев – коммунистов и националистов. Этого не исключал и министр иностранных дел Германии Г. Штреземан. В марте 1924 г. во время последней встречи с Тусаром он поделился своими планами внести изменения в избирательный закон, повысив возрастной ценз избирателей с 21 до 24 лет, чтобы отстранить от выборов молодежь – наиболее радикально настроенную часть общества [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 17. Mimořádná politická zpráva č. 5. (Гавличек – в МИД. Берлин, 9 апреля 1924 г.)].

В качестве доказательства сдвига общественных настроений в пользу национализма Гавличек ссылался на безропотное отношение в Германии к беспрецедентно мягкому приговору мюнхенского суда над участниками путча 8–9 ноября 1923 года [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 20. Řádná politická zpráva za duben 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 мая 1924 г.)] – генерал Э. Людендорф был освобожден, а А. Гитлера и его сообщников приговорили к непродолжительным срокам заключения и смехотворно низким штрафам [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 15. Řádná politická zpráva za březen 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 апреля 1924 г.)]. В этой связи у чехословацких дипломатов особое беспокойство вызывала политическая ситуация в Баварии накануне выборов, где высокую активность проявляли крайне реакционные силы. Но опасения оказались напрасными. Выборы в местный ландтаг 6 апреля 1924 г. принесли победу Баварской народной партии [3. Poli-

tické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 20. Řádná politická zpráva za duben 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 мая 1924 г.)), лидер которой – Г. Хельд 28 июня возглавил правительство Баварии. Приход к власти известного издателя и редактора, которого считали “лучшим баварским политиком” и называли “некоронованным королем Баварии”, чехословацкая дипломатия оценила весьма положительно, поскольку Хельд презирал нацистов, и от него ожидали ликвидации в Баварии “гитлериад”. Кроме того, чехословацкие дипломаты надеялись, что Хельд пойдет на сближение с Берлином, что способствовало бы внутривнутриполитической стабилизации в Германии, в чем была заинтересована ЧСР [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 42. Volba bavorského ministerského předsedy a nový bavorský kabinet. (Гавличек – в МИД. Берлин, 5 июля 1924 г.)].

Менее утешительными были результаты выборов в рейхстаг, состоявшиеся 4 мая 1924 г. В основном они подтвердили опасения чехословацких дипломатов: противники плана Дауэса получили почти половину мандатов. Фракция НННП, к которой присоединились депутаты от ландбунда, стала наиболее влиятельной в рейхстаге¹. Она пыталась объединить вокруг себя близкие к ней другие фракции и создать единый блок. Среди кандидатов от нацистской партии в рейхстаг был избран генерал Э. Людендорф. 62 мандата получила КПГ. НННП предложила избрать на пост рейхсканцлера гросс-адмирала фон Тирпитца, выдавая его за “надпартийного” кандидата. Однако рейхспрезидент Ф. Эберт вновь поручил сформировать кабинет В. Марксу, который оставил его без изменений и 4 июня 1924 г. представил рейхстагу [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 25. Řádná politická zpráva za květen 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 11 июня 1924 г.)]. Попытки НННП включить своих представителей в состав кабинета и внести изменения в план Дауэса были отвергнуты президентом Ф. Эбертом и канцлером В. Марксом. Таким образом, НННП осталась в оппозиции. Рейхсканцлер в своем программном выступлении подчеркнул, что план Дауэса должен быть принят, поскольку он предоставляет возможность восстановить экономическое, финансовое и административное единство Германии и преодолеть затянувшийся экономический кризис. В. Маркс подчеркнул, что его правительство будет добиваться освобождения Рурской области и других занятых иностранными войсками германских территорий. Он указал, что в план Дауэса нельзя вносить каких-либо поправок, и его следует принять как единое целое. В этой связи предстояло принять ряд законов и внести изменения в действующее законодательство Германии. Как отмечало чехословацкое посольство в Берлине, программное заявление В. Маркса, несмотря на то, что против него выступила НННП, было поддержано большинством рейхстага (247 голосов против 130), что укрепило позиции правительства [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 40. Řádná politická zpráva za červen 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 4 июля 1924 г.)].

По наблюдениям чехословацкой дипломатии, усилению позиций демократических партий Веймарской республики способствовала победа “левого картеля” во главе с Э. Эррио на парламентских выборах во Франции. Немецкие демократы выступили с требованием немедленно начать переговоры с Парижем [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 25. Řádná politická zpráva za květen 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 11 июня 1924 г.)]. Они ожидали, что и

¹ НННП получила 96 мандатов, ландбунд – 9.

Э. Эррио со своей стороны предпримет шаги для улучшения француско-германских отношений [7. Nachlaß H. Müller-Franken. Originalbriefe und Dokumente. Kass. III. Dok. 50. Die internationale Politik Frankreichs. S. 14]. Действительно, из французского посольства в Берлине поступила информация, что в ближайшее время Э. Эррио сделает первый жест доброй воли: разрешит вернуться на родину немцам, высланным из оккупированных территорий в период рурского кризиса 1923 г., и объявит амнистию всем осужденным (кроме лиц, совершивших тяжкие преступления) [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 31. (Гавличек – в МИД. Берлин, 12 июня 1924 г.)]. Однако германская националистическая пресса уверяла, что от Франции не следует ожидать нового курса и что Э. Эррио будет продолжать политику “пуанкаризма”. Настороженно в Германии отнеслись к избранию 13 июня во Франции президентом Г. Думерга, который, как считали, по своим убеждениям был ближе к Р. Пуанкаре, чем к Э. Эррио, и поэтому будет “тормозить политику правительства”. Некоторые опасения внушало также назначение на пост военного министра генерала Ш. Нолле, возглавлявшего до этого международную контрольную комиссию в Берлине. Нолле был хорошо осведомлен о нарушениях Германией статей Версальского договора о разоружении и выступал за усиление военного контроля.

Однако, согласно сообщениям чехословацкого посольства в Берлине, сразу же после прихода к власти во Франции Э. Эррио оживились дипломатические контакты между Берлином, Парижем и Лондоном. В Париж для переговоров с новым премьером по поручению Г. Штреземана прибыл депутат рейхстага от Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Р. Брейтшейд, которого, впрочем, немецкие националисты сразу же обвинили в “измене”. Кроме того, переговоры велись через послов Л. Хеша в Париже и Б. Маржери в Берлине. По сведениям чехословацкого посольства, во время этих переговоров речь шла об урегулировании германо-французских отношений. Германская сторона настаивала на эвакуации Рурской области, отмене распоряжений о выселении немцев с занятых территорий и на освобождении заключенных. Французское правительство требовало принятия и осуществления плана Дауэса и разоружения Германии [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 40. Rádná politická zpráva za červen 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 4 июля 1924 г.)]. Чехословацкая дипломатия разделяла обеспокоенность Франции серьезными нарушениями со стороны Германии постановлений Версальского договора о разоружении, все возраставшей активностью германских националистических и милитаристских организаций, “подготавливающих, – как подчеркивалось в англо-французской ноте от 22 июля 1924 г., – вооруженные силы с целью развязать в Европе новые военные конфликты”. Чехословацкое посольство в Берлине отмечало, что все попытки западных союзников восстановить нарушенный во время кризиса 1923 г. военный контроль в Германии наталкивались на уклончивые ответы германского правительства и открытое сопротивление националистических кругов.

Вместе с тем, как отмечал Гавличек, в Берлине с воодушевлением встретили известие о созыве 16 июля 1924 г. в Лондоне конференции по вопросам проведения в жизнь плана Дауэса. Это решение было принято 21–22 июня на встрече премьер-министров Великобритании и Франции Р. Макдональда и Э. Эррио в Чекерсе. “Большую сенсацию вызвало здесь (в Берлине. – Н.С.) намерение Эррио и Макдональда заключить гарантийный пакт, к которому должна была присоединиться и Германия”, – сообщал 4 июля в Прагу Гавличек. Он подчер-

кивал, что официальные круги Германии с симпатией отнеслись к этой идее, но в то же время и с некоторой осторожностью, так как гарантийный пакт навсегда закрепил бы существовавшие границы, а Германия не смирилась со своими новыми восточными рубежами, в частности, с польским коридором [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 40. Řádná politická zpráva za červen 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 4 июля 1924 г.)]. Чехословацкое посольство в Берлине отмечало, что в Германии с большим напряжением следили за приготовлениями к Лондонской конференции, за полемикой во французской и британской печати. По наблюдениям чехословацких дипломатов, Берлин был крайне заинтересован в Лондонской конференции и обсуждении плана Дауэса. “Во всех своих выступлениях германское правительство подчеркивало, что план Дауэса выходит за рамки Версальского договора, его выполнение возможно только в условиях восстановления экономического единства и свободы”, – писал Гавличек в Прагу 5 августа 1924 г. Наибольшее внимание в Берлине уделяли участию в конференции США, и известие о том, что американская делегация прибудет на конференцию, было встречено с удовлетворением. Германия видела в Америке своего защитника, поскольку Вашингтон выступал за деполитизацию репарационного вопроса и рассматривал его исключительно с экономической точки зрения. Мимо внимания чехословацких дипломатов не прошел и тот факт, что накануне Лондонской конференции участвовали консультации Берлина с американским и британским правительствами. В то же время Германия, как отмечал Ф. Гавличек, не приняла новые законы, предусмотренные планом Дауэса, не внесла изменений в действовавшее законодательство, которые она обязана была сделать до начала работы Лондонской конференции. Особую сложность для германского правительства, по мнению чехословацкого посольства, представлял вопрос о передаче под управление международного акционерного общества имперских железных дорог, бывших собственностью государства, так как для этого необходимо было внести изменения в Веймарскую конституцию, для чего требовалось 2/3 голосов в рейхстаре [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 50. Řádná politická zpráva za červenec 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 5 августа 1924 г.)]. Правительство же В. Маркса могло рассчитывать, по мнению чехословацких дипломатов, на гораздо меньшее количество голосов – на депутатов от партии Центра, Немецкой народной партии, Немецкой демократической партии, СДПГ и Баварской народной партии, поскольку только они поддерживали план Дауэса [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 25. Řádná politická zpráva za květen 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 11 июня 1924 г.)]. Для того чтобы получить нужное количество голосов министр иностранных дел Г. Штреземан и вице-канцлер и министр внутренних дел К. Яррес вступили в закулисные переговоры с НННП [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 50. Řádná politická zpráva za červenec 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 5 августа 1924 г.)]. Известия об этих переговорах вызвали беспокойство в Чехословакии, тем более, что дело дошло до раскола в правительстве рейха. В печати появились сообщения, что Г. Штреземан сам возглавит германскую делегацию на Лондонской конференции и что он, не желая, чтобы кто-либо оказывал на него влияние, был против поездки в Лондон рейхсканцлера В. Маркса. Как было отмечено чехословацкой дипломатией, принципиальные разногласия между В. Марксом и Г. Штреземаном заключались в том, что канцлер вместе с большинством членов кабинета выступал за “политику выполнения” (“Erfüllungspolitik”), в то время как министр иностранных дел

искал случая, чтобы при первой же возможности ускользнуть от каких-либо обязательств [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 49. Mimořádná politická zpráva č. 21. (Гавличек – в МИД. Берлин, 29 июля 1924 г.)].

С началом работы конференции в Лондоне германское правительство, по сообщениям чехословацкого посольства в Берлине, испытывало определенную нервозность. Объяснялась она тем, что германская делегация не была приглашена к открытию конференции 16 июля. Германия претендовала на то, чтобы присутствовать на конференции от начала до конца, заявляя, что только тогда она будет удовлетворена, если за столом переговоров в Лондоне она будет участвовать на равных правах с другими государствами. Однако Э. Эррио, опасаясь, что участие германской делегации с начала конференции разобьет “согласие между союзниками”, настоял, чтобы она прибыла только тогда, когда возникнет “потребность в прямых переговорах с Германией”. Поэтому до начала августа германское правительство было вынуждено довольствоваться ролью наблюдателя, и даже малейшие затруднения в работе конференции вызывали в Берлине большое беспокойство [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 50. Řádná politická zpráva za červenec 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 5 августа 1924 г.)]. Правительство Веймарской республики опасалось, что конференция потерпит неудачу или будет перенесена на более поздний срок, и до приглашения германской делегации дело не дойдет [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 65. Mimořádná politická zpráva č. 26. (Гавличек – в МИД. Берлин, 1 октября 1924 г.)].

Германия вначале была разочарована поведением американцев в Лондоне, так как они дали согласие на продолжение работы репарационной комиссии. Но, как отмечал Гавличек, тем большую радость в Берлине испытали от протеста американских банкиров, обусловивших предоставление займа ограничением прав репарационной комиссии (она лишилась возможности устанавливать невыполнение Германией обязательств и принимать решения о санкциях) и недопустимостью самостоятельного принятия санкций одной из союзных держав (имелась в виду в первую очередь Франция). Газета Штреземана “Die Zeit” не замедлила поддержать протест американцев [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 50. Řádná politická zpráva za červenec 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 5 августа 1924 г.)].

Германская делегация в составе канцлера В. Маркса, министра иностранных дел Г. Штреземана и министра финансов Г. Лютера прибыла в Лондон в начале августа, после того как в принципиальных вопросах союзники достигли согласия, в том числе они договорились и о порядке урегулирования возможных конфликтов и принятия санкций, для чего создавалась арбитражная комиссия во главе с представителем США.

Ограничение прав репарационной комиссии, создание арбитражной комиссии и многие другие решения союзников германская делегация оценила положительно. Меморандум, который она представила, ограничивался незначительными возражениями и поправками. Но германская делегация сразу же поставила вопрос о прекращении военной оккупации всех областей, которые не предусмотрены Версальским договором. Как отмечал Гавличек, вопрос о военной эвакуации Рура вызвал “самые ожесточенные споры на Лондонской конференции”. Э. Эррио вынужден был на несколько дней уехать в Париж для консультаций с правительством. После возвращения он заявил, что Франция готова вывести свои войска из Рурской области в течение года. Германская делегация

настаивала на сокращении сроков. Французская и бельгийская делегации сопротивлялись. После вмешательства в спор Р. Макдональда Германия вынуждена была согласиться с предложением Э. Эррио [3. *Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně*. 1924. Č. 65. *Mimořádná politická zpráva č. 26*. (Гавличек – в МИД. Берлин, 1 октября 1924 г.)].

Лондонская конференция завершила свою работу 16 августа 1924 г. Ее результаты были зафиксированы в заключительном протоколе с четырьмя приложениями и в письмах по поводу военной эвакуации Рура. Заключительный протокол констатировал, что достигнут ряд соглашений, и устанавливал их взаимную соподчиненность [8. С. 83–84]. Приложение I представляло собой соглашение репарационной комиссии с Германией о проведении в жизнь плана Дауэса. Германское правительство обязывалось провести все необходимые законодательные и иные мероприятия, необходимые для осуществления плана Дауэса. Репарационная комиссия со своей стороны обязывалась принять меры для облегчения выпуска германского займа, содействовать в осуществлении всех финансовых и бухгалтерских мероприятий [8. С. 84–85]. Приложение II содержало соглашение между союзными правительствами и Германией относительно соглашения между германским правительством и репарационной комиссией. Оно предусматривало порядок и форму урегулирования споров в случае их возникновения между Германией и репарационной комиссией (подробнее см. [8. С. 86–92]). Приложение III включало соглашение между союзниками и Германией, которое содержало обязательства Германии принять меры для осуществления плана Дауэса, условия предоставления 800-миллионного займа, обязательства Франции и Бельгии об экономической эвакуации Рура, где в течение двух месяцев должны быть восстановлены в полном объеме все права германских властей и собственников, которые они осуществляли на оккупированной территории до 11 января 1923 г. (подробнее см. [8. С. 92–99]). Приложение IV представляло собой соглашение между союзниками, предусматривавшее порядок их действий в случае “установления невыполнения Германией любого из своих обязательств” (подробнее см. [8. С. 100–102]).

В последний день работы конференции премьер-министры Франции и Бельгии обменялись с рейхсканцлером Германии письмами, в которых устанавливалась окончательная дата военной эвакуации Рура – 16 августа 1925 г. При этом Эррио и Тёнис подчеркивали, что оккупация Рура была произведена на основании Версальского договора (см. [8. С. 80]), а В. Маркс настаивал, что “оккупация германской территории вне пределов, указанных ст. 428 Версальского договора, не может почитаться правомерной”, и требовал “ускорить военную эвакуацию” и закончить ее ранее указанного срока (см. [8. С. 81–82]).

ЧСР не принимала участия в Лондонской конференции, но туда были приглашены ее союзники по Малой Антанте – Румыния и Королевство сербов, хорватов и словенцев. 11–13 июля 1924 г. в Праге состоялась конференция министров иностранных дел Малой Антанты, на которой одним из главных был вопрос об их коллективной позиции на Лондонской конференции [3. *Kabinet ministra 1918–1939*. Кг. 23. *Konference Malé Dohody v Praze* [1924]. (Циркулярная телеграмма Бенеша. 30 июня 1924 г.); 9. S. 82. Dok. 72]. Было решено в репарационном вопросе действовать совместно и поддерживать усилия правительств Великобритании и Франции, стремившихся к окончательному урегулированию этой проблемы на основе плана Дауэса [9. S. 83. Dok. 73]. В первый день работы конференции Малой Антанты в Прагу прибыл посланник Румынии в Велико-

британии Н. Титулеску, который должен был представлять свою страну на Лондонской конференции, для консультаций с министром иностранных дел Румынии И.Г. Дукой по репарационным вопросам [3. Kabinet ministra 1918–1939. Kř. 23. Konference Malé Dohody v Praze [1924]; 10. 1924. 7 VII]. Но вероятно имели место и переговоры Н. Титулеску с министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем. Из дипломатической переписки Н. Титулеску видно, что он обязался ежедневно информировать чехословацкое правительство через его посланника в Лондоне о работе конференции [11. P. 144–145. Doc. 69]. Прага, очевидно, придавала исключительно большое значение сотрудничеству с опытным румынским дипломатом, тем более, что второй ее партнер – Королевство сербов, хорватов и словенцев – в период работы Лондонской конференции был поглощен решением внутривосточных проблем². Правда, по признанию самого Титулеску, малые страны не имели особого влияния на ход Лондонской конференции [11. P. 145. Doc. 70].

Как отмечало чехословацкое посольство в Берлине, с внешнеполитической точки зрения “для кабинета Маркса результаты Лондонской конференции означали большой успех”. Наиболее значительным достижением германской дипломатии было решение об эвакуации Рура. Большое значение для восстановления экономики Германии имел заем в 800 млн. золотых марок. Но в самой Германии, отмечали чехословацкие дипломаты, отношение к результатам Лондонской конференции было иным. Там царило убеждение, что германское правительство подпишет Лондонские соглашения только при условии, если Франция немедленно освободит Рур. Поэтому итоги Лондонской конференции воспринимались как уступка германской делегации в рурском вопросе и как успех Франции [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 65. Mimořádná politická zpráva č. 26. (Гавличек – в МИД. Берлин, 1 октября 1924 г.)]. Оппозиция (дойчнационалы, нацисты и коммунисты) выступали с резкой критикой Лондонских соглашений. Была велика опасность, что рейхстаг, заседания которого должны были начаться 22 августа, не поддержит правительство и не примет необходимые законы до 30 августа, когда предполагалось подписать итоговые документы Лондонской конференции. В тех условиях, как отмечал Гавличек в своем отчете в Прагу, активную деятельность развернул Г. Штреземан. Чтобы получить необходимые 2/3 голосов, он вел переговоры с ННП, обещая в будущем поддержать их кандидатов при формировании правительства и вынести на обсуждение рейхстага вопрос о незаконности обвинений Германии в развязывании Первой мировой войны, на чем настаивали дойчнационалы.

Начало заседаний рейхстага, которое ожидалось с большим напряжением, было осложнено бурными выступлениями коммунистов, требовавших амнистии для своих товарищей. Выступление рейхсканцлера В. Маркса о результатах Лондонской конференции и принятии плана Дауэса было перенесено с 22 на 23 августа. Рейхсканцлер, а также выступившие вслед за ним министр финансов Г. Лютер и министр иностранных дел Г. Штреземан, доказывали необходимость принятия плана Дауэса и одобрения Лондонских соглашений. В. Маркс призывал депутатов к осознанию ответственности за судьбу Германии, поскольку отказ от Лондонских соглашений привел бы к ухудшению экономического и финансового положения страны, “означал бы крушение многих надежд гер-

² 17 июля 1924 г. правительство Н. Пашича ушло в отставку, 27 июля к власти пришло правительство Л. Давидовича. Министром иностранных дел стал В. Маринкович (см. [12. S. 251–252]).

манского народа, особенно в оккупированных областях". Германское правительство заявляло, что оно при любых обстоятельствах должно 30 августа подписать Лондонские соглашения, и если рейхстаг не примет необходимые законопроекты, то будет распущен. Гавличек отмечал в своем сообщении в Прагу, что декрет о роспуске рейхстага был уже в руках рейхсканцлера, однако ему не пришлось им воспользоваться. 29 августа рейхстаг принял все необходимые законы. Депутаты от НННП голосовали единодушно против всех законов, которые могли быть приняты и без них, а когда дело дошло до так называемого "железнодорожного закона", для принятия которого было необходимо 2/3 голосов, 48 депутатов-дойчнационалов проголосовали за него. Благодаря им положение правительства было спасено, и 30 августа 1924 г. германский посол в Великобритании Ф. Штамер от имени правительства рейха подписал Лондонские соглашения. Гавличек объяснял такой расклад голосования тем, что НННП не была заинтересована в роспуске рейхстага и в новых выборах, потому что не была уверена в повторении майского успеха. Кроме того, дойчнационалы были связаны обещаниями, данными Штреземану. Со своей стороны рейхсминистр не остался в долгу. 29 августа он сделал заявление, отвергавшее обвинение в развязывании мировой войны, возложенное на Германию Версальским договором, как не отвечавшее "исторической действительности". "Подлинное взаимопонимание и примирение между нациями невозможно достичь, пока не будет выполнено требование немцев, и пока один из членов человеческого сообщества заклеен как преступник против всего человечества", – подчеркнул Штреземан. Это заявление германское правительство обязалось донести до сведения правительств других государств. Гавличек считал его уступкой за голоса депутатов-дойчнационалов, необходимые для одобрения плана Дауэса [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 65. Mimořádná politická zpráva č. 26. (Гавличек – в МИД, Берлин, 1 октября 1924 г.)].

Заявление рейхсминистра о непризнании ответственности за развязывание Первой мировой войны вызвало сильный международный резонанс. Сразу же последовал официальный протест французского Министерства иностранных дел. Французская и бельгийская пресса развернула антигерманскую кампанию. Граф Г. Кесслер, находившийся в то время в Женеве как неофициальный наблюдатель Германии на V ассамблее Лиги Наций и обеспечивавший связь германского правительства с британской делегацией, сообщал, что Р. Макдональд в высшей степени был обеспокоен последствиями, которые может иметь заявление Г. Штреземана. Он просил передать рейхсканцлеру, что Франция и дружественные ей страны полны решимости подтвердить решение Версальского договора о виновности Германии и что военный контроль в связи с заявлением Штреземана будет усилен [13. S. 1026–1028. Dok. 298].

Чехословакия была солидарна с Францией в оценке заявления германского правительства. Об этом свидетельствует сообщение Э. Бенеша в Прагу 6 сентября 1924 г. о переговорах с Э. Эррио и Р. Перетти в Женеве [14. S. 97]. Чехословацкий министр предполагал, что мощная волна протеста, которую вызвало заявление Г. Штреземана, заставит его отказаться от нотификации. Но если бы до этого дошло, Э. Бенеш предупреждал, чтобы чехословацкий МИД ноту не принимал, сославшись на отсутствие в Праге министра [14. S. 98].

Прагу беспокоило то, что на политической авансцене Германии все более укреплялись правые силы, не скрывавшие своих намерений ревизии Версальского договора. В результате выборов в рейхстаг 7 декабря 1924 г. НННП полу-

чила 111 мандатов, сохранив свои позиции как одной из самых влиятельных политических группировок. Чехословацкое посольство в Берлине в своих донесениях отмечало чрезвычайную агрессивность избирательной кампании, которая достигла своего апогея в последние дни перед выборами. Особую активность, указывали чехословацкие дипломаты, проявлял Г. Штреземан, пропагандировавший “национальную реальную политику” Немецкой народной партии, лидером которой он являлся, и выступавший за сотрудничество с НННП. Предвыборные речи Штреземана были настолько густо окрашены в националистические цвета, что германская демократическая пресса напоминала ему, что он еще и министр иностранных дел Веймарской республики [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1924. Č. 83. Řádná politická zpráva za prosinec 1924. (Гавличек – в МИД. Берлин, 13 января 1925 г.)].

Как свидетельствуют донесения Гавличека в Прагу, Г. Штреземан сыграл не последнюю роль в формировании нового кабинета. Попытки реорганизации правительства, предпринятые В. Марксом, закончились неудачно. Он намеревался создать правительство большой коалиции, в которой кроме Центра, Народной и Демократической партий приняли бы участие СДПГ и НННП. Однако последняя такую комбинацию отклонила, а партия Штреземана не соглашалась оставаться в правительстве без представителей НННП. Тогда В. Маркс пытался создать кабинет на другой партийной основе, но каждое новое его предложение встречало противодействие со стороны Немецкой народной партии. Гавличек считал, что на возникновение правительственного кризиса повлияли личные антипатии и разногласия Г. Штреземана и В. Маркса. Когда стало очевидно, что лидер Немецкой народной партии способен заблокировать любое предложение В. Маркса и не допустит его в кресло рейхсканцлера, президент Ф. Эберт предложил Штреземану самому сформировать кабинет. Он взял время на размышление, а на следующий день предложил на пост рейхсканцлера министра финансов Г. Лютера, который не состоял ни в одной партии, но был близок к Немецкой народной партии и пользовался поддержкой Г. Штреземана [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1925. Č. 12. Řádná politická zpráva za leden 1925. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 февраля 1925 г.)].

В новом правительстве, как и в предыдущем, Г. Штреземан сохранил за собой пост министра иностранных дел и оказывал решающее влияние на формирование политического курса. По его предложению в состав кабинета Г. Лютера были введены три министра от НННП: М. Шиле занял пост министра внутренних дел, Г. Шлибен – министра финансов, А. Нойхаус – министра экономики [15. S. 11–12]. Как подчеркивалось в донесении чехословацкого посольства в Берлине, впервые с момента провозглашения республики в состав правительства вошли дойчнационалы – “принципиальные противники Веймарской конституции”. Поэтому Гавличек имел все основания с пессимизмом утверждать, что приход к власти кабинета Г. Лютера знаменовал собой “в германской политике новую эру”. Однако, предположения чехословацкого дипломата относительно того, что включение министров-дойчнационалов в правительство не скажется на внешнеполитическом курсе страны и что они гораздо большее значение будут придавать внутренней политике, борьбе за овладение ведущими постами в сфере управления государством [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1925. Č. 12. Řádná politická zpráva za leden 1925. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 февраля 1925 г.)], в конечном счете не оправдались. Спустя месяц Гавличек писал в Прагу, что дойчнационалы до сих пор не смирились с утратой Эль-

заса и Лотарингии. Что же касается восточной границы, то, как утверждал Гавличек, все политические партии, представленные в правительстве, желали ее пересмотра и отвергали возможность подписания гарантийного пакта с восточноевропейскими странами. В первую очередь имелись ввиду области, перешедшие по Версальскому договору Польше – Гданьский коридор и Верхняя Силезия. Как утверждал Гавличек, Чехословакия, по сравнению с Польшей, в германских планах ревизии восточной границы играла “совершенно несущественную роль” [3. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1925. Č. 15. Rádná politická zpráva za únor 1925. (Гавличек – в МИД. Берлин, 15 марта 1925 г.)]. Но чехословацкие дипломаты были обеспокоены тем, что одновременно с переменами, происходившими во внутренней и внешней политике Германии, наблюдался подъем ирредентистского движения судетских немцев.

В фонде Э. Бенеша в Архиве Института Т.Г. Масарика хранится объемный меморандум, составленный 15 января 1925 г. на основе отчетов чехословацких консульств в Германии. В меморандуме указывалось на рост активности с конца 1924 г. в Германии судето-немецких и других организаций, таких как Volksbund, Hilfsverein für Deutschböhmen und Sudetenländer, Grossdeutscher Grenzverein, создавших за короткое время широкую сеть отделений на местах. Эти организации хорошо финансировались, причем значительная часть денежных средств поступала через Берлин. В консульских отчетах и меморандуме отмечалось, что ирредентистскому движению покровительствовали некоторые германские политики: высокопоставленные баварские чиновники участвовали в организации и в работе местных отделений Hilfsverein für Deutschböhmen und Sudetenländer, присутствовали на их собраниях. Сотрудники австрийского генерального консульства активно участвовали в создании мюнхенского отделения пангерманского союза “Österreichisch – deutscher Volksbund”, штаб-квартира которого находилась в Вене. Ирредентистские организации вели широкую пропагандистскую античехословацкую кампанию, которая особенно усилилась с осени 1924 г. По наблюдению чехословацких дипломатов, их деятельность имела своей целью способствовать финансовому ослаблению Чехословацкой республики, вызвать отказ от выполнения гражданских обязанностей, в первую очередь воинской повинности, а также была направлена на подстрекательство национальных меньшинств к неповиновению и сопротивлению. Ирредентистское движение подпитывалось частыми визитами в Германию судето-немецких политиков: нацисты Р. Юнг, Й. Патцель, Г. Книрш, националист Р. Лодгман, аграрий Й. Майер были частыми гостями в Германии. Их выступления на различных собраниях с резкой критикой чехословацких властей разжигали среди населения Германии враждебные настроения в отношении ЧСР. Свою лепту в формирование античехословацких настроений вносила и германская националистическая пресса. Особое усердие в этом деле проявляла нюрнбергская ежедневная газета “Fränkischer Kurier”, редактор которой, Шардт, как отмечалось в меморандуме, был “закрытым врагом ЧСР”. Излюбленными темами статей, посвященных Чехословакии, в германской националистической печати были угнетение национальных меньшинств, несправедливость земельной реформы, финансовые проблемы, закрытие немецких школ, самоопределение Судетской области [4. E. Beneš. Odd. I. Kr. 191. R 329 s. Německo. Memorandum ([Без подписи]). Прага, 15 января 1925 г.)].

Таким образом, Чехословакия поддерживала усилия великих держав по урегулированию проблемы германских репараций, рассчитывая, что это будет спо-

способствовать стабилизации международных отношений в Европе. После обнаружения плана Дауэса, как свидетельствуют документы посольства ЧСР в Берлине, основное внимание чехословацкой дипломатии было сосредоточено на развернувшейся в Германии внутривластной борьбе вокруг вопроса о принятии данного плана. Чехословацкая дипломатия была обеспокоена тем, что в результате обострения межпартийной борьбы правительство Веймарской республики вынуждено было пойти на уступки Немецкой национальной народной партии, открыв ее представителям путь к власти, что привело к усилению влияния дойчнационалов на внутреннюю и внешнюю политику страны. В сфере внешней политики это влияние проявилось в стремлении к ревизии восточной границы Германии, в поддержке ирредентистских организаций судетских немцев, что не могло не тревожить Чехословакию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джордан В.М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. Анализ англо-французских отношений в период создания и проведения в жизнь Версальского договора. М., 1945.
2. Системная история международных отношений. В 4-х томах. 1918–2000. М., 2000. Т. 1.
3. Archiv Ministerstva zahraničních věcí České Republiky. Praha.
4. Archiv Ústavu T.G. Masaryka. Praha.
5. План Дауэса. Финансовое восстановление Германии. Доклад комиссии Дауэса. М., 1925.
6. Bericht des ersten Sachverständigenkomitees. (Dawes und ander. Paris, den 9. April 1924) // Verhandlungen des Reichstags. II. Wahlperiode 1924. Anlagen zu den stenographischen Berichten. Berlin, 1924. Bd. 382.
7. Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung. Bonn.
8. Лондонская конференция (16 июля – 16 августа 1924 г.). М., 1925.
9. *Beneš E.* Cirkulární telegramy 1920–1935. Praha, 2002.
10. *Česke slovo.*
11. *Titulescu N.* Documente diplomatice. București, 1967.
12. *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Zagreb, 1986. Kn. 1.
13. Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Die Kabinette Marx I and II. 30. November 1923 bis 3. Juni 1924. 3. Juni 1924 bis 15. Januar 1925. Boppard am Rhein, 1974. Bd. 2.
14. *Edvard Beneš* (diplomat na cestách). Depeše z padesáti zahraničních cest ministra Beneše 1919–1928. Praha, 2000.
15. *Stresemann G.* Vermächtnis. Berlin, 1932. Bd. 2.

М. ЙОВАНОВИЧ. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. 487 С.

Даже в историографии Русского зарубежья Балканы, эта периферия Европы, не привлекали особого внимания исследователей, увлеченных русскими Парижем, Берлином, Прагой. Там можно было развернуться, нарисовать картину русского искусства, русской культуры, русской мысли, представить во всей глубине “миссию русской эмиграции”. А что Балканы!? – так, последнее прибежище неисправимых монархистов, этих фанатиков-мечтателей, “продувших” Россию.

Конечно, можно в ответ услышать, что и Балканы не были обойдены русской культурой, там даже, бывало, гостили знаменитости – выступал сам Шалляпин. Были даже какие-то выставки, съезды, работал театр, издавались газеты, журналы, действовали разные учебные и научные заведения, и еще что-то подобное. Могу добавить, что балканская тема, подаваемая прежде всего через Сербию, чрезвычайно благодатна для размышлений о славянской взаимности, замешанной всегда на риторике, иногда на политиканстве, а порой и на невежестве. И если все же о русских беженцах в Сербии имелись исследования, то о наших соотечественниках в Хорватии, Словении, других землях королевской Югославии было известно очень мало. Худшая ситуация сложилась с освещением жизни русских в “провинциальных” Румынии, Греции.

Причина проста: на все страны историков культуры не хватает – всех, как когда-то и русскую культурную элиту, ма-

нит Париж и иже с ним. И тройка–пятерка отечественных исследователей, в основном работающих на Сербию, погоды не делают. Наш недостаток еще и в том, что мало архивных материалов, в наших библиотеках нет многих книг, изданных за рубежом и посвященных эмиграции. Назову только один труд – Владислав Альбинович Маевский, его знаменитая книга о русских в Югославии, изданная в 1966 г. в Нью-Йорке, до сих пор не переиздана в России. А если и есть чего-либо в избытке, то это бродячих сюжетов, например из области прекраснородушного просвещения. Здесь гораздо безопаснее чувствовать себя, нежели на политической кухне русских Балкан, еще ждущей своих исследователей.

Но было бы неправомерно утверждать, что все так плохо. Плохо было раньше. Сейчас отвратительно. Первым и последним до настоящего времени фундаментальным исследованием на русском языке была вышедшая в Харькове в 1996 г. книга украинского историка В.Д. Козлитина “Русская и украинская эмиграция в Югославии. 1919–1945”. Российские ученые вместе с сербскими коллегами смогли выпустить в 1996 г. сборник статей “Русская эмиграция в Югославии”. И, конечно, есть отдельные статьи, рассыпанные по разным изданиям, опять-таки в основном посвященные королевской Югославии.

Совершенно иная ситуация с исследованиями по русской эмиграции у наших балканских коллег, у болгар, македон-

цев, сербов, словенцев, хорватов, активно и плодотворно работающих в этой сфере исторического знания. Назову только последние труды из XXI в.: Болгария – Цв. Кыосева “Руската емиграция в България” (2002), Македония – А. Стерьовски “Битола: руската колонија” (2003), Сербия и Черногория – Н. Палибрк-Сукич “Руске избеглице у Панчеву 1919–1941” (2005), Словения – R. Pulko “Ruska emigracija na slovenskem 1921–1941” (2004), Хорватия – посвященный русским эмигрантам в Хорватии целый номер журнала “Кпнјжевна smotra” (№ 119, 2001). Сюда могу добавить изданный в 2001 г. труд “Бялата емиграция в България”, составленный по материалам международной научной конференции, проведенной в Софии 23 и 24 сентября 1999 г. Из XX в. назову только один – знаменитый белградский сборник трудов в двух томах “Руска емиграција у српској култури XX века” (1994).

Свой немалый вклад вносят и потомки русских, живущих за рубежом. Позволю себе назвать два имени. Алексей Борисович Арсеньев, известный не только своей книгой “У излуцины Дуная: очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду” (1999), многочисленными статьями, трудами по составлению русского некрополя на землях распавшейся Югославии, но и щедрой помощью исследователям русского Зарубежья. Иоанн Николаевич Качаки, живущий в Амстердаме, – автор переизданного в 2003 г. в Белграде фундаментального труда “Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944”.

Итак, из этих строчек видно, что основными объектами внимания исследователей были русские на болгарских и югославских землях, точнее, вопросы культуры и отношения власти и общества к “братушкам”. Причем наибольший интерес у исследователей вызывала русская Сербия, вернее, русский Белград, где сконцентрировалась русская элита.

На первый взгляд даже странно, что такой разнохарактерный регион уже по своим связям с императорской Россией, русофильством и русофобством, уровнем культуры, не был ранее предметом объемного исследования. Естественное объ-

яснение можно искать только в одном: должно было пройти определенное время, необходимое для накопления и осмысления суммы знаний, позволяющей выйти на новый уровень, подняться от частного к общему.

Именно эта задача и решается на страницах книги сербского историка М. Йовановича, давно известного своими разысканиями по истории русской эмиграции на Балканах. Его труд интересен по нескольким причинам. Во-первых, на солидном источниковом материале, о котором можно только мечтать российскому историку, воссоздается история русской эмиграции в православно-славянском регионе, что уже крайне интересно, учитывая всю несхожесть балканских земель, где на одном полюсе русофобская Румыния, на другом – неславянская Греция, а в центре конгломерат из осколков великих империй-культур. Во-вторых, разыскания автора дают обильную пищу для размышлений при сопоставлении Балкан с другими центрами эмиграции – наследницей Римской империи католической Европой, экзотическим Китаем. В-третьих, сумма информации о пути беженцев, условиях жизни, процессах вживания в балканское общество заставляет задуматься над феноменом балканского ареала русской эмиграции. В-четвертых, для труда М. Йовановича характерно разнообразие подходов: здесь и взгляд историка с некоей высоты на происходившие процессы, позволяющий обобщить анализируемую информацию по всему балканскому региону, и обращение к страноведческому принципу исследования русской эмиграции, тут и проблемно-тематический подход, необходимый для выхода на новые рубежи. Активно привлекаемый автором различный статистический материал позволяет не только существенно расширить представления о мире эмиграции, но, самое главное, дает право говорить о социологии истории в книге М. Йовановича. Кстати, сама структура книги, состоящая из элементов-глав – “Политика”, “Группа”, “Общество”, “Человек”, их содержание может свидетельствовать об этом. В-пятых, содержащаяся в книге информация нередко имеет не только “балканский ха-

ракти”, но и выводит на более высокий уровень, например, страницы об эмигрантских организациях, в частности, РОВСе. В-шестых, заслуживает интереса и такая форма освоения и познания истории, как обращение к самому человеку, его горестям и обретениям. В-седьмых, включение в текст информации о политике СССР по отношению к эмиграции заставляет задуматься над строительством “новых небес”, возводимых и в Советской России и в русском рассеянии.

Сама тема, избранная М. Йовановичем, обусловила широту подаваемой информации. Здесь и политика от международной до партийно-государственной, создание и деятельность эмигрантских организаций, взглядов, теорий, объяснений гибели и возрождения России от евразийства до “Молодой России” и НТС, от “оборонцев” до “пораженцев”, от антисемитизма до фашизма. Все это дает достаточно яркое представление о сложности возникновения эмигрантского мира и неоднозначности политики принимавших беженцев стран, начиная с Турции. Отличное знание проблем, связанных с переселением русских на Балканы – с этой темой связана ранняя работа М. Йовановича (1996), посвященная вселению русских в Королевство СХС в 1919–1924 гг. – позволяет значительно обогатить наши знания по размещению, численности, социальным характеристикам вынужденных переселенцев. Обширные статистические выкладки по странам, цифры, даты, факты дают возможность не только в деталях проследить передислокацию русских частей на Балканы, но и получить ценнейшую информацию по их половой, религиозной, национальной, образовательной, профессиональной структурам, по проблемам трудоустройства, материального положения и связанной с ними темой социального нивелирования, по вопросу материальной обеспеченности, что может быть полезным не только для “чистых” историков, но и политологов, социологов, демографов.

Панорамность видения процессов, проникновение в глубину происходившего – все это характерно для книги, но, к сожалению, есть места, где наблюдается некоторая беглость. В качестве примера

можно назвать две главки. Первая озаглавлена – “Миссия” или “Общество в изгнании”: социологические, структурные и исторические особенности русской эмиграции. Здесь сама заявленная тема требует большего раскрытия не в том, что соединяло, а в части несогласий, противоречий, разности судеб русской эмиграции, где, повторяю, расхождений было больше. Поэтому утверждение эмиграции как некой социальной группы мне представляется дискуссионной. Вторая посвящена правовому статусу. Тут автор рассматривает и советское законодательство по эмигрантам, их международное правовое положение, законодательные нормы балканских государств. В целом все изложено четко. Но автору все же следовало бы подчеркнуть, что в том же Королевстве СХС по отношению к русским действовал своеобразный режим наибольшего благоприятствования, когда на нарушения законов в сфере трудоустройства власть закрывала глаза.

В исторической литературе сравнительно недавно – с ослаблением и крушением СССР – получила большое распространение тема, обозначенная местоимениями “мы” и “они”. Стали популярны исследования по “образу другого”. Но в сущности, отношения между людьми всегда были одним из элементов исследования. Поэтому освещение этой темы у М. Йовановича вполне органично и не нуждается в цитатных подпорках. На основании большого корпуса различных по характеру материалов автор рисует многоцветную картину восприятия русских населением балканских земель. Эта красочная гамма в очередной раз как подтверждает стереотипы, так и ломает их. И славянская взаимность не раз давала сбои в государственной политике балканских земель. В то же время хочу подчеркнуть, что отношение к русским в той же католической Хорватии, где их было гораздо меньше, нежели в православной Сербии, было неоднозначным: следует помнить, что в высших учебных заведениях Загреба работали русские профессора, обучались сотни русских студентов, а русский вклад в театральную культуру Хорватии не отрицался. Интересны материалы о восприятии русскими бал-

канского мира, замечания о его отсталости, патриархальности, простоте жизни. Все это так, но такие высказывания можно было прочесть и на страницах русской прессы почти столетней давности. В сущности, их чтение подтверждает ту мысль, что каждое поколение открывает и пишет свою историю, зачастую повторяя написанное ранее. Это не стереотип, а нечто другое, связанное с неким непрерывным открытием давно изведенного.

Чувство сохранения национального самосознания в эмигрантах, физически оторванных от Родины, но хранящих ее в своей душе, прекрасно передано у М. Йовановича через воспоминания изгнанников, стремившихся сберечь себя и своих детей русскими. Правда, в этой главке о самоидентификации есть строки, вызвавшие у меня недоумение. Автор говорит, что “беженцы с трудом находили культурные и социальные образцы, с которыми они могли бы идентифицироваться. Отождествление такого типа, которое способствовало бы их скорейшей интеграции в новое общество, в основном сводилось к трем элементам: православной вере, “славянству” как социальному идеалу и в определенной степени к институту монархии” (С. 227). Здесь я поставлен в тупик: почему же православный человек из славянской России “с трудом” мог войти в мир православных славянских земель, например, того же Болгарского царства? Видимо здесь речь идет все же не о позиции автора, а просто о неудачном выражении.

Конечно, в книге есть знакомые имена, известные уже по другим исследованиям сюжеты, “старые проблемы”, например история РОВСа, кочующая по различным штудиям, связанным с русской армией в изгнании. Но, как я уже сказал, каждый историк, каждое поколение пишет свою историю, на что имеет полное и безусловное право, равно как и то, что абсолютной новизны в истории не бывает, все мы опираемся на труды предшественников, коллег по ремеслу. В случае с книгой М. Йовановича нужно подчеркнуть, что в ней удачно сочетаются и взаимодополняются известное с неизвестным, новое с устоявшимся. Именно рассмотрение в комплексе стран

балканского региона, где Румыния с Грецией есть terra incognita, позволяет значительно расширить историческое знание всего региона. Это ясно просматривается в сюжетах о РОВСе, Русской церкви, Русском совете, государственных и неправительственных учреждениях. Подаваемая в книге сжатая информация о последних, например о Российском обществе Красного Креста, о Российском обществе Белого Креста, позволяет шире взглянуть на благотворительную деятельность. Хотя можно было бы здесь рассказать и о помощи русским со стороны Британского общества Красного Креста, и о миссии лорда Уитгимора, много сделавшего для русской молодежи в сфере образования. Но это все же тема специального исследования, и все вместить в книгу невозможно.

В исследовании М. Йовановича представлена и деятельность разнообразных эмигрантских организаций, действовавших в Болгарии и в Королевстве СХС. Здесь и общества взаимопомощи, и союзы врачей, инженеров, педагогов и другие объединения. Небольшая деталь: в книгу помещена статистическая таблица о видах предпринимательской деятельности в Королевстве СХС и в Константинополе на начало 1920-х годов, позволяющая судить о характере и формах деловой активности русских. Свое отражение в тексте нашло и просвещение, которое не раз было объектом внимания историков. Но автор и здесь, этой, казалось, избитой теме сумел придать свежесть при помощи интересных статистических таблиц. Отмечу, что, как и во многих других местах речь в монографии идет о русских в Константинополе, Болгарском царстве и Королевстве СХС, центрах сосредоточения эмигрантов на Балканах. Румыния и Греция практически отсутствуют: вторая по причине крайней малочисленности русской колонии, первая вследствие ярко выраженной запретительной политики румынских властей по отношению к русскому просвещению, как впрочем и в других сферах.

Сжато дана картина русской культуры – наука, русская книга, изобразительное искусство, архитектура, театр, журналистика. Конечно, здесь можно было

бы нарисовать широчайшее полотно по каждой из ее сфер. Но, как я понимаю, автор был стеснен в объеме книги и поэтому не мог развернуться. Однако показано главное – русский талант, вклад в культуру Болгарского царства и Королевства СХС.

Весьма непривычно, но интересно читать помещенные автором в книгу строки воспоминаний, связанных с психологическими ощущениями русского человека, вырванного из привычного быта, перенесенного на чужую почву. Здесь чувства, ощущения, эмоции дают возможность как сопереживания, так и более яркого восприятия трагизма русского изгнанника, который при всех тяжелых испытаниях все же остается верен своей Родине, своей России. Об условиях жизни, трудоустройстве, социальном положении, семье и браке, женщине в эмиграции, детстве вне родины, религиозности, а в целом о быте со всеми его горестями повествуют написанные достаточно добротно заключительные разделы монографии М. Йовановича. Пожалуй, мне

больше всего были интересны сюжеты о семье и браке, снабженные статистическими выкладками, позволяющими получить ценную информацию об этой почти не исследованной стороне эмигрантской жизни. Отлично представлены “картинки” из русского быта, когда и на чужбине эмигранты старались воссоздать свой привычный мирок. И, разумеется, достойны внимания строки автора, посвященные положению женщины, ее жизни в обществе, в искусстве, в делах милосердия. Надо надеяться, что в будущем появится и отдельная книга о русской женщине в изгнании.

И как итог: эмиграция всегда интересна уже тем, что дает исследователю возможность показать человека в непривычных условиях, когда нарушены почти все прежние нормы жизни. Книга М. Йовановича дает сумму информации, позволяющую восполнить многие пробелы в этой области человеческого знания. А это главное для автора и читателей.

© 2007 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 4

Белоемиграција у Југославији. 1918–1941. Београд, 2006. Т. I. 506 С.; Т. II. 359 С.

Белоемиграција в Југославији. 1918–1941

В конце 2006 г. в Белграде благодаря усилиям двух сербских историков – Т. Миленковича и М. Павловича – вышел в свет труд с необычной судьбой. Он написан более полувека назад неизвестными русскими эмигрантами, оказавшимися в югославских застенках после советско-югославского конфликта 1948 г. Написан не по доброй воле, а по приказу тюремщиков.

В то время довольно много русских эмигрантов оказалось в тюрьмах, так как югославские власти видели почти в каждом из них потенциального советского шпиона. С другой стороны, правительство практически ничего не знало о русской эмиграции, об ее истории, пред-

ставителях, политических партиях и идейных течениях. В такой ситуации югославская УДБа (управление государственной безопасности) организовала нечто, похожее на советскую “шарашку”, в которую были отобраны заключенные из числа русских эмигрантов, способные по своим профессиональным навыкам написать труд по истории белоемиграции в Югославии. Этим заключенным были созданы относительно сносные условия для работы, включая и возможность пользоваться необходимыми документами, русскими газетами и журналами.

О процессе написания книги рассказали в своем предисловии ее современные

публикаторы Т. Миленкович и М. Павлович. Работа сложилась в два этапа. Вначале, уже в 1949 г., появилась небольшая 108-страничная рукопись (Т. I. С. 18). Однако она, по-видимому, не получила одобрения у заказчиков, вследствие чего работа была продолжена. Причем не ясно, произошли или нет изменения в авторском составе. Но в любом случае, их по-прежнему было несколько и им были предоставлены новые материалы, в частности из фондов министерств внутренних и иностранных дел.

На этот раз заключенные не спешили, все же жизнь в “шарашке” заметно отличалась от тюремной или лагерной. Как отмечают составители, при всех трудностях эта жизнь “в любом случае была несравнима лучше, чем на Голом отоке”, и, вероятно, лишь к 1953 г. появился первый вариант нового рукописного текста (Т. I. С. 19). Затем текст долго перепечатывался на пишущей машинке, причем при перепечатке машинистками было допущено много ошибок, особенно в именах и географических названиях (Т. I. С. 19).

Рукопись была разделена на две части или книги, в конце каждой из них помещен именной указатель, оба составляли не сами авторы, и в них было также довольно много ошибок. В конце второй части находилось 25 документов без указания, откуда они были взяты. Вся рукопись под грифом “секретно” была перепечатана в количестве 172 экземпляров, озаглавлена “Белоэмиграция в Югославии. 1918–1941” и датирована: “Белград, январь 1955 г.” (Т. I. С. 20–21).

Итоговый труд содержал 10 глав: “Белоэмиграция до прибытия в Югославию”; “Прибытие белоэмигрантов в Югославию”; “Жизнь белоэмигрантов в Югославии”; “Деятельность белоэмигрантов в Югославии в сфере образования и науки”; “Художественная и литературная жизнь белоэмиграции в Югославии”; “Политические течения, партии и организации белоэмиграции”; “Военная эмиграция”; “Русская православная церковь в эмиграции”; “Отношение бывшей Югославии к белоэмигрантам”; “Иностранные государства и белоэмиграция”.

Предваряло произведение русских эмигрантов совсем небольшое предисло-

вие, которое написал высокопоставленный сотрудник УДБ, скрывшийся за инициалами В. Б. Он дал труду эмигрантов следующую характеристику: “Эти материалы (собранные в две книги) изложены как сухой исторический справочник – другого характера они иметь не могут. Нет серьезного анализа, нет правильных политических оценок... Цель этих материалов прежде всего – быть историческим справочником, предназначенным в помощь оперативным работникам при решении проблем, связанных с белоэмиграцией, которая и сегодня служит важной базой для советской разведывательной службы” (Т. I. С. 21–22).

В наши дни такая критика звучит как комплимент. Значит, находившиеся в югославской шарашке эмигранты не стремились полностью угодить своим заказчикам и смогли все-таки остаться достаточно объективными. Но, конечно, заключенные авторы не были свободны в своем творчестве (“нет свободы в тюрьме!”). Т. Миленкович и М. Павлович справедливо подчеркивают, что узники “знали, что от них ожидают и шли на встречу этим ожиданиям, не желая ухудшать свою и без того тяжелую жизнь в заключении” (Т. I. С. 23).

Судьба распорядилась так, что многолетний труд русских эмигрантов перестал быть актуальным к моменту своего завершения. В советско-югославских отношениях началась так называемая нормализация. В том же 1955 г., когда работа над рукописью была закончена, состоялся визит Н.С. Хрущева в Югославию, в следующем году – ответный визит И. Броз-Тито в СССР. Соответственно и в русских переставали видеть только советских шпионов. Однако еще долго главный исторический труд эмигрантов, их своего рода “автопортрет”, оставался в ведении госбезопасности. Лишь в начале 70-х годов прошлого века рукопись книги “Белоэмиграция в Югославии” (экземпляр № 161) и некоторые другие, созданные в шарашке документы, были переданы на хранение в архив белградского Института современной истории. И вот теперь, спустя полвека история русских эмигрантов, написанная ими самими, наконец увидела свет.

О русской эмиграции в Югославии уже довольно много написано. Краткий обзор историографии этого вопроса дали в своем предисловии и Т. Миленкович с М. Павловичем. Не ставя специальной задачи по освещению этого вопроса, они ограничились лишь сербской (югославской) историографией, да и то упомянули только несколько газетных очерков и состоявшиеся в Белграде в 1993 и 1997 гг. две научные конференции. Но все же стоило, наверное, хотя бы упомянуть этапные монографические работы сербских ученых О. Джурича (*Бурић О. Руска литерарна Србија. 1920–1941*. Београд, 1990), М. Йовановича (*Јовановић М., До-селавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924*. Београд, 1996; *Јовановић М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940*. М., 2005), а также книгу А. Арсеньева “У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду” (М., 1999).

Однако, если ссылки на некоторые работы сербских исследователей еще встречаются в комментариях на страницах двухтомника, то совсем ничего не сказано ни в предисловии, ни в комментариях о других воспоминаниях русских эмигрантов, в том числе и об известной книге В. Маевского “Русские в Югославии” (Нью-Йорк, 1966), а также о довольно обширной уже российской (советской) литературе на эту тему. Напомним только, что первыми были доцент исторического факультета МГУ В.А. Тесемников (Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопросы истории, 1988, № 10) и академик РАН Ю.А. Писарев (Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история, 1991. № 1).

В целом комментарии в книге могли бы быть более развернутыми и полными. В подготовке труда русских эмигрантов к печатки ощущается некоторая спешка, возможно, оправданная, если учесть, что он и так пролежал почти в неизвестности с 1955 г. Но все-таки стоило, например, попытаться узнать имена авторов труда, сделать запрос в соответствующие органы, какие-то следы обязательно должны остаться.

Главное достоинство вышедшей в свет двухтомной публикации прежде всего в том, что она вводит в научный обо-

рот новый обширный материал. Все занимавшиеся историей русской эмиграции в Югославии давно заметили, что подавляющее большинство работ по ее изучению посвящены преимущественно прибытию и размещению эмигрантов в Югославии, их культурной и научной деятельности, а также описанию отдельных эмигрантских учреждений. Гораздо меньше внимания уделялось политическим партиям, течениям, идеям. По этим вопросам было меньше всего документального материала. Но как раз эти вопросы больше всего интересовали УДБу, на них сконцентрировались и безыменные авторы опубликованного труда. Именно эти вопросы наиболее интересны и сегодняшнему читателю.

А раз так, то остановимся чуть подробнее на VI главе, которая так и называется – “Политические течения, партии и организации белоэмиграции”. Глава разделена на три части: “Монархисты”; “Либерально-демократические течения в белоэмиграции” и “Сепаратисты”. Каждая из этих частей в свою очередь делится на параграфы и подпараграфы, соответствующие разным направлениям в идейно-политических течениях.

Так, монархисты подразделяются на легитимистов, поддерживавших права на русский престол великого князя Кирилла Владимировича; антилегитимистов, выступавших за кандидатуру великого князя Николая Николаевича, и бонапартистов, ратовавших за установление в России военной диктатуры. Здесь же речь идет о Союзе младороссов А. Казем-Бека, Народно-монархическом объединении, Национально-трудовом союзе нового поколения, всевозможных организациях фашистского толка, в том числе и о “Молодой России”. Причем авторы специально отмечают, что последнюю организацию ни в коем случае нельзя путать с движением младороссов (Т. I. С. 409–410). Это предупреждение не утратило своей актуальности, так как младороссов и “Молодую Россию” в историографии до сих пор смешивают. В этом же разделе говорится о евразийцах, организации Торгпрома, Лиге Обера и других организациях и идейных течениях.

В главе, посвященной либеральным и демократическим движениям, говорится

о Земгоре, сторонниках Республиканско-демократического объединения П. Милукова, “Крестыанской России”, эсерах, русских массонах и т.д. Наконец, в разделе “Сепаратисты” речь идет о существовавшем в рядах эмигрантов украинском сепаратизме (“Украинская громада”, “Украинский фашистский сдвиг”), сепаратизме казаков (кубанские, донские, терские и свободные казаки) и калмыков.

Во втором томе труда отдельные главы посвящены “Военной эмиграции” и “Русской Православной Церкви в эмиграции”. Наверное, такое внимание совершенно справедливо. Ведь именно тем, что Югославия стала центром Русской армии и Русской церкви в изгнании, и знаменита прежде всего история русской эмиграции в этой стране. И хотя эти сюжеты уже находили отражение в историографии, читатель узнает много нового, тем более увиденное глазами самих эмигрантов. Особое место в книге занимает отношение к белой эмиграции югославского руководства, а также правительства Советского Союза, Германии, Великобритании, Франции, стран Малой Антанты, США и Японии.

Вместо заключения труд завершает раздел, озаглавленный “Белоэмиграция как политический и социологический феномен”. В истории русской эмиграции авторы труда выделили три периода. Первый – после отъезда из России и до 1925 г., когда еще существовала уверенность, что советский режим быстро рухнет и появится возможность вернуться. Второй период длился до 1932 г., когда стало ясно, что такая возможность откладывается на неопределенное время. Для этого периода характерны, с одной стороны, распад воинских формирований, принятие эмигрантами нового гражданства, появление апатии, а с другой – относительное усиление левых взглядов, отстаивавших известный компромисс с большевиками или, по крайней мере, социальные реформы. Наконец, третий период длился до Второй мировой войны. В это время в среде белоэмигрантов появились различные фашистские или нацистские течения. Эмигранты разделились на две диаметрально противоположные части – пронацистскую и прозападную. Пассивность опять сменилась активно-

стью на краях политического спектра (Т. II. С. 291–292).

Вся жизнь эмигрантов была посвящена двум основным идеям: во-первых, свержению советской власти и возвращению в Россию; во-вторых – занятию доминирующего положения в той будущей России. И если первая идея эмигрантов еще как-то сплывала, то вторая – делила их на многочисленные группы, которые все силы посвящали борьбе друг с другом (Т. II. С. 290). Вместо солидарности и взаимопомощи в чужом краю русскую эмиграцию отличали партикуляризм, политическая раздробленность, разобщенность. Попытки объединения предпринимались постоянно, все 20 лет существования эмиграции в межвоенный период, но окончились безрезультатно (Т. II. С. 293).

Большинство эмигрантов первого поколения, за исключением известного числа ученых, деятелей культуры и предпринимателей, не смогли адаптироваться к новым условиям, были подвержены процессам деклассирования и деморализации. Только второе поколение, уже выросшее или родившееся в эмиграции, смогло сжиться с новой действительностью. Однако и у большинства молодежи сохранилось противоречие между необходимостью приспособляться к этой действительности и сильным влиянием русской среды, из которой она происходила. Этот эволюционный процесс адаптации был прерван начавшейся Второй мировой войной, которая породила совсем другие проблемы, связанные с эмиграцией (Т. II. С. 295–296).

Таков в общих чертах взгляд авторов на историю эмиграции в Югославии. Свою работу они писали по принуждению и, естественно, не рассчитывая на публичность. Но теперь их труд стал достоянием общественности. Какую бы оценку ни давали они своим товарищам по эмигрантской судьбе, они сохранили их имена для истории, а своим потомкам оставили важный документ, о котором еще обязательно будут писать и спорить.

Альфред Людвигович Бем / Всеволод Измайлович Срезневский. Переписка. 1911–1936 / Сост., коммент. А.Н. Горяинов, М. Бубеникова. Брно, 2005. 183 С.

Славистическим обществом Франка Вольмана при философском факультете брненского университета им. Т.Г. Масарика (Чехия) издана переписка двух выдающихся русских филологов первой половины XX в. – А.Л. Бема и В.И. Срезневского. Составители издания – чешский и российский ученые, Милуша Бубеникова и Андрей Николаевич Горяинов, представившие публикацию вступительной статьей, озаглавленной “О невосполнимых потерях: Альфред Людвигович Бем и Всеволод Измайлович Срезневский”.

За последние годы имя Альфреда Бема (1886–1945?), одного их ярчайших филологов русской эмиграции, заняло прочное место в отечественной науке, его имя появилось в институтских учебниках, а “Письма о литературе” по праву считаются классикой русского литературоведения XX в. Более 20 лет прожил А. Бем в Праге, этих “русских Афинах”, где обрели пристанище многие выдающиеся деятели российской науки. Жизнь А. Бема трагически оборвалась в застенках НКВД после вступления в Прагу советских войск.

Всеволод Срезневский (1867–1936), сын выдающегося слависта и этнографа И.И. Срезневского, чья научная жизнь прошла в стенах Библиотеки Академии наук, не покинул в послереволюционные годы Россию, оставшись в родных академических стенах, и испытал все ужасы голода, разрухи и мрачной атмосферы репрессий сталинской России.

Подробные примечания к предисловию и текстам писем позволяют воссоздать окружение обоих ученых, их труды, обстоятельства жизни. Дополняют издание письма, адресованные и написанные другими корреспондентами (А. Чертковой, В. Тукалевским, Т. Крюковой, Н. Вукотич, В. Бонч-Бруевичем и др.),

которые составители поместили в приложении к основному тексту.

Переписка, собранная в архивах Чехии и России, охватывает четверть века, 1911–1936 гг., годы войн, революций, изгнания. Первое письмо Альфреда Бема Всеволоду Срезневскому написано 18 марта 1911 г. из Киева, последнее – 20 июня 1936 г. из Праги. На страницах писем звучат живые голоса людей, чьи судьбы искалечила история, их непосредственная реакция на войны и революции, их горячее желание невзирая ни на что продолжать свой диалог “поверх барьеров”.

Начавшееся как переписка ученика с учителем, это общение впоследствии становится для обоих интеллектуальным и эмоциональным убежищем, где один из собеседников страдает в эмиграции от отсутствия привычной научной среды, российских университетских библиотек, архивов, необходимых для продолжения занятий русской литературой; другой тяжело переживает подчинение академической жизни диктату большевистской партии.

Судьба Альфреда Бема необычна и вместе с тем типична для человека той эпохи: “кабинетный” ученый попал в водоворот Первой мировой и Гражданской войн, скитался по Европе, жил в Белграде и Варшаве, пока “Русская акция”, помощь президента Чехословакии Т.Г. Масарика русским эмигрантам, не привела его в Прагу.

Родился А.Л. Бем в Киеве, в немецкой семье, и судьба его начиналась так же, как судьба многих студентов царской России начала XX в. – участие в студенческих волнениях, исключение из Петербургского университета. В первом из сохранившихся писем Срезневскому он сетует на необходимость покинуть Пе-

тербург: “Отделался я сравнительно легко во всей этой истории, но еще трудно учесть все ее последствия. Охотно отсидел бы несколько месяцев, лишь бы не выслали из Петербурга”. В Киеве будущему ученому все же пришлось провести в заключении около двух месяцев, что, однако, не помешало ему сдать выпускные экзамены в университете. В 1913 г. А. Бему удалось вернуться в Петербург, где в Библиотеке Академии наук он занимался изучением и обработкой материалов наследия Л.Н. Толстого. В те годы он особенно тесно сблизился с В.И. Срезневским, которого всю жизнь считал своим учителем. Письма Бема Срезневскому тех лет повествуют о сложностях жизни его семьи в первые военные годы (родители А. Бема являлись прусскими подданными и подлежали высылке), о работе над научными статьями и изданиями. Эти строки, написанные почти сто лет назад, – дошедшее до современного читателя живое свидетельство быта, интересов, обстоятельств жизни русской дореволюционной интеллигенции: постоянные денежные затруднения, бытовые и административные хлопоты и горячее желание трудиться.

«Доверенности не посылаю, – пишет в мае 1914 г. А. Бем из Киева, – так как в Киев деньги все равно не поспеют, а в деревне получение их хлопотливо. Благодаря 75 р., присланным Вами, могу обойтись без этих денег до возвращения в Петербург ... Нередко вспоминаю Рукописное и, право, временами предпочел бы сидеть за своим “столом” с беспорядочно разбросанными книгами и бумагами, загроможденном ящиками...». В этот же период А. Бем пытается помочь своему брату, которому грозит высылка за участие в революционной деятельности: “Все хлопочу по делу брата... Об оставлении его в России уж и думать перестал, рад был бы, если б хоть этапа удалось избежать и недели две сроку ему выхлопотать. Если ему разрешат на свой счет в сопровождении стражи ехать, то это будет немало стоить, но трудно ему отказать в этом облегчении”. В примечаниях составители рассказывают о дальнейшей судьбе брата Альфреда Бема Отто Людвиговича (1893–1937). Тогда, в 1914 г.,

за участие в студенческих волнениях он был сослан в Вятскую губернию, продолжил революционную деятельность и в советское время стал одним из руководителей комиссариата просвещения РСФСР; погиб во время сталинских репрессий.

Уже в молодые годы проявился выдающийся организационный и педагогический талант А. Бема – в 1915 г. он создает кружок молодых литераторов (его посещали А.С. Долинин, Е.П. Казанович, В.Н. Княжнин), участвует в работе семинара С.А. Венгерова. В этот же период ученый начинает интересоваться творчеством Ф.М. Достоевского, ставшим впоследствии главной темой его литературоведческих трудов.

Февраль 1917 г. А.Л. Бем и В.И. Срезневский встретили в Петрограде, как многие представители русской интеллигенции, с воодушевлением. Начавшийся голод заставил А. Бема позже перевести семью в Киев (в 1915 г. А. Бем обвенчался с А.И. Омеляненко, в 1916 г. родилась их старшая дочь Ирина). А. Бем мечется между Петербургом и Киевом, его письма того времени полны горечи. Из письма 23 июля 1917 г.: “В Киеве сравнительно спокойно, события в Петербурге отразились безобразным мощным полубатьковским бунтом. Жуткое дело на фронте. Главное, я не вижу почти никакого выхода из положения. Помогут ли расстрелы? Мне иногда кажется, что люди дошли до такого состояния, когда все равно – лишь бы не война. Когда посмотришь назад, видишь, какая вина на нас всех лежит за этот ужас”.

Письма Бема Срезневскому, остававшемуся в Петербурге – документальное свидетельство о Киеве того времени, переходившем из рук в руки, о днях и месяцах, запечатленных на страницах “Белой гвардии” и “Дней Турбиных” М.А. Булгакова. “Власть Центральной рады, – пишет А. Бем 9 января 1918 г., – очень неустойчива. С одной стороны, нападают большевики... с другой – подкапываются самостийники, которые усилились под влиянием большевистской агитации чрезвычайно. И мы живем в ожидании переворота: либо большевики захватят Киев, тогда все знакомые нам больше-

вистские прелести, или самостийники объявят самостоятельность Украины, и это может кончиться сепаратным миром с Австрией". О большевистском восстании в Киеве А. Бем сообщает своему петроградскому корреспонденту в письме 25 января 1918 г.: "Переживаем мы здесь сейчас жестокие дни. Вот уже больше недели по улицам города идет непрерывно войско. Сегодня третий день город под артиллеристским обстрелом: снаряды рвутся среди домов, залетают в квартиры, пробивая стены, по ночам пожары... Три дня город был без хлеба, без воды, без света. Вот и сегодня. Нет газет, все только знаешь по слухам".

У А. Бема, подобно героям Булгакова, вызывали протест многие стороны жизни гетманской Украины. Из письма 18 апреля 1918 г.: "Здесь украинизация принимает такие уродливые формы, что грешно оставаться пассивным. Кто его знает, как повернется все в будущем, но сейчас под защитой немецких штыков ведется бешеная травля всего, связанного с русской культурой. Я никогда не был националистом, да и сейчас во мне нет этого, но проснулось чувство гордости за свою родную культуру, почувствовал подлинную связь с нею".

Письма А. Бема наполнены тоской по Петербургу, ставшему для киевлянина Бема родным городом: там остались его коллеги, библиотеки, архивы. На каждой странице писем звучит беспокойство об оставленной работе. "Посылаю это письмо через смельчака, который попытается пробраться в Петроград... У меня все брошено на произвол судьбы, главное — остался на квартире Толстовский список, который может погибнуть". А. Бем никогда больше не вернется в Петербург, и единственной ниточкой, связывающей его с этим городом, станет переписка с В. Срезневским.

Обстоятельства отъезда А. Бема из России, как отмечают составители, точно не известны. В 1920 г. через Одессу ученый попадает в Белград, работает в белградском филиале Земско-городского комитета, затем переезжает в Варшаву, где принимает участие в деятельности литературного объединения "Таверна поэтов", публикует серию антибольше-

вистских статей в газете Б. Савинкова "Свобода".

Переписка двух ученых возобновилась после двухлетнего перерыва, когда А. Бем, получив стипендию МИДа Чехословакии, переезжает в Прагу, где пройдет вся его последующая жизнь в эмиграции. В 1923 г. в Прагу смогла перебраться жена А. Бема с дочерьми Ириной и Татьяной. В Чехословакии А. Бем вернулся к научной и педагогической деятельности: он ведет практические занятия по русскому языку в Карловом университете и преподает историю русской литературы в русском Педагогическом институте имени Я.А. Коменского, сотрудничает с чешскими журналами, принимает активнейшее участие в деятельности многочисленных русских общественных организаций, появившихся в те годы в Праге, куда устремились тысячи русских беженцев в надежде на помощь "Русской акции" правительства Т.Г. Масарика. Почти двадцать лет А. Бем отдаст руководству литературным объединением "Скит поэтов" (1922–1940), в 1925 г. создает при Русском народном университете Семинарий по изучению творчества Ф.М. Достоевского.

Но даже эта кипучая деятельность не может заглушить тоску ученого по России, по русской академической жизни: В письмах В. Срезневскому А. Бем признается: "Часто вспоминаю, как мы с Вами мечтали о поездке в славянские земли. Очень меня теперь побросало по свету, и все предстало в ином свете. Я как-то оказался мало способным к жизни вне России. В Праге получил возможность вернуться к научной работе, но все же очень трудно. До чего мы безобразно мало книг своих посылали сюда... Как бы хотелось опять с вами работать" (из письма от 16 апреля 1922 г.).

Подобно многим русским эмигрантам А. Бем видит свою миссию в пропаганде за границей русской культуры. Рассказывая Срезневскому о своей работе в университете, Бем отмечает, что, "может быть, часть слушателей через язык сможет ближе подойти к русскому народу". "Меня поразило, — пишет он В. Срезневскому в октябре 1922 г., — до какой степени мы мало заботились о снабжении на-

шими книгами здешние книгохранилища. Если период первых установлений научных связей представлен чрезвычайно хорошо, то, начиная с 80-х годов, дело обстоит очень плохо. Даже академических изданий многих и многих нет здесь. Над этим в будущем надо будет очень поработать. Я сейчас организую здесь частную русскую библиотеку. Смотрю на это дело так – мы уйдем, а книги ведь останутся, значит надо приложить все усилия, чтобы библиотека осталась вкладом для будущего”.

Тоска по родине и российской академической среде настолько сильна, что в письмах 1920-х годов появляются намеки на возможность возвращения в Россию. “Я очень истосковался, – признается Бем Срезневскому, – и даже боюсь верить, что, может быть, скоро снова будем вместе”. А. Бем мечтает, что В. Срезневскому удастся приехать в Прагу в командировку, и они, наконец, увидятся. Срезневский, со своей стороны, сообщает Бему о встрече в Москве с его братом: “... говорил с ним про Вас и о возможности возврата; начало нужно от Вас”. Бем выспрашивает своего петербургского корреспондента о любых мелочах, связанных с Академией, ее Рукописным отделением и Толстовским музеем, и Срезневский упоминает даже незначительные детали, которые позволяют Бему хотя бы мысленно вернуться в любимые стены: “В старой ротунде около Вашего стола нашелся сверток с какими-то металлическими сосудами – солонки, вазочка или что-то в этом роде... Потом еще нашелся ящичек с сахаром; теперь это не редкость, а было время – так ему и цены не было; я думаю, его можно использовать?” (из письма В. Срезневского 5 декабря 1924 г.).

Всеми силами А. Бем пытается восстановить связь с коллегами в России, понимая, что без научного окружения, не имея доступа к материалам, он перестанет существовать как ученый. Из письма от 1 февраля 1925 г.: “Часто с завистью слежу, сколько сделано за эти годы друзьями по литературной работе, а больше радуюсь. Как ребенок радуюсь, что до сих пор печатаюсь в России”. Письма А. Бема из Праги полны просьб при-

слать книги, сборники, журналы, для исследования творчества Ф.М. Достоевского он заказывает дневник Суловой, сам посылает книги, передает статьи для публикации в России, а эмиграцию сравнивает с “академической командировкой”. Мечтам А. Бема о возвращении на родину не суждено было сбыться: его “командировка” продлилась до конца его трагически оборвавшейся жизни.

Невзирая на внутреннее разочарование и неудовлетворенность А. Бем продолжает как свою научную, так и просветительскую деятельность. В 1930-е годы он становится членом знаменитого Пражского лингвистического кружка, работает в Славянском институте и Чешско-русском объединении (Česko-ruská Jednota), продолжает свою политическую деятельность в партии “Крестьянская Россия”, в рядах которой он состоял с начала 1920-х по 1933 г. В чешской прессе А. Бем публикует многочисленные статьи о русской литературе, в сотрудничестве с Р. Якобсоном готовит четырехтомник переводов на чешский язык произведений А. Пушкина (1937 г.), ведет обширную научную переписку.

Эта насыщенная научная и педагогическая деятельность прервалась с приходом нацистских оккупантов: высшие учебные заведения в Праге были закрыты, и А. Бему в поисках заработка пришлось давать частные уроки, преподавать в гимназиях, читать лекции. Как отмечают составители, «тяжелое материальное положение, ставшее к концу войны почти невыносимым, заставило Бема в январе 1945 г. принять приглашение на работу в библиотеку немецкого фонда Рейнхардта Гейдриха (“Reinhard Heydrich Stiftung”))» (С. 39).

Освобождение Праги от нацистских войск для А. Бема, как и для сотен других русских эмигрантов, обернулось трагедией: А. Бем был арестован органами НКВД, и его дальнейшая судьба и обстоятельства смерти не известны до сих пор.

Почти на 10 лет он пережил своего учителя и корреспондента В. Срезневского, скончавшегося в 1936 г. в Ленинграде.

Письма В. Срезневского А. Бему сохранились, начиная с 1922 г., т.е. со вре-

мен пражской эмиграции его ученика. Ученый подробно делится со своим корреспондентом новостями академической жизни, рассказывает о своей семье, которую Альфред Людвигович хорошо знал. Составители отмечают, что в первые годы советской власти судьба Срезневского, благодаря поддержке В.Д. Бонч-Бруевича (переписка с В. Бонч-Бруевичем вошла в приложение к сборнику), складывалась благополучно. Советская власть принимала во внимание помощь революционному движению, которую, как многие другие представители российской науки и культуры, в 1905–1906 гг. оказывал В.И. Срезневский. Но партийный диктат, постепенно воцарившийся в стенах Академии наук, не мог не сказаться на душевном спокойствии ученого. Наступившие времена были далеки от той научной обстановки в которой вырос и прожил большую часть жизни В. Срезневский. В письме от 14 декабря 1922 г. он пишет: “Вы спрашивали меня как-то про наших старых библиотечных: все умерли... Немного осталось нас старых, помнящих и соблюдающих традиции; вошли всюду люди новые и между прочим отрицательные”.

Составители сборника отмечают, что В. Срезневский не мог смириться с назначением в 1925 г. директором Библиотеки академика С.А. Платонова, который отстранил ученого от руководства Толстовским музеем. “Нынешнее начальство... порядочный человек не может уважать”, – с горечью восклицает он в одном из писем. В этой тяжелой обстановке, усугубившейся подступившими болезнями, В. Срезневский с большой теплотой вспоминает о своем бывшем ученике, сохранившем в эмиграции традиции российской научной среды. “Вы мой близкий, желанный и недостижимый, – пишет он 18 декабря 1926 г. А. Бему, – к Вам часто обращаюсь я мыслями. Вы бы, верно, помогли мне”.

В письмах В. Срезневского начала 1930-х годов то и дело мелькают бытовые подробности – документальные свидетельства бедной и трудной жизни в Ленинграде того времени. Характеризуя дом отдыха, В. Срезневский отмечает:

“...кормят обильно и вкусно, а это ведь такое важное дело в наше время”. Коснулся семьи Срезневского и “квартирный вопрос”, проклятье советских лет: “Наша квартира в позапрошлом году уменьшилась вдвое, а теперь, после смерти сестер, еще уменьшилась, и живет у нас чужое семейство в одной из комнат”.

Репрессивная машина советского режима набирала обороты – против ряда ученых было начато так называемое Академическое дело, связанное, как отмечают составители сборника, с “незаконным” хранением в Библиотеке документов царской семьи. В процессе “чисток” был арестован директор С.А. Платонов, пятеро из двенадцати сотрудников В. Срезневского. Самого ученого обвинили в том, что он собирает “белогвардейские издания”, в его столе был произведен обыск. Не случайно писем 1928–1932 гг. А. Бему не сохранилось. В. Срезневский пытается бороться с административными решениями, принимаемыми невежественным партийным руководством, пагубно сказывающимися на целности фондов Библиотеки. Помощи Бонч-Бруевича и других влиятельных партийных функционеров, включая Луначарского, оказалось недостаточно, ученому пришлось отступить. В 1931 г. В. Срезневский вышел на пенсию, продолжая, тем не менее, вести научную работу до последних дней жизни. Последнее письмо А. Бему было отправлено В. Срезневским незадолго до смерти. Как отмечают составители, творчество и научное наследие В.И. Срезневского в советский период было предано забвению и еще ждет своего исследователя.

Переписка двух выдающихся российских филологов – удивительное документальное свидетельство судеб российских ученых в один из самых тяжелых периодов истории. Издание переписки А.Л. Бема и В.И. Срезневского, безусловно, послужит восполнению потерь, понесенных российской наукой в XX в.

© 2007 г. *Е. Айзпурвит*

Ученое путешествие Ю.Т. Венелина в Болгарию (1830–1831) / Публ. подг. Г.К. Венедиктовым. М., 2005. 158 С.

Два последних юбилея Ю.И. Венелина (1802–1839) – 150-летие со дня смерти и 200-летие со дня рождения – породили большую литературу о нем, ибо по сложившейся уже традиции мы обычно вспоминаем о том или ином деятеле науки или культуры в дни торжественных дат и лишь изредка по заслугам оцениваем своих современников. Литература о Ю.И. Венелине значительна по количеству работ. Библиограф В.В. Ишутин в своем обзоре указал 334 названия, появившихся в печати к 1994 г. [1. С. 148–204]. К настоящему времени данный список пополнился целым рядом сочинений. При ознакомлении с этой литературой можно сделать несколько наблюдений: в XIX в. о Венелине писали преимущественно в России его современники, в том числе и болгары, жившие в России; в XX в. на личность ученого обращается внимание со стороны болгарской науки, а во второй половине XX и в начале XXI в. активность в изучении творческого наследия первого русского болгариста проявили украинские ученые, прежде всего историки Ужгородского университета, почтившие память своего земляка. Именно они были организаторами научной конференции о творчестве Венелина и издания ее материалов [2], ими осуществлена перепечатка некоторых работ Венелина [3], создание популярного варианта биографии ученого [4; 5. С. 82–114]. Отметим, впрочем, что по глубине исследования и фундированности источниками первенство принадлежит русской литературе второй половины XX – начала XXI в.

Многочисленные сочинения о Венелине представлены разными жанрами и не одинаковы по своим научным достоинствам. Эта литература любопытна тем, что если в XIX в. современники отрицали научное значение работ Венелина, то во второй половине XX в., особен-

но в конце его, исследователи находят в наследии Венелина много полезного для современной науки, а некоторые авторы пишут о нем в панегирическом духе (см. об этом [6]).

Кроме того, в имеющейся литературе встречается много ошибок, неточностей и просто вымысла. При этом ошибки и неточности повторяются из статьи в статью, в том числе и до настоящего времени. Чтобы в какой-то мере исправить такое положение, необходимо обратиться к источникам, т.е. путем публикации документов сделать доступной источниковую базу для большого числа исследователей. Конечно, для тех авторов, которые не имеют обыкновения сверять данные литературы с источниками, положение не изменится, но серьезный исследователь, имеющий возможности воспользоваться архивами Москвы и Петербурга, получит хорошее пособие для своей работы.

Вероятно, это обстоятельство, в частности, и руководило Г.К. Венедиктовым, подготовившим публикацию официальных документов и писем частного характера, относящихся к поездке Ю.И. Венелина на Балканы в 1830–1831 гг. Г.К. Венедиктов – известный российский болгарист-филолог. Ему принадлежит целый ряд статей о творчестве Венелина на русском и болгарском языках. В 1997 г. Г.К. Венедиктов издал сочинение Венелина “Грамматика нынешнего болгарского наречия”.

Новое издание документов о Венелине содержит тексты официальных бумаг, касающихся подготовки путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию, письма М.П. Погодину из разных пунктов во время путешествия, несколько писем С.Т. Аксакову, а также письма Ю.И. Венелина непременно секретарю Российской академии П.И. Соколову. Все материалы автором извлечены из архивов:

Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Петербургского филиала Архива Академии наук, Российского государственного архива литературы и искусства, Института русской литературы (Пушкинский Дом), Центрального государственного военно-исторического архива. Несколько писем Венелина, адресованных М.П. Погодину и П.И. Соколову, ранее были опубликованы, в настоящем издании излагаются по архивным вариантам.

Большой интерес представляет вступительная статья к изданию документов. В ней исследователь скрупулезно выявил и указал все ошибки авторов работ о путешествии Венелина на Балканы в 1830–1831 гг. Так, Г.К. Венедиктов отмечает, что, например, статьи В.В. Коломинова о путешествии Венелина не отвечают современным знаниям об этом событии в жизни “зачинателя отечественной болгаристики”, что В.В. Коломинову остались неизвестными “работы ученых второй половины XIX в. и новейшего времени” (С. 4). Очень распространенным в литературе, не только о путешествии Венелина, но и о других славянских сюжетах, является смешивание двух российских Академий. Объяснив этот факт тем, что многие современные исследователи не знают о существовании двух самостоятельных Академий, Г.К. Венедиктов указывает, что Российская (Санкт-Петербургская) Академия наук была основана Петром I в 1725 г. в Петербурге, а Российская Академия создана Екатериной II в 1783 г. для изучения русского языка и словесности и просуществовала до 1841 г., когда после смерти последнего ее президента А.С. Шишкова была слита с Российской Академией наук и образовала в ней второе отделение. В статье Г.К. Венедиктова указывается на неточности в датировке отъезда и возвращения Венелина из путешествия, на ошибки, касающиеся его пребывания в Болгарии, и другие огрехи в освещении фактической стороны его путешествия. Надо полагать, что публикация Г.К. Венедиктовым источников расширит сведения о самом путешественнике и избавит будущие сочинения о Венелине от недостатков их предшественников.

Что же касается самой публикации документов, то она вызывает некоторые замечания. Распределение материала по хронологическому принципу, как это сделано в книге, на наш взгляд, не всегда целесообразно. В данном случае следовало бы за основу взять вид документа. Так, к официальным бумагам публикатор относит переписку между отдельными официальными лицами по поводу путешествия Венелина, план командировки, представленный им в Российскую Академию, инструкцию Российской Академии, записи в протоколах заседаний Академии результатов обсуждения этого вопроса и решений по нему и т.д. Однако письма к неперменному секретарю Российской Академии П.И. Соколову, которые отсылались Ю.И. Венелиным из разных пунктов пребывания во время путешествия, публикуются в хронологическом порядке, вместе с письмами М.П. Погодину. Между тем как письма П.И. Соколову представляют собой отчеты о ходе путешествия, которые зачитывались секретарем на заседаниях Академии, по ним принимались определенные решения, например о продлении командировки, о финансировании и т.д. Эти отчеты логичнее было бы поместить вслед за “Инструкцией”, что дало бы возможность сравнить предписание с исполнением. Таким образом, письма П.И. Соколову – источник официального характера, а М.П. Погодину – личного, не предназначавшегося для публичности, хотя и содержавшего сведения о ходе путешествия.

Вызывает замечание недостаточно подробное пояснение фактов и событий, встречающихся в тексте документов и требующих дополнительных сведений. Ведь многие ошибки в литературе, на которые совершенно справедливо обрушил свой сарказм автор публикации, происходят по причине отдаленности событий от наших дней. Прошло 175 лет со времени путешествия Венелина, многое теперь забылось или затерялось, и современному читателю, который может быть вовсе не обязательно славист или вообще гуманитарий, нужно факты напомнить. Полезно было бы, например, не только указать на то, что С.Т. Аксаков является пи-

сателем, как это сделано в примечании, но и упомянуть основные его произведения. Сказать о том, какое значение имел для развития русской литературы салон Аксаковых в их московском доме и особенно подмосковная усадьба Абрамцево, где до сих пор существует один из лучших литературных музеев. Следовало бы также отметить, что С.Т. Аксаков был одним из инициаторов поездки Венелина в Болгарию и ходатаем за него перед начальством Российской Академии.

Нельзя также ограничиться указанием только на то, что К.С. Аксаков – сын С.Т. Аксакова. Прежде всего, Венелин был домашним учителем детей С.Т. Аксакова, главным образом его старшего сына Константина. Он сам называет юношу К. Аксакова своим побратимом. Главное же заключение в том, что К. Аксаков является одним из создателей славянофильства – философской теории, оказавшей большое влияние на общественную мысль России в XIX в. К. Аксаков был не только философом, но филологом и поэтом. Также и А.С. Хомяков вписал в историю русской культуры яркую страницу и как соавтор славянофильской философии, и как общественный деятель. Сказать о нем, что он был публицистом и поэтом, явно недостаточно, тем более что поэзия его не пользовалась популярностью ни у современников, ни у потомков, удовлетворяла интеллектуальные и эстетические потребности лишь узкого круга любителей. Приведенные примеры не относятся к числу исключительных. Из примечаний такого типа к письмам и другим документам читатель не обогатит своих сведений о русской культуре и ее деятелях первой половины XIX в. Нам представляется, что примечания должны быть подробными. Они не только поясняют не всегда понятный текст документа, но и выполняют важную образовательную функцию.

В то же время, на наш взгляд, излишнее внимание уделено автором публикации характеристике текстов некоторых документов. Г.К. Венедиктов сгруппировал

но отмечает, где какое слово зачеркнуто, где заменено другим, где имеются те или иные исправления, недописанные слова и т.д. Интересные для текстологов и филологов сведения и специальные лингвистические данные едва ли принесут большую пользу обычному читателю.

Высказанные соображения не умаляют значения и высоких достоинств публикации документов о путешествии Венелина на Балканы. Она обогащает наши сведения о творчестве первого русского слависта, об интересе русской образованной общественности к зарубежным славянам, способствует устранению необоснованных утверждений и прямых ошибок в богатой и разнообразной литературе о Ю.И. Венелине. Публикация документов осуществлена в соответствии с принятыми в современной науке нормами и правилами современной русской орфографии. Г.К. Венедиктов поставил еще один литературный памятник родоначальнику русской болгаристики.

© 2007 г. Л. П. Лантева

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ишутин В.В.* Юрий Иванович Венелин (1802–1839). Биобиблиографический указатель литературы за 1828–1994 // Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.
2. Ю.І. Гуца-Венелін і слов'янський світ: матеріали Міжнародної наукової конференції. Ужгород, 1992.
3. *Венелін Ю.* З наукової спадщини визначного слависта. З нагоди 200 літя від дня народження Ю. Венеліна. Ужгород, 2002.
5. *Данилюк Д.Д.* Ю.І. Гуца-Венелі. Ужгород, 1995.
5. *Данилюк Д.Д.* Исторична наука на Закарпатті (кінець XVIII – перша половина XX ст.). Ужгород, 1999.
6. *Лантева Л.П.* Творчество Ю.И. Венелина и его оценка современниками и потомками // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003, № 6.

ПРОТОКОЛ ТРЕТЬЕГО ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДУМА МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ, СОСТОЯВШЕГОСЯ В УДИНЕ (ИТАЛИЯ) 22–23 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА

Третье заседание Президиума Международного комитета славистов (далее – МКС) состоялось в Удине (Италия) с 22 по 23 сентября 2006 г. В работе участвовали: Милан Гюрчинов (Македония, председатель МКС), Димитрия Ристески (Македония, секретарь МКС), Герхард Невекловский (Австрия), Геннадзь Цыхун (Белоруссия), Аляксандр Лукашанец (Белоруссия), Тодор Бояджиев (Болгария), Кэтрин МакРоберт (Великобритания), Карл Гутшмидт (Германия), Стефано Гардзонио (Италия), Николас Жекулин (Канада), Ян Бьёрнфлаттен (Норвегия), Станислав Гайда (Польша), Луциян Суханек (Польша), Майкл Флайер (США), Аленка Шивиц-Дулар (Словения), Слободан Маркович (Сербия и Черногория), Олексий Онищенко (Украина), Аница Назор (Хорватия), Иво Поспишил (Чехия), Вацлав Чермак (Чехия) и Биляна Мирчевска (Македония, технический секретарь МКС). На заседании присутствовал Максим Каранфиловски – декан филологического факультета в Скопье и член Македонского национального комитета славистов.

Из числа приглашенных по уважительным причинам отсутствовали: Лиляна Минова-Гюркова (Македония, заместитель председателя МКС), Дорин Гамулеску (Румыния), Александр Молдован (Россия), Ян Доруля (Словакия), Любомир

Попович (Сербия и Черногория) и Иван Доровски (Чехия).

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Информация о деятельности Президиума МКС в период с июня 2005 по сентябрь 2006 г. (Милан Гюрчинов).

2. Рассмотрение полученных заявок на тематические блоки (Лиляна Минова-Гюркова); ввиду ее отсутствия сообщение делает Димитрия Ристески.

3. Утверждение тем “круглых столов” и пленарных докладов.

4. Утверждение крайнего срока подачи заявок на участие и представления резюме.

5. Утверждение национальных квот XIV Съезда славистов (Димитрия Ристески).

6. Информация о деятельности комиссий при МКС в период с 2003 по 2005 г. (Станислав Гайда).

7. Другие вопросы и предложения.

Работа Президиума МКС 22 сентября проходила в помещении университета Удине. С приветственной речью к присутствующим обратился ректор университета Фурио Хонсел, который выразил удовлетворение, что университет Удине смог принять участников этой встречи и членов МКС и одновременно стал местом проведения Конгресса итальянской славистики. На конгрессе 20 сентября с приветственной речью на итальянском языке выступил Милан Гюрчинов, выступление

которого было радушно принято присутствующими.

1. Заседание Президиума МКС открыл акад. Милан Гюрчинов, который приветствовал присутствующих и поблагодарил за гостеприимство хозяев Джорджо Дзиффера и Стефано Гардзонио. Председатель информировал о деятельности Президиума в период между двумя заседаниями. Он ознакомил присутствующих с изменениями, происшедшими в руководствах некоторых комитетов (Франции, Японии), а также о состоявшихся встречах со славистами из Японии и Турции. Гюрчинов также сообщил о том, что с приближением Съезда увеличивается интерес к нему славистов всего мира, которые выражают желание участвовать в нем. Руководство МКС находится в постоянном контакте почти со всеми национальными комитетами славистов, за исключением комитетов Греции, Молдавии, Индии и Израиля. В Республике Македонии ведется ускоренная подготовка к XIV Конгрессу славистов: состоялось несколько встреч с мэром города Охрида и другими органами и спонсорами, которые могут помочь Конгрессу в финансовом плане. Был избран второй секретарь – д-р Симон Саздов, доцент кафедры македонского языка и южнославянских языков филологического факультета университета им. Блаже Конеского в Скопье.

2. Дискуссию **по вопросу о тематических блоках** начал Димитрия Ристески. Он напомнил присутствующим о решениях, принятых на заседании в Белграде относительно тематических блоков: тематический блок должен охватывать проблемы, относящиеся не менее чем к двум языкам, и его участники должны представлять не менее чем три страны. Преимущество в подаче заявок имеют комиссии при МКС, но допускаются и индивидуальные заявки. Проф. Жекулин предложил отдавать предпочтение проблематике, которая не входит в тематику съезда, но представляет интерес для дискуссии, а также вопросам, которые до сих пор вообще не были предметом обсуждения на съездах славистов. Димитрия Ристески сообщил, что на тематические блоки подали заявление 38 участников, после чего были созданы две рабочие группы – одна по языкознанию в

составе: Г. Цыхун, Г. Невекловский, К. Гутшмидт, М. Флайер, А. Назор и А. Дулар, другая – по вопросам литературы, культуры и истории славистики в составе: Л. Суханек, С. Гардзонио, И. Поспишил, Н. Жекулин, Д. Ристески. Эти группы должны были рассмотреть все полученные заявки, произвести отбор и информировать Президиум о своем решении.

Руководствуясь ранее утвержденными критериями, рабочие группы предложили включить в программу XIV Съезда следующие тематические блоки:

1. По языкознанию:

1.1. Трасянка и суржик: структурные и социальные аспекты описания и категоризации (Gerd Hentschel; Германия)

1.2. Digital Resources for the Study of Early Slavic Manuscripts (David Bimbaum; США)

1.3. Nowoczesny system informacji bibliograficznej językoznawstwa slawistycznego – terażniejszość i przyszłość (Zofia Rudnik-Karwatowa; Польша)

1.4. Малые славянские языки (микроязыки): статус, проблемы нормы и функционирование (А. Д. Дуличенко; Эстония)

1.5. Globalizacja jako nurt rozwoju współczesnej onimii słowiańskiej (E. Rzetelska-Feleszko; Польша)

1.6. Tożsamość i język w perspektywie slawistycznej (Stanisław Gajda; Польша)

1.7. Аспекты этимологических исследований (Александар Лома; Сербия и Черногория)

1.8. Преводната литература во славянското средновековие (Светлина Николова; Болгария)

1.9. Славянская фразеология в синхронии и диахронии (В.М. Мокиенко; Россия)

1.10. Балто-славика в диахронии и синхронии (Райнер Эккерт; Германия)

1.11. Językowo-kulturowy obraz świata Słowian w świetle etnolingwistyki (Jerzy Bartmiński; Польша)

Резерв:

1.12. Динамика и стабильность лексических и словообразовательных систем славянских языков (Е.А. Каприловская; Украина)

1.13. Macedonian and Bulgarian Biblical Translations in the XIX Century (Jouko Lindsted; Финляндия)

2. По литературоведению, вопросам культуры и истории славистики:

2.1. Автодокументальные жанры в современном социокультурном контексте: трансформация и метаморфозы (Ирина Савкина; Финляндия)

2.2. Фольклористика в контексте наук о традиционной духовной культуре. Вопросы теории и методологии (А. С. Каргин; Россия)

2.3. The Cultural Paradigms of the Holy Foolery / Парадигмы юродства (Svitlana Kobets; Канада)

2.4. Фольклор в мультимедийной коммуникации и в повседневной культуре (Зузана Профантова; Словакия)

2.5. Славянская идея в 19–20 веках: интеллектуальные поиски и политическое конструирование (А.Н. Круглашов; Украина)

2.6. Najstaršie slovanske osídlenie strednej Európy a Balkanu (Pociatky južných a západných Slovanov) (Peter Salkovský; Словакия)

2.7. The Sacred and Sacrosanct in Contemporary Russian Culture (Mark Lipovetsky; США)

2.8. Франк Вольман в контексте европейской славистики (Иво Поспишил; Чехия)

2.9. Славянские литературы после 1989 г. в диалоге с Европой и миром (новые явления, тенденции и перспективы) (Халина Янашек-Иваничкова; Польша)

2.10. Politicizing Childhood in Slavic Children's Literature and Film in Socialist Realism and After (Marina Balina; США)

Резерв:

2.11. Старообрядчество (Л. Л. Касаткин; Россия)

2.12. Polish and Russian Literature: Intersections in Culture, Gender and Identity (Elwira Grossman; Великобритания)

После этого председателю МКС было дано право сделать окончательный выбор по составу тематических блоков, включаемых в программу Съезда. В итоге в программу были дополнительно включены темы “Семантика глагольного вида” (Людмил Спасов, Македония) и “Литературная компаративистика в славянской среде в начале XXI века” (Соня Стойменска-Елзесер, Македония), но исключены блоки под номером 1.8 и 2.12, а резервные

темы были приняты в состав программы Съезда.

В результате дискуссии было признано необходимым сократить число участников в блоках, с тем чтобы в блоке участвовали 4 или не более 5 участников, а именно: 1 руководитель, 2 докладчика и 2 дискуссионта. Руководитель и 2 докладчика – представители из трех разных стран – должны вести дискуссию по вопросам, относящимся не менее чем к двум языкам. Об этом решении будут информированы все инициаторы тематических блоков, которые должны будут придерживаться данного правила.

3. Дискуссия о “круглых столах” началась с напоминания о решениях, вынесенных на заседании в Белграде, а именно – на Съезде предусмотрено три “круглых стола” (один по языкознанию, один по литературоведению и один по вопросам культуры) и два специальных заседания, посвященных юбилейным датам: 100-летию со дня рождения Кочо Рацина и 180-летию со дня рождения Л.Н. Толстого.

Проф. Цыхун предложил следующий порядок проведения “круглых столов”: 1–2 участника ведут обсуждение, организатор может приглашать к участию присутствующих коллег по своему усмотрению. Организатор “круглого стола” имеет возможность участвовать в Съезде и с секционным докладом, тем самым не увеличивается общее число участников Съезда.

После продолжительной дискуссии и обсуждения заявок членами Президиума были утверждены следующие темы “круглых столов”:

1. Славянский мир и Европа (организатор – Л. Суханек);

2. Место славянских языков и состояние славистики в мире (организатор – К. Гутшмидт);

3. Университеты и будущее славистики (организатор – И. Поспишил).

При этом было указано на необходимость исключить повторения в двух последних темах, о чем должны позаботиться организаторы.

Относительно **пленарных докладов**, было решено (по примеру предыдущих съездов) первым поставить доклад представителя принимающей стороны

(Македония) по языкознанию, вторым – доклад участника из славянской страны, третьим – доклад представителя из неславянской страны, причем второй и третий доклады должны быть из области литературы и культуры.

4. Крайний срок подачи заявок на участие в XIV Съезде славистов – 31.01.2007 г., а представления резюме – 01.05.2007 г.

5. По пятому пункту повестки дня заседания Д. Ристески объяснил присутствующим, что при определении **национальных квот** принималось во внимание решение заседания Президиума МКС в Ополе, по которому общее число участников XIV Съезда не должно превышать 500–600 человек, а также число участников на Съезде в Любляне; должно быть выдержано и соотношение участников из славянских и неславянских стран.

При определении квот С. Маркович указал, что в делегацию Сербии и Черногории будут включены и слависты из Республики Сербской. С. Гардзонио предложил, учитывая, что по объективным причинам квоты сокращены, опубликовать доклады тех, кто не сможет участвовать в Съезде, в виде дополнения к публикациям каждой национальной делегации.

После широкой дискуссии единогласно были утверждены следующие квоты:

Славянские страны: Белоруссия – 20, Босния и Герцеговина – 5, Болгария – 33, Македония – 20, Польша – 50, Россия – 60, Словакия – 20, Словения – 12, Сербия и Черногория – 32, Украина – 30, Хорватия – 20, Чехия – 30. Итого 332 участника.

Неславянские страны: Австралия и Новая Зеландия – 5, Австрия – 13, Бельгия – 5, Великобритания – 15, Германия – 45, Грузия – 2, Дания – 5, Эстония – 3, Израиль – 5, Индия – 2, Италия – 20, Япония – 5, Канада – 9, Казахстан – 5, Латвия – 3, Литва – 5, Молдавия – 3, Норвегия – 5, Румыния – 10, США – 35, Венгрия – 15, Финляндия – 10, Франция – 15, Голландия – 10, Испания – 3, Швеция – 10, Швейцария – 5.

Итого 268 участников.

На основании этих квот общее число участников Съезда должно составить около 600 человек, причем предусмотрены запасные места для стран, где нет своих национальных комитетов.

6. С. Гайда, координатор комиссий МКС, выступивший с отчетом о деятельности комиссий в период с 2003 по 2005 г., информировал присутствующих о том, что 5 комиссий были очень активными, 10 активными, 5 других менее активными и 4 комиссии полностью прервали контакты с МКС.

М. Гюрчинов поблагодарил С. Гайду за успешно выполненную сложную работу и выразил озабоченность тем, что несмотря на то, что на Съезде в Любляне были выбраны новые председатели, некоторые комиссии не работали.

А. Назор подчеркнула, что комиссии начинают действовать, когда проявляется интерес к определенной проблематике; благодаря списку комиссий и сообщению об их деятельности, сделанному Гайдой, каждый заинтересованный будет знать, куда следует обратиться. С. Маркович заметил, что в отчете не учтены три состоявшихся в прошлом году заседания комиссий, председатели которых представляют Сербию. В. Чермак сообщил о том, что комиссия по изучению Библии не действовала из-за болезни ее председателя проф. Алексеева и что комиссия по церковно-славянским словарям уже запланировала встречу, которая должна состояться в этом году в Праге.

Было указано, что сообщения о заседаниях комиссий должны заблаговременно посылаться проф. С. Гайде, чтобы они вовремя были внесены в отчет.

На заседании было решено, что XIV Съезд славистов состоится с 10 по 16 сентября 2008 г. в Охриде, а следующее заседание Президиума МКС с 14 по 17 сентября 2007 г. в Охриде.

7. По последнему пункту повестки дня Милан Гюрчинов сообщил об изменении в национальном комитете Украины, где по состоянию здоровья покинул пост председателя В. Русановский, а новым председателем был избран Олексий Семенович Онищенко. По правилам МКС членом Президиума МКС можно стать путем голосования всех членов комитета на пленарном заседании или per golam. Все присутствующие согласились с процедурой per golam, чтобы на пленарном заседании лишь утвердить сделанный выбор.

Председатель Гюрчинов информировал о предложении акад. З. Тополинской отметить на Съезде в Охриде десятилетие со дня смерти академика Божидара Видоеского выставкой его публикаций. Было принято решение на общей выставке Съезда одну ее часть посвятить деятельности Б. Видоеского. Каждый национальный комитет должен будет предоставить книги для выставки публикаций.

23 сентября члены МКС посетили Национальный археологический музей в г. Чивидале, а затем были гостями в словенской деревне Клодиг. Там члены МКС были встречены приветственной речью и небольшим концертом художественной самодеятельности местного кружка. Члены МКС приветствовали мэра общины Гримо и директор двуязычной школы в

Клодиге, где на второй день Президиум МКС продолжил свою работу. Акад. Милан Гюрчинов поблагодарил хозяев за любезное гостеприимство и предоставленную возможность познакомиться с культурной жизнью села. На прощание для всех присутствующих был организован ужин, на котором хозяева и гости обменялись тостами.

Акад. Милан Гюрчинов поблагодарил всех за участие, плодотворную дискуссию, прекрасную рабочую атмосферу и закрыл Третье заседание Президиума МКС.

Секретарь Президиума МКС

Биляна Мирчевска

Председатель Президиума МКС

акад. Милан Гюрчинов

Славяноведение, № 4

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVIII ВЕКЕ”

В последние годы во многих странах Центральной и Восточной Европы, в том числе и в России, обрели новую силу традиционные дискуссии о соотношении социальной и национальной природы государств, о содержании и политических формах их становления и эволюции, о роли в этих процессах различных факторов социокультурного свойства, совокупность которых обуславливает формы самоорганизации общества. Взаимоотношения государства и личности, гражданских объединений и публичной власти оказались вновь в центре внимания как общественности, так и ученых. В обобщенном плане отмеченный круг научных проблем обозначается синтетическим понятием “Власть и общество”.

Значение указанных дискуссий определяется, прежде всего, кардинальными общественно-политическими переменами, произошедшими за последние двадцать

лет на востоке Европы. Становление здесь новых форм социального устройства, новых государств и перемены в международных отношениях потребовали существенной ревизии историографических концепций и постановки новых исследовательских задач.

Отмеченные тенденции в полной мере соответствуют и процессам в исторической науке Литовской республики. Вместе с тем здесь присутствует и ряд существенных особенностей, среди которых стоит отметить две взаимосвязанные задачи изучения истории Литвы: во-первых, в общеевропейском контексте и, во-вторых, на основе исторической преемственности – с древнейших времен и до наших дней. Думается, что они во многом определили круг рассмотренных проблем и характер дискуссии на проведенной Институтом истории Литвы международной научной конференции “Общественная и

частная жизнь Великого княжества Литовского в XVIII веке” (Вильнюс, 12–13 октября 2006 г.), в которой, наряду с литовскими учеными из ведущих научных центров республики, приняли участие историки из Англии, Белоруссии, Польши, России.

Представленные на конференции доклады, а также вопросы, поднятые в дискуссии, были, как представляется, сосредоточены вокруг двух центральных проблем: политическая жизнь (политическая и правовая культура) литовского общества, а также общественное сознание и общественная мысль в Литве эпохи Просвещения. При этом, говоря о политической истории Литвы, докладчики уделили главное внимание истории литовских шляхетских сеймиков. Методологическим вопросам названной проблемы был посвящен доклад *В. Кригзайзена* (Варшава) “Шляхетские сеймики Речи Посполитой XVII–XVIII веков как пространство социальной коммуникации”. Докладчик не только рассмотрел основные этапы и характерные особенности политической эволюции сеймиков от собраний вассалов до становления полновластных шляхетских корпораций вплоть до гибели польско-литовской шляхетской республики на исходе XVIII в., проследив их влияние на политические традиции и институты последующих эпох, но также уделил особое внимание процедуре проведения сеймиков как отражению социо-культурных процессов, описанных в категориях общественной коммуникации.

Различные аспекты политической и общественной роли литовских сеймиков были рассмотрены во многих докладах. В частности, деятельности подчиненных сеймикам комиссий генерального межевания в Великом княжестве Литовском 1791–1792 гг. был посвящен доклад *Р. Шмигельските-Стукене* (Вильнюс). В целом докладчики подчеркивали сословный характер сеймиков, в которых воплощалось полновластие шляхты как сословия, объединенного в земские корпорации. Однако сословная замкнутость не исключала присутствия в системе сеймиков элементов парламентских форм общественной жизни. История и характер деятельности создаваемых сеймиками ко-

миссий свидетельствует о высокой активности сеймиков в области местного (земского) самоуправления, где затрагивались наиболее близкие шляхте хозяйственные и общественные вопросы.

К проблеме сеймиков непосредственно примыкала проблема истории судебной системы и правовой культуры Литвы, чему были посвящены доклады *А. Мацука* (Минск), *И. Вержховецкой* (Щецин), *Д. Бурбы* (Вильнюс). Непосредственное обладание судебной властью было одной из наиболее важных черт сословного господства шляхты и феодального суверенитета шляхетской корпорации Литвы, что, с одной стороны, прямо соединено с землевладением (судебными староствами), а с другой – связано с владением судебной должностью как частной регалией, приносящей доход посессору. Сословные привилегии и традиции формировали и соответствующую шляхетскую правовую культуру. Вместе с тем, как отмечали докладчики, к концу XVIII в. под влиянием концепций шляхетского республиканизма и политических теорий века Просвещения постепенно формируется представление о судебной власти как форме патриотического служения обществу и отечеству.

В докладах, посвященных судебной системе Литвы, в центре внимания был один из важнейших органов власти и политических институтов – Трибунал Великого княжества Литовского, выборы депутатов которого, как отмечали докладчики, были для шляхты даже важнее, чем избрание послов на сейм. Поэтому вокруг таких выборов развертывалась острая политическая борьба магнатских группировок и их сторонников, вовлекавшая в свою орбиту подавляющее большинство шляхты, что стало весьма характерным явлением в политической жизни Литвы. В связи с проведением трибунальских сеймиков в дискуссии на конференции был поставлен вопрос о политике в Литве королевского двора и роли в ней так называемой “дворской партии”.

Вопрос о характере магнатских группировок и о присутствии им форм политической деятельности тесно связан с проблемой “шляхетской демократии” и полновластия шляхты. В историографии эта

связь, в частности, нашла отражение в достаточно противоречивом определении государственного строя Речи Посполитой XVIII в. как шляхетской демократии, с одной стороны, и как магнатской олигархии – с другой. Поэтому, говоря о политической истории Литвы, все докладчики, так или иначе, затронули взаимоотношения магнатов и шляхты (укажем на доклад *В. Ракутиса* (Вильнюс, Каунас) о государственном Литовском войске под командованием гетмана Михала Радзивилла и о приватной радзивилловской милиции во главе с его братом Иеронимом Флорианом). О политических взаимоотношениях магнатов и литовской шляхты говорилось в докладах *Г. Слесорюнаса* (Вильнюс), *М. Гальпяровича* (Минск), *Б. Носова* (Москва), посвященных проблеме статуса и роли Великого княжества Литовского в политической жизни Речи Посполитой, а также в отношениях с соседними странами и в первую очередь с Россией.

Особое место на конференции принадлежало докладу *А. Закжевского* (Варшава), поставившего вопрос о границе пространств “публичного” и “приватного” в системе взаимоотношений патронов и клиентов. Описание различных систем клиентских отношений хронологически от античности до наших дней и субъектно от отдельных личностей и социальных микро-групп до целых государств ныне является одним из модных направлений политической эссеистики и публицистики. Однако отмеченный доклад принадлежит к ряду подлинно исторических исследований клиентских отношений литовских магнатов и шляхты. Эти отношения, как показали новейшие исследования, составляли существенную и специфическую черту сословной организации Великого княжества Литовского, а их изучение позволяет описать механизм взаимодействия шляхетского сообщества и магнатских верхов, раскрыть пути трансформации частных интересов и устремлений в политическую волю сословия и политическое действие большинства его членов.

Второй центральной проблемой, объединившей широкий круг докладов и вызвавшей оживленную дискуссию, стала идеология и культура Литвы эпохи Просвещения. Начало ее обсуждения было

положено в докладе *Р. Бутервика* (Лондон), который, опираясь на публицистику эпохи Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., показал, как изменились фундаментальные элементы общественного сознания элит литовского общества, как произошло расширение понятия “публичный” в значении общественной деятельности и общественного достоинства за пределы сословных рамок в направлении гражданского сознания. Разумеется, отмеченное движение еще отнюдь не означало преодоления сословной идеологии, общественная свобода еще не означала освобождения личности, что стало, по словам докладчика, своеобразной диалектикой “вольности” рассматриваемой эпохи.

Проблема политической мысли литовского Просвещения была также поставлена в докладах *К. Мачулисте* (Вильнюс) и *Г. Гордева* (Краков, Гродно). Отмечая преемственность идеологии литовского общества, ее в преобладающей степени традиционный шляхетский и религиозный характер, докладчики указывали вместе с тем на появление новых светских элементов и, главное, на осознание политического значения крестьянского вопроса и предоставления гражданских и политических прав городскому сословию, необходимости реформирования государственного строя польско-литовской республики в духе положений Конституции 3 мая 1791 г.

Несколько докладов были посвящены распространению просветительских идей в литовском обществе и связанным с ними новым явлениям в культуре. В частности о соотношении новых философских идей и традиционных мировоззренческих концепций говорил *Д. Вилюнас* (Вильнюс). В докладах были также рассмотрены: тенденции литературного процесса – *А. Васкелене* (Вильнюс); значение для развития культуры и общественного сознания светских общественных праздников, создания библиотечных книжных и рукописных собраний; роль в общественной жизни официальных и неофициальных средств массовой информации как печатных, так и рукописных – *А. Рагаускас* (Вильнюс); сюжеты, отразившие быт и нравы эпохи – *Н. Слиж* (Гродно).

Представляется, что рассмотрение на конференции проблем истории Просвещения в Литве XVIII в. имело большое значение, ибо позволило продемонстрировать, как на протяжении второй половины века, особенно в переломную эпоху Великого сейма, трансформировалось мировоззрение шляхты Великого княжества Литовского, как изменялись ее представления о государстве, обществе, сословии, корпорации и личности, как формировалось новое сознание патриотизма. Разумеется, эти перемены еще не носили кардинального характера, однако они имели глубокие социальные и культурные последствия. В докладах было показано, как политические теории Просвещения преломлялись в практической деятельности сеймиков и гражданско-военных комиссий в области местного управления и са-

моуправления, что в свою очередь непосредственно связано с проблемой республиканской политической централизации в Речи Посполитой XVIII в. Развернувшаяся на конференции дискуссия касалась многих важных вопросов, в частности о хронологических рамках эпохи Просвещения в Литве, о соотношении религиозного и светского в идеологии и культуре эпохи Просвещения и многих других проблем. Итоги конференции, по общему убеждению, свидетельствуют, что приложения Оргкомитетом во главе с доктором Рамуне Шмигельските-Стукене немалые и разносторонние усилия по ее подготовке и проведению дали весьма плодотворные результаты.

© 2007 г. Б. В. Носов

Славяноведение, № 4

ДНИ СЛАВЯНСКОГО ИНСТИТУТА АН ЧР В МОСКВЕ

14–15 марта 2006 г. в Москве проходили Дни Славянского института АН ЧР, подготовленные совместно с Библиотекой-Фондом Русское зарубежье (далее БФРЗ), при участии Архива АН ЧР, Чешского центра в Москве, Института славяноведения РАН и ряда других академических институтов Москвы и Петербурга.

Заседание открыл директор Библиотеки-Фонда М.А. Москвин, который подчеркнул, что Дни Славянского института проводятся в Москве и в новом здании БФРЗ впервые. Их целью является показать научные и культурные достижения Института в прошлом и настоящем, его вклад в европейскую и мировую славистику.

Первый заместитель МИД ЧР Я. Башиа указал, что чехословацкий президент Т.Г. Масарик использовал византиноведческую и славистическую специализацию, основанного им Института для сохранения культурного потенциала российской эмиграции, внесшей значительный вклад в европейскую цивилизацию.

С приветственным словом к собравшимся обратился также Чрезвычайный и полномочный посол ЧР в России М. Костелка, пожелавший успехов данному знаменательному мероприятию на благо развития российско-чешского научного и культурного сотрудничества.

Вице-президент АН ЧР Я. Панек в своем выступлении заострил внимание на положительной динамике отношения чешского общественного мнения к России, зафиксированной с начала 1990-х годов и по настоящее время. Он отметил, что российская эмиграция внесла огромный вклад в чешскую и европейскую культуру. Ее интенсивное изучение является актуальной задачей чешских ученых, в том числе, и в стенах Славянского института (СИ), восстановленного в 1992 г. Этими проблемами занимаются также вне его стен А. Копрживова, И. Савицкий, Э. Ворачек, Р. Влчек и др. Я. Панек сообщил, что в Историческом институте АН ЧР вышел в свет трехтомный библио-

графический словарь на английском языке “Ученые-исследователи истории Богемии, Чехии и Чехословакии” (Прага, 2005), включивший в себя биограммы более 500 современных историков. Он показывает, что Россия по числу богемистов занимает в мире пятое место после Германии, США и Польши. В то же время и в Чехии растет число специалистов по истории России.

С докладом “Славянский институт в Праге – вчера и сегодня” выступил его директор *В. Вавржинек*. Он напомнил собравшимся, что данный Институт был создан вскоре после образования независимой Чехословакии по инициативе ее первого Президента Т.Г. Масарика на основе закона Национального Собрания ЧСР от 25 января 1922 г. Его работа началась, однако, лишь в 1928 г. В межвоенный период Институт представлял собой самостоятельное и самоуправляемое научное общество с собственным имуществом, получавшее, тем не менее, дотации от правительства страны. Его сотрудниками являлись выдающиеся чешские слависты, в основном филологи и литературоведы, а также некоторые историки, например, славист К. Крофта или византинолог Ф. Дворник. Первым председателем Славянского института был избран всемирно известный археолог и этнограф, профессор Л. Нидерле, автор монументального труда “Славянские древности”, вторым – словенец М. Мурко, профессор южнославянских языков и литератур в Карловом университете. Среди сотрудников (действительных членов и членов-корреспондентов) Института были известные русские ученые-эмигранты В.А. Францев, Е.А. Ляцкий, Н.Л. Окунев, Р.О. Якобсон, А.В. Флоровский и др., проживавшие в ЧСР, а также в других странах (Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский и др.).

Во время войны Институт был закрыт нацистами, а в 1945 г. восстановлен. Его председателем стал известный литературовед А. Пражак. В 1953 г. Институт был включен в состав вновь созданной Чехословацкой Академии наук, организованной по советскому образцу. Его возглавил видный литературовед Ю. Доланский. Институт осуществлял обширную издательскую деятельность в области истории,

языкознания и литературоведения. Некоторые марксистские историки, однако, упрекали его за исповедование “буржуазной идеологии” и “масарикизма”. В 1963 г. в связи с общей реорганизацией системы ЧСАН Институт был снова закрыт, а его сотрудники переведены в другие академические институты.

После “бархатной” революции 1989 г. началась борьба за восстановление Института. Он был открыт в 1992 г. и ныне является самостоятельным институтом АН ЧР. Первым директором был назначен историк А. Мешгян, ныне его возглавляет византинист В. Вавржинек. Институт состоит из трех отделов: старославянского языка и византистики, лингвистики и лексикографии и отдела истории славистики, главное структурное подразделение которого изучает проблемы русской эмиграции межвоенной Чехословакии. Институт издает серию “Труды Славянского института” и другие публикации, а также словари, издания источников и пр. Одним из важнейших трудов Института является четырехтомный “Словарь старославянского языка”, не имеющий равных в мировой славистике.

Л.Н. Белошевская (СИ АН ЧР) прочитала доклад “Русские ученые-эмигранты в Славянском институте в межвоенный период”. Она подчеркнула его важное значение для судеб российской эмиграции в ЧСР “первой волны”. Сразу после начала деятельности СИ его руководство активно привлекло ученых-эмигрантов к работе. Членами-корреспондентами были избраны В.А. Францев, Е.А. Ляцкий, А.Л. Бем, Н.О. Лосский, Г.В. Вернадский, А.В. Флоровский, С.Н. Прокопович, Н.С. Трубецкой, Н.Л. Окунев, Р.О. Якобсон, Д.Ф. Чижевский и др. филологи, историки, правоведы, слависты, византинисты и пр. Русские ученые активно участвовали в работе различных научных комиссий, печатали статьи и монографии в серии и вне серий изданий Института, выступали с лекциями, докладами, устраивали вечера и диспуты. В состав Института было включено Сообщество по изучению жизни и творчества М.Ф. Достоевского, бессменным секретарем которого был А.Л. Бем. СИ оказывал финансовую поддержку эмигрантским обществам и ор-

ганизациям, выкупал части, а иногда и целые тиражи книг эмигрантов, помогал в устройении ежегодных Дней русской культуры. При СИ в 1932 г. были основаны Н.Л. Окуневым Архив и Галерея славянского искусства.

После докладов состоялась презентация только что вышедшей в издательстве “Русский путь” капитальной книги «“Скит” Прага 1922–1940. Антология, Биографии. Документы», подготовленной Л. Белошевской и В.П. Нечаевым. Руководитель проекта рассказала об истории ее создания, о тесном переплетении процесса работы над изданием с переплетениями ее личной судьбы.

Далее состоялось открытие выставки, посвященной прошлому и настоящему Славянского института в Праге. Ее презентовала заместитель директора Института Г. Гладкова. На выставке были представлены документы, касающиеся истории создания Института, портрет его основателя Президента Т.Г. Масарика, фотографии и биографии всех его директоров, главные труды и периодические издания, фотоматериалы о современной научной деятельности Института, мемориальные вещи эмигрантов, их труды и фотографии, некоторые картины из вышеупомянутой Галереи и пр.

15 марта в здании БФРЗ было проведено несколько “круглых столов”: по русской лексикографии (ведущие Г. Гладкова, Е. Шлауфова, И. Крейчиржова), по вопросам русской литературы (ведущая Х. Ульбрехтова), по изучению древнеславянских и древнерусских литературных памятников и церковно-славянского языка (ведущий В. Чермак), а также об итогах и перспективах изучения русской эмиграции в межвоенной Чехословакии (ведущие Л. Белошевская и Ю. Янчаркова).

На “круглом столе” по изучению церковнославянского языка и старославянских и древнерусских литературных памятников состоялся разговор о состоянии палеославистических исследований и перспективах сотрудничества в этой области. В беседе принимали участие директор Института русского языка РАН член-корр. РАН А.М. Молдован, член-корр. РАН Б.Н. Флоря, сотрудники Института славяноведения РАН, Института русского язы-

ка РАН, других научных центров Москвы. О достижениях и новых разработках Отдела палеославистики и византинологии Славянского института АН ЧР сообщил его заведующий В. Чермак; В.Б. Крысько (ИРЯ РАН) рассказал о ходе работ над древнерусскими словарями – Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.) и Словарем русского языка XI–XVII вв. Одним из значительных проектов, осуществляемых сейчас сотрудниками Отдела палеославистики и византинологии Славянского института АН ЧР, является издание Греческо-старославянского индекса. Этот труд, с нетерпением ожидаемый мировой научной общественностью, готовится на основе уникальной, собранной в течение нескольких десятилетий чешскими учеными картотеки (руководитель проекта – В. Чермак). В настоящее время ведущим сотрудником этого проекта Э. Благовой подготовлено около двух третей основного текста Индекса, но окончание этой работы потребует, к сожалению, еще нескольких лет. Также важнейшим направлением работы Отдела палеославистики и византинологии в последние годы являлось издание памятников древнеславянской письменности. Примечательное событие в этом ряду – издание “Бесед папы Григория Двоеслова на Евангелие”, плод многолетнего самоотверженного труда В. Конзала. Как раз перед презентацией Славянского института в Москве вышел из печати первый том “Бесед”, издание второго тома предполагается в конце года. В подготовке исследовательского тома этого труда чешские коллеги рассчитывают на сотрудничество с Институтом славяноведения РАН: палеографическое описание всех привлеченных к изданию рукописей готовится А.А. Туриловым. В замыслах Отдела палеославистики и византинологии также и проект издания княжеских житий – славянских списков XV–XVII вв. Этот проект Славянский институт планирует разрабатывать совместно с Институтом чешской истории АН ЧР, чешские коллеги предлагают сотрудничество в его осуществлении также сотрудникам Института русского языка РАН и Института славяноведения РАН.

“Круглый стол” по изучению русской эмиграции вела Л. Белошевская. Она подчеркнула важность прошедшей в Москве в июне 2005 г. международной научной конференции “Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии” в рамках сотрудничества Славянского института АН ЧР и Института славяноведения РАН. В Славянском институте наряду со “Скитом” издан ряд важных трудов: “Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике” З. Сладека и Л. Белошевской, “Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике” (Прага, 1999), “Хроника культурной, научной и общественной жизни эмиграции в Чехословацкой республике” (Прага, 2000–2001. Т. 12) и др.

Сейчас небольшой отдел по истории российской эмиграции межвоенной Чехословакии работает над изданием фрагментов из дневников, воспоминаний и записей устных бесед с потомками эмигрантов о жизни в Праге. Сюда войдут воспоминания К.А. Чхеидзе и А.Б. Евреинова, фрагменты дневников В.Ф. Булгакова, Н.П. Кондакова, магнитофонные записи бесед с Е.А. Кизеветтер, Д.С. Гессеном, Е.В. Сикорской-Набоковой, В.И. Окунева, И.В. Рафальской, Л.И. Копецкой и др. Небольшие отрывки из двух первых бесед были продемонстрированы слушателям.

Источниковедческую серию Отдел планировал завершить именным словарем организаций и учреждений русской и украинской эмиграции, но по финансовым причинам от этой идеи пришлось отказаться. Однако работа по изданию источников личного происхождения русских эмигрантов продолжается.

Ю. Янчаркова (СИ АН ЧР) рассказала о своей работе над монографией о выдающемся русском искусствоведе и византистике Н.Л. Окунева. Дело осложняется тем, что архив ученого не сохранился. Удалось восстановить список его печатных трудов, найти записные книжки дореволюционного времени, изучить четыре папки изданных СИ иллюстраций 1928–1932 гг. и пр. Но самое главное удалось отыскать местонахождение многих картин из созданной им Галереи славянского искусства, некоторые из которых пред-

ставлены на выставке в БФРЗ. Ю. Янчаркова продемонстрировала собравшимся с помощью компьютерного проектора картины О. Браза, М. Добужинского, Я. Зака, Д. Стеллецкого, К. Терешковича и др.

М.Ю. Досталь (ИСЛ РАН) рассказала об исследованиях по эмигрантологии, ведущихся в центре “Россия и славянский мир в истории науки и общественной мысли” (ныне Отделе восточного славянства) Института славяноведения с начала 1990-х годов под руководством М.А. Робинсона. В 1992 г. здесь выпущен в свет сборник статей “Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в.” Сотрудники Отдела активно печатают статьи в журнале “Славяноведение”, участвуют в конференциях и пр. Совместная со Славянским институтом научная конференция проведена Отделом в 2005 г. при участии ученых из Чехии, Словакии, ряда академических институтов и архивов Москвы. Ныне по материалам конференции подготовлен к печати сборник статей “Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии”. В июне 2005 г. между институтами был подписан новый договор о сотрудничестве на 2006–2010 гг., в том числе, и по теме “Русские научные, культурные и политические организации и учреждения эмиграции в межвоенной Чехословакии”. Тема хорошо согласуется с высказанной Белошевский идеей создания словаря по эмиграции.

Заместитель директора ИМЛИ РАН А.И. Чагин сообщил, что в их Институте планируется издать четыре тома избранных сочинений А.Л. Бема. Сюда войдут публикации работ из трех его сборников о Ф.М. Достоевском, литературно-критические статьи, эпистолярные материалы и дневники ученого. При этом будет учитываться опыт текстологической работы Славянского института, договор о сотрудничестве с которым продлевается.

А.М. Грачева (ИРЛИ РАН) рассказала о разработке в С.-Петербурге темы “Взаимодействие центров русской эмиграции между двумя войнами”. Отношения русского Парижа и русской Праги анализируются на основе переписки писателя и художника А.М. Ремизова с художником Н.В. Зарецким, литературоведами Е.А. Ляцким и А.Л. Бемом, раскрывающей основные моменты культурной жиз-

ни русской эмиграции развитие эстетических взглядов, мотивов литературного творчества, идей художественного синтеза, организации и финансовых основ жизни и пр. В ее выступлении прозвучала также идея желательности организации выставки реконструированной коллекции РКИМ в Збраславе, для чего необходимо уточнить нынешнее местонахождение его картин (в ГГГ, Бахрушинском музее и пр.)

Е.М. Миронова (ИВИ РАН) информировала собравшихся, что в их Институте разрабатывается проект “Русский исход”: издание документов по всем направлениям русской эмиграции, прежде всего, по проблеме выезда, эвакуации и первичной адаптации по дипломатическим, церковным каналам, материалам Красного Креста и школ. Основной фонд документов уже собран и обрабатывается. Готовится издание комплекса документов по эвакуации Е.К. Миллера в Норвегию. Вышел в свет в 2005 г. первый выпуск сборника “Проблемы истории Русского зарубежья”. Готовится к печати второй. Причем авторы не ограничены в выборе темы, объема, материала и форме его подачи.

А.Н. Горяинов (ИСл РАН) говорил о большой перспективности проектов по изданию документов, выявленных в российских и чешских архивах. Положительным примером подобного сотрудничества является его публикация совместно с М. Бубениковой “А.Л. Бем / В.И. Срезневский. Переписка 1911–1936 гг.” (Брно, 2005) на основе материалов Литературного архива Музея национальной письменности в Праге и РГАЛИ в Москве. Значительный интерес представляет изучение деятельности в ЧСР этнографов и литературоведов А.Л. Петрова и Т.В. Крюковой.

И.Л. Кызласова (ГИМ) рассказала о серии конференций середины 1990-х годов в Москве, С.-Петербурге и Праге, посвященных выдающемуся византисту, академику Н.П. Кондакову. На их материалах в издательстве “Русский путь” подготовлен сборник “Мир Кондакова”. Как автор нескольких книг об ученом И.Л. Кызласова предложила свои услуги при издании фрагментов его дневников. (Полное издание дневников планирует сама автор).

А.Г. Гачева (ИМЛИ РАН) считает очень продуктивным сотрудничество российских и чешских ученых в разработке

темы о творчестве К.А. Чхеидзе – писателя, философа, евразийца, пропагандиста федоровича в Праге.

М.А. Васильева (БФРЗ) обратила внимание на проблемы перевода, с которыми сталкиваются издатели чешскоязычных сочинений А.Л. Бема М. Магидова, Л. Белошевская и М. Бубеникова. Она сообщила, что осенью 2006 г. в БФРЗ планируется научная конференция “А.Л. Бем и гуманитарный проект Русского зарубежья”.

А.Л. Гуревич (Библиотека иностр. лит. и БФРЗ), рассказал, что Фонд работает над созданием базы данных о религиозных деятелях эмиграции. Уже собраны материалы для 2500 биограмм. При этом используются данные семи выпусков “Незабытые могилы”, опубликованных РГБ под руководством Н.В. Рыжака и других изданий. Планируется подготовка Словаря религиозных деятелей, которая стыкуется с идеей проекта Славянского института.

О.А. Корыстьев (БФРЗ) признал, что масштабы научной деятельности малого по численности Отдела российской эмиграции межвоенной Чехословакии в Славянском институте вызывают искреннее уважение. В их Фонде существует проект публикации евразийского архива ФСБ. Создается большой Интернет-портал базы данных по исследованиям русской эмиграции и ее организаций.

Е.П. Серапионова (ИСл РАН) рассказала о своей монографии “К. Крамарж и Россия”. В Институте славяноведения РАН с начала 1990-х годов ведутся исследования по проблеме российской эмиграции. Вышла ее монография “Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы)” (М., 1995), сборник статей “Русская эмиграция в Югославии” (М., 1996), публикация А.Н. Горяинова и М. Бубениковой и др. В журнале “Славяноведение” в четвертом (эмигрантском) номере регулярно публиковались М.А. Робинсон, М.Ю. Досталь, В.И. Косик, покойный Л.С. Кишкин и др. Сотрудники Института активно участвуют в конференциях по эмиграции, а в 2005 г. на его базе прошла упомянутая ранее международная научная конференция. Е.П. Серапионова подчеркнула научную перспективность изучения проблем эмиграции, отметив, что лучше исследована российская эмиграция в ЧСР, Югославии, хуже в Болгарии и Польше.

М. Байссвенгер (ФРГ–США) обратил внимание слушателей на необходимость изучения проблем евразийства, которыми он занимается, основываясь на архивах Праги, Москвы, Бахрушинского архива в США, архива Сувчинского во Франции и пр. Это позволит лучше определить суть исканий эмиграции и ее вклад в европейскую и мировую историю.

Л.Н. Белошевская завершила обмен мнениями на “круглом столе” благодарностью за полезный и интересный разговор, подчеркнув перспективность организации подобных выставок, симпозиумов и “круглых столов” по проблемам российской эмиграции.

© 2007 г. *М. Ю. Досталь, В. С. Ефимова*

Славяноведение, № 4

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ. ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНОМ ПРОЕКТЕ

В рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН “Русская культура в мировой истории” (раздел “Концепты русской культуры: “русская идея”, идея империи, славянская общность”) в 2006 г. начата работа над рассчитанным на трехлетний срок проектом “Славяноведение в постсоветских социокультурных трансформациях России, Украины и Белоруссии: идеи – идентичности – научные стратегии”. В проекте задействованы пять исследователей: д-р ист. наук, зав. центром “Россия и славянские народы в истории науки и общественной мысли” Института славяноведения РАН, и.о. главного редактора журнала “Славяноведение” М.А. Робинсон (руководитель проекта), д-р ист. наук, проф. РГТУ, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН Л.Е. Горизонтов, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН А.Л. Хорошкевич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН М.Ю. Досталь и канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН С.С. Лукашова.

Славяноведение – наука о славянстве – будучи всегда важной составляющей культурной и общественной жизни в странах с преимущественно славянским насе-

лением, не только испытывало влияние концептов национальной культуры, но и весьма активным образом участвовало в их формировании. Можно утверждать, что востребованные обществом и тесно взаимодействующие с различными областями отечествоведения, славистические исследования сами стали значимой культурной константой. Славяноведение славянских стран послужило фундаментом для западной славистики, роль которой в формировании общего европейского культурного пространства трудно переоценить. Являясь по своей природе комплексом наук и отвечая тем самым современному стремлению к междисциплинарному синтезу, славяноведение занимает особое место в гуманитаристике, достаточно репрезентативно отражает ее состояние в целом.

Смена векторов общественного развития и строительство на месте распавшегося Советского Союза независимых государств поставили науку о славянах перед лицом принципиально новых вызовов, что, в частности, побудило к переосмыслению ее предмета. Сложилась новая система международных научных связей и тяготений. Выдвижение на первый план (хотя и в разной мере в различных постсоветских странах) национальных идентичностей сформировало в России, Белорус-

сии и на Украине новое и далеко не одинаковое отношение к славянской идее, идее империи, русской идее в различных их интерпретациях. Восприятие русской культуры и положение славяноведения в странах ближнего зарубежья тесно взаимосвязаны. Достаточно новым и противоречиво действующим фактором развития славяноведения стало осмысление глобализации.

Проект предусматривает проведение сравнительно-типологического историко-научного исследования в контексте изучения динамики и взаимодействия важнейших постсоветских идентичностей восточнославянского мира, а также связанных с ними идейно-политических концептов. Предполагается проанализировать соотношение представлений о славянской общности с национальными идеями, конфессиональными тяготениями, оценками советского опыта, европейскими и евразийскими цивилизационными ориентирами в науке и общественной мысли. Участники проекта нацелены на конкретно-историческое раскрытие взаимосвязи гуманитарного знания с ментальными идентификационными кодами близкородственных культур, общественно-политической ситуацией и процессами глобализации. Исследование является ответом на растущий интерес к проблематике российской идентичности, существенной для будущего русской культуры в ближнем зарубежье, региональной неоднородности Украины и оформившейся в последние годы идеологии белорусского государства.

Новизна проекта состоит в неизученности темы, обращение к которой стало возможным лишь тогда, когда в достаточной степени обнаружили себя как общие результаты постсоветской трансформации, так и их национальная или региональная специфика. Заключена новизна и в постановке темы в общегуманитарном, компаративистском и системном ключе. При этом проект опирается на большой задел, имеющийся у Центра "Россия и славянские народы в истории науки и общественной мысли" в изучении прошлого и современного состояния отечественного и зарубежного славяноведения, в том числе

украинистической и белорусоведческой проблематики.

Участники проекта едины в убеждении, что российские специалисты не должны утратить приоритета, который принадлежит отечественной науке в изучении развития славяноведения и его связи с общественно-культурной жизнью. Для этого, однако, необходимо творчески использовать инструментарий мировой науки, позволяющий, в частности, анализировать указанную связь в системе координат комплиментарных и конкурирующих между собой идентичностей.

Практическая значимость проекта видится в возможности на базе начатого исследования разрабатывать научные стратегии в сфере гуманитарного знания, корректировать акценты и направления международных научных связей, давать взвешенные рекомендации государственным структурам, ответственным за развитие российско-украинских и российско-белорусских отношений, производить высококачественный образовательный продукт. В понимании участников проекта научные стратегии включают, прежде всего, определение предмета исследований и их тематических приоритетов, теоретико-методологический инструментарий, организационные формы научной работы, векторы научного сотрудничества.

Словом, цель проекта – представить посредством анализа развития славяноведения после распада СССР изменение социокультурных ориентиров в славянском ядре постсоветского пространства, в наибольшей степени испытывавшем влияние русской культуры.

Задачами исследования являются:

- изучение современного звучания славянской, русской, имперской, евразийской и европейской идей в восточнославянских культурах;
- осмысление современного состояния славяноведения и менталитета восточнославянских народов с точки зрения присущих им систем идентичностей и в связи с международным разделением научного труда;
- анализ наиболее репрезентативной научной, образовательной и публицистической продукции 1990–2000-х годов (в

том числе освещение борьбы науки и паранауки за распространение информации на славянские темы);

– изучение накопленного опыта проведения общественно-научных мероприятий, приуроченных к государственно-церковному Дню славянской письменности и культуры;

– выработка научных стратегий, направленных на повышение общественной значимости российского славяноведения и его роли на постсоветском пространстве;

– анализ докладов российских, украинских и белорусских ученых на XIII и XIV Международных съездах славистов 2003 г. и 2008 г., посвященных проблематике славянской взаимности, империй и русской идеи;

– исследование научной активности украинской и белорусской диаспор в России.

Значимой вехой в решении заявленных задач стал проведенный 14 ноября 2006 г. в Институте славяноведения РАН международный “круглый стол”. Помимо участников проекта, в ходе обсуждения высказали свою точку зрения д-р филол. наук, зав. отделом славистики Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси А.В. Морозов, канд. ист. наук, ответственный секретарь ежегодника “Славистический альманах” Н.Н. Юсова (Институт истории Украины НАН Украины) и канд. ист. наук В.И. Мироненко, руководитель Центра “Европейский Союз и Восточная Европа” Института Европы РАН, главный редактор журнала “Современная Европа”.

В программу “круглого стола” были включены следующие вопросы: “Славянская идентичность в постсоветских трансформациях”; “Славянская идея и формирование государственных идеологий”; “Организационная структура и кадры славяноведения: советское наследие и постсоветские перемены”; “Предмет славяноведения и подходы к его изучению”; “Динамика тематических приоритетов”; “Векторы международной научной кооперации”; “Конформизм и этика в науке”.

Л.Е. Горизонтов охарактеризовал замысел и значение проекта, а также вынесенную на обсуждение проблематику, поделился своими впечатлениями, получен-

ными в ходе командировок в научные центры Белоруссии и Украины в 2006 г. Он напомнил о тех программах и мероприятиях, в том числе международных, реализация которых послужила подготовкой к разработке проекта. В частности, важным было признано российско-белорусское взаимодействие историков и филологов по линии РГНФ–БРФФИ, требующее продолжения и дополнения совместными российско-украинскими исследованиями. Заслуживает развития опыт трехстороннего сотрудничества ученых России, Украины и Белоруссии, а также научная кооперация более широкого международного формата. *Л.Е. Горизонтов* проинформировал об открытии в РГГУ российско-германской междисциплинарной магистратуры “Восточноевропейские исследования”, явившейся инновационным опытом интеграции отечествоведения и проблематики зарубежного славянства, формой комплексного решения образовательно-кадровых и научных задач. Отмечались координационная составляющая поддержанного Отделением историко-филологических наук РАН проекта, роль, которую он призван сыграть в подготовке очередного Международного съезда славистов и осмыслении итогов этого научного форума.

М.А. Робинсон рассказал о переменах в российской славистике, которые прослеживаются на материале журнала “Славяноведение”. Обретение государственной самостоятельности Украиной и Белоруссией привело к расширению славистических исследований в России, традиционно ориентированных на изучение *зарубежно-го* славянства. В Институте славяноведения РАН обсуждалась и еще более радикальная идея включения в предметную область славяноведения всех ветвей восточного славянства (так называемая интегральная модель славяноведения).

Украинская и белорусская проблематика стала появляться на страницах журнала к середине 1990-х годов. Первыми, кто оказался готов обратиться к ней, были специалисты по истории и литературе Средневековья и раннего Нового времени, занимавшиеся, прежде всего, русско-польско-украинско-белорусскими сюжетами. Проведение “года Украины” в Рос-

сии способствовало целенаправленной подготовке тематического номера журнала (2002, № 2), в котором, в частности, помещены материалы “круглого стола” “Восточные славяне в XVII–XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие”. Последнее пятилетие в работе журнала отмечено расширением хронологических и тематических рамок украиноведческих и белорусоведческих исследований, заметно оживились контакты с коллегами из Украины и Белоруссии. Следует, однако, признать, что в общей массе публикаций журнала означенная проблематика занимает пока достаточно скромное место. Диспропорция восполняется изданием с 2003 г. ежегодника “Белоруссия и Украина: история и культура”.

М.А. Робинсон также поделился своими впечатлениями об эволюции научной части мероприятий в рамках Дня славянской письменности и культуры, отмечаемого в России с 1991 г. как государственно-церковный праздник. Центр его проведения каждый год меняет свой адрес. С 1996 г. празднование сопровождается работой международной конференции “Славянский мир: единство и многообразие”, организация которой возложена на Институт славяноведения РАН. Нельзя не заметить, что по мере того, как День славянской письменности и культуры постепенно утрачивал общеславянский характер, превращаясь в торжество русской культуры и православия, в его научной части перестали принимать участие зарубежные ученые. Делегированные Институтом докладчики задают научный уровень конференции, но остальные участники, представляющие в основном высшие учебные заведения города, в котором она проводится, не всегда могут этому уровню соответствовать. Наиболее удачной представляется конференция 2002 г. в Новосибирске, проводившаяся при активном содействии Сибирского отделения РАН. Значимые материалы конференций публикуются в ежегоднике Института “Славянский альманах”, издание которого поддерживает Министерство культуры РФ.

В числе факторов, так или иначе влияющих на современное славяноведение, М.Ю. Досталь назвала славянское движе-

ние. Активизировавшееся в годы Второй мировой войны и задавленное после партийно-государственного конфликта И.В. Сталина и Й. Тито, оно постепенно стало возрождаться в конце 1980-х годов. Важной вехой этого процесса послужили митинги в разных российских городах, приуроченные ко Дню славянской письменности и культуры.

Получили развитие патриотические организации, представляющие разные сегменты политического спектра от русских националистов разного толка до коммунистов. В 1995 г. нерадикальная часть этих организаций вошла в международный союз объединений “Всеславянский собор”, в Хартии которого провозглашалась консолидация “на добровольной основе общественных организаций славянских стран, выступающих за укрепление культурных, политических и экономических отношений между славянскими государствами и народами в интересах сохранения и развития славянской цивилизации как неотъемлемой части европейского и мирового сообщества”. Собор выступал за сближение славянских народов для совместного отпора негативным последствиям глобализации и продвижению НАТО на Восток, во имя сохранения ценностей национальной культуры, политической и экономической независимости славянских стран, против двойных стандартов со стороны ведущих держав Европы и США. Под эгидой “Всеславянского собора” в 1998–2005 гг. прошли международные славянские съезды в Праге, Москве, Ужгороде и Минске. В Праге в 1998 г. был образован Международный славянский комитет. Одновременно в Москве при самом активном участии коммунистов проводились съезды сторонников сближения России, Украины и Белоруссии. Для решения русинской проблемы созывались международные съезды русинов.

Не имея в России существенной государственной поддержки и большого резонанса в СМИ, славянское движение в постсоветский период не получило того массового распространения, на которое, казалось бы, могло рассчитывать, судя по опросам общественного мнения. Не имели серьезных последствий также попытки

его политизации. По наблюдениям М.Ю. Досталь, в настоящее время оно утрачивает свою активность. В любом случае, феномен актуализации славянской идеи в критические моменты развития общества, несомненно, нуждается в тщательном изучении специалистами, как это было сделано применительно к славянской идее и славянскому движению XIX в.

А.В. Морозов остановился на вызовах процесса глобализации, на которые должны найти ответ современный славянский мир в целом и постсоветское восточное славянство в частности. Так, демографические процессы ведут к нарушению этнического баланса за счет падения доли славянского населения. Особенно это характерно для России, которая, по прогнозу белорусского исследователя, будет придавать все большее значение своим культурным связям с Украиной и Белоруссией. Нельзя исключать и того, что в обозримом будущем, в условиях нарастания негативных демографических тенденций в странах Западной Европы, разделенные военно-политическими блоками славянские страны могут стать важными очагами европейскости. Разочарование в стратегиях мультикультурализма и догоняющего развития, осуществляемого путем механического заимствования западной модели, придадут новый импульс развитию славяноведения и российско-белорусско-украинским научным связям.

Славяноведению необходимо расширять свою предметную область, включая в исследование цивилизационной, социокультурной специфики славянского мира широкий спектр проблем современности. При этом важно воспрепятствовать подчинению науки политическим и коммерческим расчетам, что отнюдь не редкость в различных славянских общественных инициативах.

Разрабатываемая обществоведами Белоруссии идеология белорусского государства направлена на предотвращение негативных явлений постсоветского развития и исходит из признания того, что страна находится на стыке цивилизационных и геополитических интересов Востока и Запада. Перспективы белорусской модели развития связаны с последова-

тельным претворением в жизнь многовекторной политики, определяемой стратегическими целями модернизации экономики и системы социального обеспечения. Белорусские ученые готовы воспринимать европейский научный опыт и, более того, всемерно побуждаются к выходу на международный научный рынок, к публикации своих трудов за рубежом и поиску там партнеров. Большой интерес вызвала информация *А.В. Морозова* о сужении поля гуманитарных исследований в Белоруссии до проблематики, имеющей самую непосредственную связь с потребностями этой страны, что предусмотрено действующими государственными программами.

Тему адекватности славяноведения, в том виде, в каком оно существует сегодня, современным процессам в мире продолжил в своем выступлении *В.И. Мироненко*. Отдавая дань огромным заслугам славяноведения в разработке фундаментальных историко-культурных проблем, он обратил внимание на известную архаичность этой области научного знания в условиях, когда стремительно меняется не только мир, но и сама наука. Праздник славянской письменности и культуры с его конфессиональными доминантами – также яркое проявление этой архаичности. Недавние крупные события в славянском секторе СНГ наглядно показали низкий уровень компетентности российского экспертного сообщества, неспособность существующих профильных институций адекватно осмыслить специфику стран ближнего зарубежья и прогнозировать их развитие. Любые ситуационные – политологические, социологические, экономические – исследования должны опираться на современные научные знания фундаментального характера, а не на маргинальные, устаревшие представления. Например, украинистику, особенно в ее историко-филологической части, как убеждает опыт, целесообразно развивать в русле славяноведения – академического, но вместе с тем ориентированного на постановку актуальных проблем. По мнению *В.И. Мироненко*, вопросы “круглого стола” заслуживают обсуждения и в более многочисленном научном собрании.

Согласно мнению *А.Л. Хорошкевич*, организация науки и международное на-

учное сотрудничество производны от концепции исследований, а та, в свою очередь, в немалой степени зависит от общего видения современной эпохи. Догоняющее развитие славянских народов – исторически обусловленная реальность и вовсе не исключение в мировой практике. Почва для взаимодействия народов ни в коем случае не должна сужаться до религиозной платформы. Социальная цель науки состоит в формировании человека здравомыслящего. Пока существуют славянские языки, эта основа всякого культурного развития, будет существовать и славяноведение.

Н.Н. Юсова сообщила о том, что роль координатора украинских славистических исследований начинает играть Институт истории Украины НАНУ, в последнее время расширивший спектр своего сотрудничества с Институтом славяноведения РАН. Она проинформировала о прошедшем в Институте истории Украины 30 мая 2006 г. “круглом столе” “Современное состояние украинской славистики”. Издан первый выпуск ежегодника “Слов’янські обрії”, подготовленный при участии Института истории Украины, Института археологии и Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Под эгидой Института истории Украины также подготовлен к печати первый выпуск нового издания “Славистичний альманах”.

В среде украинских ученых наметились два подхода к изучению зарубежного славянства, которые можно обозначить как собственно славистический и региональный, причем сторонники обоих подходов имеются как в Киеве (учреждения НАНУ, Киевский национальный университет), так и в среде львовских славистов. Регионоведческая парадигма при этом связывается с перспективой европейской интеграции и концепцией Восточно-Центральной Европы.

Хотя организация славистических исследований на Украине сохраняет многое из того, что было заложено еще в советский период, дают о себе знать и новые явления. Так, в настоящее время, наряду с классическими университетами, слависти-

ков готовит Киевский славянский университет. Для Харькова по-прежнему характерно развитие болгаристики. Соглашаясь с важностью постановки проблемы этики в науке, *Н.Н. Юсова* подчеркнула, что инициировать ее вправе лишь ученые с безупречной репутацией, руководствующиеся исключительно профессиональными соображениями, и проиллюстрировала эту мысль примерами из современной научной жизни Украины.

Участники обсуждения отметили, что ставшее ныне возможным серьезное изучение развития славяноведения в XX в. убедительно продемонстрировало истинную цену конформизма и неконформизма в науке. Для поддержания здорового климата в научном сообществе чрезвычайно важны обращение к лучшим образцам служения науке и справедливая оценка негативных явлений, которые не только определяются общими условиями развития науки, но и находят свою конкретную персонификацию в деятельности отдельных ее представителей.

Результатом обмена мнениями и информацией стало более глубокое понимание судеб славяноведения в постсоветское время, связи его развития с социокультурными трансформациями последних полутора десятилетий, принципиальными сдвигами в системе идентичностей и государственной политики России, Украины и Белоруссии. Несмотря на выявление ряда дискуссионных моментов, “круглый стол” продемонстрировал высокую степень взаимопонимания коллег из разных стран в решении сложных и порой острых проблем современной гуманитарной науки. Есть понимание того, что текущая конъюнктура ставит проблемы, но не должна навязывать их решения. Были намечены формы трехстороннего сотрудничества по теме проекта, без которого его успешное осуществление не представляется возможным. Приглашением коллег к взаимодействию является и настоящая информация.

© 2007 г. *Л.Е. Горизонтов, М.А. Робинсон*

К ЮБИЛЕЮ ВАЛЕНТИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ МАРЬИНОЙ

Имя и научные труды доктора исторических наук Валентины Владимировны Марьиной хорошо известны как в нашей стране, так и за рубежом. Посвятив более полувека исследованиям в области Новой и новейшей истории Чехословакии (Чехии и Словакии), а также новейшей истории других восточноевропейских стран, она по праву считается одним из крупнейших отечественных славистов широкого профиля.

Окончив в 1950 г. Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, В.В. Марьина поступила в аспирантуру недавно созданного Института славяноведения АН СССР, с которым оказалась связанной вся ее дальнейшая творческая и общественная жизнь. Здесь она прошла путь от младшего научного до ведущего научного сотрудника, защитила кандидатскую и докторскую диссертации, заведовала сектором.

Научное наследие В.В. Марьиной позволяет говорить о ней как о видном ученом с разносторонними интересами. Она является автором около 300 научных работ, среди которых – монографии, главы и разделы в коллективных трудах, статьи, получившие высокую оценку российских и зарубежных коллег. Важно при этом отметить, что в ее творчестве органически соединяются постановка теоретических проблем и глубокий анализ обширного фактического материала.

Результатом изучения проблемы положения крестьянства в Чехословакии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы после Второй мировой войны явились докторская диссертация и опубликованная годом позже монография “Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1945–1948 гг.” (М., 1984). С середины 1980-х годов основными направлениями исследований ученого стала разработка проблем “Чехи и словаки в годы Второй мировой войны”, «Чехословакия в период так называемой “лимитированной демократии” 1945–1948 гг.» “Чешская и словацкая историография”. В рамках этой проблематики были написаны статьи и разделы в коллективных трудах “Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов” (М., 1985), “Февраль 1948 г.: Москва и Прага. Взгляд через полвека” (М., 1998), “Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг.” (М., 1999), “Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн.3. Освобождение” (М., 1999), “Сталин и холодная война” (М., 1998) и др.

С тематикой национальных фронтов была тесно связана проблема, на долгие годы определившая научные интересы В.В. Марьиной: борьба чешского и словацкого, а также других славянских народов против фашизма в годы Второй мировой войны. Этой теме посвящены ее многочисленные статьи и главы в коллективных трудах. Особо следует отметить большой вклад В.В. Марьиной в подготовку коллективной монографии “Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945” (М., 1995), а также книги по национальной историографии данного вопроса (М., 1991). Произошедшие к этому времени изменения в сфере пользования архивными документами, активное формирование современной источниковой базы в результате рассекречивания значительного числа документальных коллекций способствовали выработке исследовательским коллективом, руководимым Марьиной, новых подходов, выходящих за рамки марксистской парадигмы, отказу от устоявшихся стереотипов.

Как один из ведущих отечественных богемистов В.В. Марьина приняла активное участие в написании “Краткой истории Чехословакии. С древнейших времен до наших дней” (М., 1988). Работать над книгой пришлось в весьма сложных условиях политической конъюнктуры. Как

отмечала впоследствии сама исследовательница, имевшиеся в книге идеологизированные и политизированные оценки потребовали существенного пересмотра. И не только потому, что появились новые источники, проливающие свет на те или иные события и меняющие наше представление о них, но и потому, что сама историческая наука находится в постоянном развитии, отражает требования сегодняшнего дня. Это вызвало необходимость взглянуть на историю чехов и словаков в новейшее время под иным, чем прежде, углом зрения. Подготовленный коллективом богемистов Института славяноведения РАН капитальный двухтомник “Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории” (М., 2005), где В.В. Марьина выступила в качестве ответственного редактора и соавтора, обогатило не только отечественную, но и чешскую и словацкую историографию. Несомненным достоинством труда является его современное звучание, стремление к объективному осмыслению ключевых аспектов истории чехов и словаков в прошлом веке на основе современного уровня научных знаний. Принцип комплексности, заявленный и успешно реализованный в труде, позволил проследить и проанализировать крупные пласты чешской и словацкой истории, выявить ее социальные и политические закономерности в сфере формирования идей национальной государственности на протяженном – столетнем – временном отрезке, отмеченном бурными национальными и социальными движениями. В том, что задуманный масштабный проект был успешно реализован, несомненно, немалая заслуга его руководителя.

В.В. Марьину всегда отличала широта научных интересов. Она выступила в качестве ответственного редактора и автора глав в монографиях “Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. Вып. 1” (М., 1995), «Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. Вып. 2. “Демократическое интермеццо” с коммунистическим финалом» (М., 2002), “Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 (М., 2004), участвовала как соавтор в написании книг “Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа, вторая половина XX века” (М., 2006), “Антикоммунистические революции конца XX века. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы” (М., 2007), “XX съезд КПСС и Восточная Европа” (в печати) и др. Высокую оценку научной общественности получила монография В.В. Марьиной “Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина, 1939–1945”, вышедшая в 2003 г. Э. Бенеш как политик всегда вызывал у исследовательницы повышенный интерес. Помимо ряда статей, посвященных этому деятелю, она перевела и опубликовала (с пространством вступлением) его работу “Демократия сегодня и завтра” и другие документы.

В настоящее время Валентина Владимировна работает над обстоятельным трудом в двух томах “Советский Союз и чехо-словацкий вопрос в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг.”. Первый том, охватывающий период 1939–1941 гг. и написанный во многом при опоре на большой массив новых архивных документов, уже готов и рекомендован к печати. Начата работа над вторым томом. Монография будет первой в российской и чехословацкой историографии попыткой объективно показать, каким было отношение СССР к чехо-словацкому вопросу в годы Второй мировой войны и как ставился и решался вопрос об отношении к Советскому Союзу чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне во главе с Э. Бенешем. Необходимость нового обращения к указанной теме объясняется тем, что ранее она трактовалась весьма упрощенно и лишь в “розовых тонах”, а ныне – порой излишне критически. Многообразие сюжетов, отражение позиций разных слоев внутри чешского и словацкого обществ, а также показ внешнеполитических факторов, прежде всего, советского – все это предопределяет ценность работы, проделанной автором.

В.В. Марьина принимала активное участие в работе многих научных конгрессов и конференций у себя на родине и за рубежом, где с блеском выступала с докладами, неизменно вызывавшими большой интерес коллег. Многие годы она плодотворно работала в Специализированном совете ИСБ РАН по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности всеобщая история и в Ученом совете ИСБ РАН, в Исполнительном совете Ассоциации историков Второй мировой войны.

Картина многообразной и разносторонней научной деятельности В.В. Марьиной будет, безусловно, неполной, если не сказать о ее вкладе в развитие научных контактов с зарубежными коллегами. В Чехословакии она всегда была дорогим гостем. Ей неоднократно доводилось посещать эту страну (а после “бархатного развода” – Чехию и Словакию) для работы в архивах и участия в различных научных форумах. Со многими чешскими и словацкими коллегами она поддерживает постоянные научные и дружеские связи. Долгие годы Марьина вела большую научно-организационную работу в качестве ученого секретаря советской части двусторонней Советско-чехословацкой комиссии историков, с 1994 г. она является членом Российско-чешской

двусторонней комиссии историков и архивистов. Исследовательница награждена чехословацкими памятным медалями в ознаменование 30-летия и 40-летия освобождения страны от гитлеровской оккупации, серебряной медалью Университета им. Я.Э. Пуркине (Брно). А в 2006 г. список ее наград пополнился Почетной медалью им. Фр. Палацкого АН ЧР “За выдающийся вклад в развитие общественных наук”.

Высокая культура и профессиональная эрудиция, принципиальность и тактичность, неизменная доброжелательность и внимательное отношение к людям делают В.В. Марьину чрезвычайно авторитетной среди научной общественности. Человек с активной жизненной позицией, подлинно интеллигентный и глубоко преданный науке, готовый щедро поделиться своими знаниями и опытом, она всегда умеет создать вокруг себя творческую рабочую атмосферу. Парадоксально, но складывается впечатление, что с годами трудоспособность и организованность ученого только возрастают: из-под пера выходят все новые статьи и монографии, а в планах еще столько интересного...

Коллеги и друзья В.В. Марьиной от всей души желают ей здоровья, творческого долголетия и успешной реализации уже задуманного!

© 2007 г. Е.Л. Валева

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала “Славяноведение” присоединяются к поздравлению и желают Валентине Владимировне здоровья и творческих успехов.

Славяноведение, № 4

К ЮБИЛЕЮ ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БОГДАНОВА

25 февраля исполнилось 75 лет выдающемуся ученому-слависту, крупнейшему исследователю словацкой литературы Юрию Васильевичу Богданову.

Вся его научная жизнь тесно связана с Институтом славяноведения РАН. После успешного окончания Московского государственного университета он продолжил учебу в аспирантуре Института, блестяще защитил кандидатскую диссертацию. С 1958 г. – т.е. уже почти полвека – Юрий Васильевич является одним из наиболее ярких и активных сотрудников нашего Института. Хорошо известна научно-организационная деятельность Ю.В. Богданова: ряд лет он был ученым секретарем Института, заместителем директора (с 1971 по 1988 г.), в настоящее время является членом Ученого совета и членом аттестационной комиссии по филологическим дисциплинам.

Лучшей визитной карточкой ученого стали его научные труды, а их на сегодняшний день более 150. Перу Ю.В. Богданова принадлежит ряд крупных работ в области истории словацкой литературы и ее связей с другими славянскими литературами. Он является одним из основных авторов “Истории словацкой литературы” (1970), трехтомной “Истории литератур западных и южных славян” (1997, 2001), двухтомной “Истории литератур стран Восточной Европы после Второй мировой войны” (1995, 2001). Главы и разделы, написанные им для этих фундаментальных трудов, составляют в совокупности целостную, полную и объемную картину формирования и становления словацкой литературы, магистральных путей ее развития в XX в. К суждениям Юрия Васильевича прислушиваются исследователи-слависты не только в нашей стране, но и за рубежом; его высказывания цитируют в своих книгах С. Шматлак, В. Марчок и другие словацкие ученые.

Ю.В. Богдановым написано большое число работ и по отдельным историко-литературным и теоретическим проблемам, опубликованных в коллективных трудах и сборниках Отдела истории славянских литератур. Среди последних по времени создания можно назвать такие статьи, как “Проблемы синхронизации национального и общеевропейского литературного разви-

тия (на материале словацкой литературы)”, “Первый словацкий антивоенный роман”, “Словацкая литература в европейском контексте (к проблеме синхронизации национального и общеевропейского литературного развития)”, “Раннее творчество Доминика Татарки в контексте словацкой прозы о войне и Восстании” и др.

Обладая большим опытом научной и организационной работы, Ю.В. Богданов принимает активное участие в проектах и научных мероприятиях Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. В 2001 г. он возглавлял оргкомитет международной научной конференции “Центральная и Юго-Восточная Европа: литературные итоги XX века”. Под его руководством в 2003–2006 гг. был осуществлен проект “Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа”. Ю.В. Богданов с его глубоким знанием исследуемой проблематики и тонким чутьем стилиста неоднократно и успешно выполнял работу члена редколлегии, ответственного редактора коллективных трудов Института.

Юрий Васильевич – один из активнейших пропагандистов и популяризаторов словацкой литературы, составитель, автор предисловий, переводчик произведений словацких писателей, опубликованных в разные годы в нашей стране. Во многом благодаря его усилиям российскому читателю были представлены такие яркие фигуры, как Я. Есенский, М. Урбан, М. Фигули, П. Илемницкий, Р. Яшик, В. Минач и др.

Ю.В. Богданов – активный член Правления Общества дружбы со Словакией, председатель российско-словацкого Клуба любителей литературы и искусства. Он часто выступает с лекциями и докладами на мероприятиях, проходящих в стенах Словацкого Института (культурного центра) в Москве.

Коллеги по Институту славяноведения РАН, соратники по Центру изучения современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Отдела истории славянских литератур от всей души поздравляют Юрия Васильевича со славным юбилеем и желают ему здоровья, научного долголетия и новых творческих свершений.

© 2007 г. *Коллеги*

Славяноведение, № 4

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ХОРЕВА

Виктору Александровичу Хореву 22 февраля 2007 г. исполнилось 75 лет. Почти невозможно поверить в соответствие этой цифры личности юбиляра. Те, кто знает Виктора Александровича, знают, как одинаково свободно и хорошо чувствуют с ним себя и его сверстники-одноклассники, и совсем молодые люди. Так что если ему действительно 75, то он столь же мудр, сколь и молод. Этому замечательному человеку свойственны столь непопулярные сегодня качества – редкостная порядочность, удивительная доброжелательность и демократичность, а еще – верность и надежность в дружбе. Мало, наверное, в нашем институте найдется людей, кому без лишних слов и жестов он хоть однажды чем-то не помог, кого бы не поддержал в минуту, когда это было необходимо. Рядом с ним, часто не замечая этого, мы чувствуем себя увереннее и защищеннее.

А российским и зарубежным славистам он известен как блестящий полонист, автор более трехсот работ, а также нескольких монографий. Диапазон тематики и проблематики его научных трудов необычайно широк. Никогда не гонясь за научной модой, В.А. Хорев в своих работах мастерски совмещает историко-литературный, теоретический и сравнительный аспекты, помня о главном для ученого – стремлении к истине. Его интересы сосредоточены прежде всего на развитии польской литературы XIX–XX вв., русско-польских литературных и культурных отношениях, специфике жанра “личного документа” – мемуаров, эссе и т.д. В.А. Хорев – крупнейший знаток поэзии В. Броневского, его перу принадлежат исследования творчества Я. Каспровича, Л. Шенвальда, К.И. Галчиньского, Б. Чешко, С. Дыгата, Л. Кручковского, Ю. Каваль-

ца, Т. Брезы, Т. Ружевича, Я. Ивашкевича, С. Мрожека, К. Филиповича, Т. Конвицкого, В. Мысливского и многих других польских авторов.

Немалая часть жизни В.А. Хорева пришлась на время, когда заниматься современной литературой было более чем непросто, а то и опасно. Однако исследователь и в этих условиях прилагал все усилия, чтобы знакомить советского читателя (в частности студентов) с творчеством замалчиваемых писателей, реальным литературным процессом, идущим в Польше. Именно благодаря этому написанные им в 1960-е годы главы двухтомной “Истории польской литературы” продолжают оставаться актуальными.

В.А. Хорев отличает тонкое чувство текста, в частности поэтического – не случайно с юности одной из важнейших его тем остается анализ пушкинских переводов Мицкевича (статья “Баллады А. Мицкевича в переводе А.С. Пушкина” была, кстати, первой научной публикацией Хорева).

В последнее десятилетие интерес В.А. Хорева-ученого сосредоточен в первую очередь на относительно новой для российской науки области – имагологии (именно он ввел этот широко используемый в зарубежном литературоведении термин в российский научный обиход). В рамках данного исследовательского проекта он написал ряд статей, посвященных формированию стереотипов взаимного восприятия в польской и русской литературах, а в 2005 г. вышла его монография “Польша и поляки глазами русских литераторов”. В книгу вошли очерки, в которых автор предпринял попытку показать, как реально складывались устойчивые представления русских о Польше и поляках, какие изменения они претерпевали по мере обретения обеими нациями нового исторического опыта. Кроме того, совместно с Институтом литературных исследований ПАН В.А. Хорев провел несколько научных конференций на эту тему, объединивших усилия историков, культурологов, литературоведов, этнологов, лингвистов. А по их материалам его усилиями как главного редактора были изданы коллективные труды: “Поляки и русские в глазах друг друга”, 2000; “Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре”, 2002; “Миф Европы в литературе и культуре Польши и России”, 2004.

А. Хореву принадлежит ряд комментированных архивных публикаций. Это письма Ю. Туви-ма, В. Воровского (переписка с П. Эттингером), Б. Пилсудского (переписка с Н.А. Рубакиным).

Вся судьба В.А. Хорева, вологжанина по рождению, оказалась связана с Москвой и прежде всего – с академическим Институтом славяноведения, куда после окончания филологического факультета МГУ он поступил в аспирантуру (1954), где защитил кандидатскую (1964), а затем и докторскую (1979) диссертации, где сам сформировался как специалист высочайшего класса и где, в свою очередь, воспитал не одно поколение полонистов (под его руководством защищены девять кандидатских диссертаций, а несколько его учеников стали докторами наук в России, Белоруссии и Польше). В.А. Хорев много лет возглавляет отдел славянских литератур. На протяжении более чем полутора десятилетий он был заместителем директора Института славяноведения. Он – председатель Диссертационного совета по защите докторских диссертаций, член редколлегии журнала “Славяноведение”, заместитель председателя Национального комитета славистов России, председатель мицкевичевской комиссии Научного совета РАН “История мировой культуры”, заместитель председателя “Ассоциации культурного и делового сотрудничества с Польшей”, член Оргкомитета по проведению праздника Дня славянской письменности и культуры в России, а также инициатор и руководитель многих фундаментальных литературоведческих исследований, ставящих своей задачей комплексный анализ литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (“История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны” в двух томах, 1995, 2001, и др.). В.А. Хорев сотрудничает с филологическим факультетом МГУ, и среди полонистов, вузовских преподавателей польского языка, переводчиков польской литературы немало его учеников. Сегодня он является членом Диссертационного совета кафедры зарубежной литературы МГУ, а также научным консультантом кафедры польской филологии Гродненского университета им. Я. Купалы, которая была создана в 1989 г. при его самом активном участии.

В.А. Хорев по праву можно назвать настоящим энтузиастом популяризации польской литературы в России. Он является составителем антологий польской поэзии, прозы и критики (многие годы он был членом редсовета издательств “Радуга” и “Художественная литература”, членом редколлегии многотомного издания “Библиотеки польской литературы”), автором многих предисловий и научных комментариев к русским изданиям польской литературы, ряда переводов из польской литературы (И. Неверли, М. Домбровской, К. Прушиньского, В. Билиньского, Ц.К. Норвида, Ст.И. Виткевича, К.И. Галчиньского и др.)

Исследования В.А. Хорева получили признание не только в России, но и за рубежом – они переводились на польский, белорусский, болгарский, чешский, словацкий, венгерский, немецкий языки.

Большие заслуги В.А. Хорева в исследовании и популяризации польской литературы высоко оценены в Польше. Он награжден “Командорским крестом со звездой Ордена Заслуги”, медалями “За заслуги перед польской культурой”, Комиссии народного образования, “Мицкевич и Пушкин”, польского центра Объединения европейской культуры, премией Министра культуры и национального наследия Республики Польша.

А мы, коллеги этого замечательного человека, желаем, чтобы здоровья, сил и энергии Виктору Александровичу хватило на многие-многие годы. Он очень нужен нашему Институту и всем нам.

© 2007 г. *Коллеги и друзья*

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала “Славяноведение” присоединяются к поздравлению и желают Виктору Александровичу здоровья и творческих успехов.

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ ПЕТРОВНЫ КЛЕПИКОВОЙ

Кончина Галины Петровны Клепиковой означает невосполнимую утрату для современного славянского языкознания вообще и особенно в той его части, которая посвящена разноаспектному изучению диалектных форм славянских языков. Исследования, выполненные Галиной Петровной, всегда поражают объемом использованного материала разных языков, глубиной его анализа и предлагаемыми оригинальными выводами.

Начало исследовательского пути Галины Петровны связано с болгаристикой. В 50–60-х годах XX в. она принимала участие в работе над Болгарским диалектным атласом (БДА) на всех этапах создания этого труда – от полевого обследования говоров, включенных в сетку БДА, до составления карт и комментариев к ним. В первом томе БДА помещены 23 карты, составленные ею. Интерес к болгарским диалектам и шире – к болгарскому языку на разных этапах его функционирования Галина Петровна сохраняла на всем протяжении своей научной деятельности. Это отражено в статьях, посвященных явлениям морфологии и лексики болгарских диалектов (1958, 1963, 1966, 2005 гг.), анализу особенностей лексики новоболгарских дамаскинов XVII–XVIII вв. (1993, 1999 гг.) и др.

Но с конца 1960-х годов свои научные занятия Галина Петровна связала с разработкой проблем, входящих в компетенцию карпатского языкознания как особого направления в изучении диалектов карпато-балканского ареала. В рамках этого направления решаются задачи описания и интерпретации результатов длительного взаимодействия языков/диалектов в генетически гетерогенном лингвистическом пространстве зоны Карпат и соседних регионов, прежде всего балканского. В соответствии с этим, объектом изучения являются как славянские, так и неславянские (румынский, венгерский, турецкий, греческий) языки, входящие в карпато-балканскую зону.

Карпатской проблематике была посвящена монография Галины Петровны “Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала” (1974). Это исследование посвящено анализу наиболее архаического слоя лексики, сформированного в ходе давних связей и взаимодействий этносов и их языков в пределах карпатской зоны.

Большое место в изучении карпато-балканской проблематики занимали лингвогеографические проекты. В Институте славяноведения был подготовлен “Карпатский диалектологический атлас” (КДА), основанный на материале украинских диалектов зоны Карпат. Расширение объекта исследования с привлечением всех языков карпато-балканского ареала произошло на базе международного научного сотрудничества ученых ряда стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Результатом этого стали семь выпусков “Общекарпатского диалектологического атласа” (ОКДА 1989–2003). На всех этапах создания этих атласов Галина Петровна играла ведущую роль и как автор, и как организатор работы. Она принимала участие в составлении Вопросника ОКДА (1981), является автором 77 карт и комментариев к ним в КДА, 25 карт и 37 некартографированных материалов в ОКДА.

Картотека КДА и ОКДА содержит уникальный материал, отражающий лексический фонд живых диалектов обширной карпато-балканской зоны. Г.П. Клепикова справедливо полагала, что на основе анализа этимологии отдельных лексем в комбинации с их локализацией в диалектном пространстве можно судить об особенностях контактов (прямые, опосредованные) между гетерогенными языками, о времени заимствования из одних языков в другие. В конечном счете, это дает возможность судить об истории соответствующих идиомов. Исследованиям такого рода она уделяла много внимания. Ей принадлежат многочисленные статьи, посвящен-

ные анализу румынизмов, унгаризмов, турцизмов, грецизмов в диалектах карпато-балканского ареала. Рассматриваются также славизмы в румынском языке и результаты контактов между славянскими диалектами, генетически включенными в разные объединения. При этом Галина Петровна широко пользовалась материалами, выходящими за рамки картотек КДА и ОКДА. Это – национальные и региональные диалектные атласы, словари, этимологические штудии, чем создавалась фактографическая база, обеспечивающая корректность и надежность получаемых выводов.

Карпато-балканская проблематика интересовала Галину Петровну не только в аспекте ее конкретной языковой экспликации, она предложила типологическое определение карпато-балканской языковой общности – эта общность носит конвенциональный характер и “является следствием длительных контактов различных этносов (языков, культур) и интенсивных миграций на всем пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы; при этом корпус общих элементов характеризует ее в целом, однако в ее пределах каждый из элементов может иметь особое распространение” (*Клепикова К.П. К определению статуса карпатской языковой общности // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие. М., 2005*). В работах Галины Петровны нашел отражение и культурологический аспект карпато-балканской общности (см. *Клепикова Г.П. “Реальное”, мифопоэтическое, лингвистическое пространство. Текст пастушества // Пространство. Память. Мысль. М., 2000; Клепикова Г.П. “Авторство” Поучений Нягое Басараба сыну своему Феодосию как реализация концепта homo balcanicus // Славянское и балканское языкознание. М., 2003*).

Параллельно с работой над ОКДА Г.П. Клепикова активно участвовала и в других лингво-географических проектах. В этой связи прежде всего следует назвать “Общеславянский лингвистический атлас”, над которым работает международный коллектив славистов около пятидесяти лет. Она включилась в эту работу уже на начальной стадии, обслеуя по вопроснику ОЛА русские диалекты. В дальнейшем она составляла карты лексико-словообразовательных выпусков ОЛА, была членом МК ОЛА при МКС, членом редколлегии ОЛА МИ.

В издание “Восточнославянские изоглоссы” вып. 1–4 (1995–2006) Галина Петровна также внесла свой вклад. Она была автором лексических и семантических карт, которые показывали ареальную специфику восточнославянского диалектного континуума, а это способствовало пониманию особенностей генезиса восточнославянских языков.

Наконец, в последние годы Галина Петровна активно занималась “Малым диалектологическим атласом балканских языков”, которым руководит А.Н. Соболев (Санкт-Петербург – Марбург).

Г.П. Клепикова придерживалась теоретических положений диалектологии, согласно которым территориальные диалекты, входя в состав национального языка, сами по себе должны быть изучены и описаны с использованием таких же методов, которые применимы к любому языковому идиому, поскольку только в этом случае можно составить полное представление об устройстве соответствующей диалектной системы. В этом отношении весьма показательна опубликованная в 2004 г. статья “Некоторые вопросы украинского диалектного словоизменения: интерпретация диалектного материала, собранного в одной частной диалектной системе. 1. Глагол (формы инфинитива и презенса)” (в соавторстве с Т.В. Поповой), в которой на основе полевого материала дается полное описание морфологии глагола в *inf* и *praes* в одном украинском говоре (см. *Исследования по славянской диалектологии. М., 2004. Вып. 9*). Эта статья заслуживает особого внимания, так как предлагает новый тип моделирования морфологической системы славянского диалекта.

Г.П. Клепикова принимала активное участие в научной жизни сообщества ученых-лингвистов. Она регулярно выступала с докладами на конференциях, посвященных самой широкой проблематике, была постоянным участником Международных съездов славистов и Международных конгрессов по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады и сообщения Г.П. Клепиковой вызывали неизменный интерес в научной среде.

Исследования, осуществленные Галиной Петровной в течение своей научной деятельности, поражают объемом и глубиной содержания. Вызывает искреннее сожаление то, что планы, которые она предполагала осуществить, уже не реализуются. Но можно быть уверенным, что вклад, внесенный ею в лингвистическую науку, будет оценен не только ее современниками, но и будущими исследователями.

В памяти всех, кто знал Галину Петровну, она сохранится как скромный, очень доброжелательный человек, но в то же время крайне требовательный в своей работе ученый – во всем, что касалось науки, она не допускала компромиссов.

ПАМЯТИ МАРКА ЯКОВЛЕВИЧА ГОЛЬБЕРГА

Из Дрогобыча пришла печальная весть – 17 февраля 2007 г. не стало Марка Яковлевича Гольберга. Он скончался на 85-м году жизни.

Доктор филологических наук М.Я. Гольберг был хорошо известен своим российским коллегам как теоретик и историк литературы, культуры, литературный критик, тонкий стилист, славист широкого профиля, человек огромной эрудиции. Круг его научных интересов был чрезвычайно велик и разнообразен: творчество А. Блока, В. Маяковского, И. Франко, Леси Украинки, взаимосвязи и взаимовлияния восточнославянских литератур, история южнославянских литератур, украинско-южнославянские культурные связи и многое другое. Результаты исследований были реализованы в докторской диссертации Марка Яковлевича “Украинско-сербские литературные связи во второй половине XIX в.” (1989) и монографии “Іван Франко і українсько-сербські культурні зв'язки” (1991). Глубокое изучение архивных и литературных материалов позволило ученому значительно расширить проблематику исследований в этой области (“Труды и дни Вука Караджича”, “Іван Вазов: Життя і творчість”, “Христо Ботев: Нарис життя і творчості” и многие другие). Он вдумчиво вникал в историю общественно-политических движений у южных славян и на Украине, изучал жизнь и творчество ведущих общественных деятелей и известных писателей (Ю. Федьковича, А. Метлинского, Ж. Жуевича, Е. Пелина, С. Сарайлия, М. Вовчок, Я. Головацко, Л. Первомайского, П. Кулиша и др.), глубоко анализировал славянские мотивы в их творчестве («Поєма Лесі Українки “Віла посестра” і питання українсько-сербських фольклорних і літературних взаємин», 2001 г.).

Наряду с литературоведческими и историко-литературными темами большое место в творчестве ученого занимали работы сравнительно-теоретического характера, культурологические, философские, исторические исследования (некоторые из них также отражают славянскую проблематику: “До типології патріотичних мотивів у слов'янських літературах”, “Проблеми культурного синтезу в болгарском национальном возрождении”, “Взаимодействие просветительской идеологии и романтизма (на материале южнославянских литератур)”, “Міжслов'янські літературні зв'язки як предмет вивчення” и другие). Пристальное внимание М.Я. Гольберг уделял проблемам интерпретации текстов, теории и практике литературного перевода. Его исследования зачастую основывались на документальных материалах, вдумчивом и тщательном их использовании. Исследования ученого широко представлены в украинских, российских, белорусских научных и массовых изданиях, его имя хорошо известно в научных кругах многих славянских стран, его научный вклад высоко оценивают зарубежные ученые и, прежде всего, российские коллеги.

М.Я. Гольберг успешно и плодотворно сочетал научно-исследовательскую работу с педагогической деятельностью, которой он отдал без малого 55 лет своей жизни. За это время профессор Дрогобычского педагогического университета им. И. Франко подготовил огромное количество молодых специалистов, воспитал новые научные кадры, которым щедро передавал свои богатые научные знания, исследовательский опыт и увлеченность научной работой. Он по праву гордился своими учениками и следил за их дальнейшей научной судьбой. Немало усилий приложил Марк Яковлевич к созданию высококачественной научно-методической литературы (“О курсе истории славянских литератур” и другие).

Он всегда интересовался новинками научной литературы, отзывался рецензиями на книги, в том числе и по проблемам славистики. В последние годы М.Я. Гольберг нередко сетовал на ослабление научных контактов между учеными разных стран, на снижение уровня информации о работах зарубежных (прежде всего российских) коллег, на прекращение книгообмена и трудности с командировками и работой в ранее легко доступных библиотеках и архивах. Он всегда интересовался научной жизнью коллектива Института славяноведения, радовался успехам коллег, с которыми вел переписку. Можно лишь пожалеть, что на страницах институтских изданий работы Марка Яковлевича появлялись крайне редко.

До последних дней жизни у Марка Яковлевича сохранялось немало научных замыслов и планов, которые он хотел успеть реализовать. Надеемся, что его коллеги и ученики продолжат начатые им исследования, и это будет лучшим памятником ученому.

Светлая память о М.Я. Гольберге сохранится в сердцах сотрудников Института славяноведения.

CONTENTS

Sixty Years of the Institute for Slavic Studies, RAS.....	3
---	---

ARTICLES

<i>Lobacheva Yu.V.</i> (Moscow). Serbia, Yugoslavian Committee and Serbian-Croatian-Slovenian Emigration in the United States in 1914–1916	12
<i>Burega V.V.</i> (Sergeyev Possad). Mutual Relations of Russian Orthodox Parish in Prague with the State Bodies of Czechoslovakia (1921–1938)	29
<i>Kyoseva C.</i> (Sofia). Establishment of the Bulgarian-Soviet Diplomatic Relations in 1934 and the Destiny of Ambassadorial Church in Sofia	46
<i>Simonova T.M.</i> (Moscow). Dmitry Filosofov – Writer of Political Essays and Publisher	53
<i>Stankov N.N.</i> (Volgograd). Dawes's s Plan and Political Struggle in Germany in 1924 According to the Reports of Czechoslovak Embassy in Berlin	71

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kosyk V.I.</i> М. Йованович. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940	85
<i>Nikiforov K.V.</i> Белоэмиграција у Југославији. 1918–1941	89
<i>Aisurvit E.</i> Альфред Людвикович Бем / Всеволод Измайлович Срезневский. Переписка. 1911–1936	93
<i>Lapteva L.P.</i> Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831)	98

SCHOLARLY LIFE

Proceedings of the Third Meeting of the International Slavists Committee Presidium held in Udine (Italy) on September, 22–23, 2006	101
<i>Nosov B.V.</i> International Academic Conference “Social and Private Life in the Great Duchy of Lithuania in XVIII century”	105
<i>Dostal M.Yu., Efimova V.S.</i> Days of Slavic Institute, Czech Academy of Sciences in Moscow	108
<i>Gorizontov L.E., Robinson M.A.</i> Slavic Studies in East European Countries in front of the Modernity Challenges. Information about the Scholarly Project	113

ANNIVERSARIES

<i>Valeva E.L.</i> Towards the Anniversary of Valentina Vladimirovna Maryina	119
Towards the Anniversary of Yury Vassilyevich Bogdanov	121
Towards the Anniversary of Victor Aleksandrovich Khorev	122

OBITUARIES

In memoriam of Galina Petrovna Klepikova.....	125
<i>Aksenova E.P.</i> In memoriam of Mark Yakovlevich Golberg (1922–2007)	127

Сдано в набор 03.04.2007 Подписано в печать 24.05.2007 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
 Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,2 тыс. Уч.изд.л. 11,9 Бум.л. 4,0
 Тираж 481 экз. Зак. 288

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН
 Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
 Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
 E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2008
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 ТОМ Российские и зарубежные газеты и журналы

2 ТОМ Книги и учебники

1 ТОМ ПРЕС
1 ТОМ РОС
И З
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АРСМИ”